

Игорь Пронин

Наполеон

Книга первая
ПУТЬ К СЛАВЕ

Автор идеи
Константин Рыков

ЭТНОГЕНЕЗ

Издательско-торговый дом
«Этногенез»
Москва, 2012

ПОПУЛЯРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

ООО
«Популярная литература»
Москва, 2012

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П81

Книга издана при поддержке Newmedia Stars

Пронин, И.
П81 Наполеон. Книга первая: Путь к славе / Игорь Пронин — М.: Издательско-торговый дом «Этногенез», 2012. — 256 с.

Исчезнув во времени и пространстве, Клод Дюпон оказывается в революционной Франции конца XVIII века, где вскоре становится одним из вождей международной тайной организации, пытающейся сорвать планы арков по захвату Земли. Во время одной из операций приспешники и противники прозрачных, оказавшихся в патовой ситуации, вынуждены принять совместное решение — отдать могущественный артефакт подающему надежды армейскому генералу по фамилии Бонапарт. Но игра только начинается, и дебют придется разыгрывать трем юношам, которых судьба забросила в бурлящую Францию из далекой России: Остужеву, Гаевскому и Байсакову.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П81

ISBN 978-5-904454-57-9

© Рыков К., 2012
© Пронин И., 2012
© Издательско-торговый дом «Этногенез», 2012

ПРОЛОГ

1788 год

1

Флоренция. День выдался солнечным, но и ветреным одновременно. Иван Александрович Заборовский, славный русский генерал, герой войны с Турцией, стоял у окна в накинутом кителе. Итальянок с обнаженными загорелыми плечами, которых он так любил разглядывать в минуты вынужденного безделья, нигде видно не было. Да и кто стал бы расхаживать с голыми плечами под таким ветром? Немолодой генерал грустил и курил трубку. Заборовскому хотелось домой. Он не был большим ценителем славной флорентийской архитектуры, Ивану Александровичу хватило и пары прогулок по городу. Родина да Винчи и Микеланджело совсем его не притягивала. Разве что итальянками с плечиками? Да где они теперь...

— Что за день, черт бы побрал такой день! — выругался Заборовский, когда неожиданный порыв ветра сорвал с его плеч китель и громко стукнул ставнями. — Денискин! Что с корреспонденцией?

— Ничего нового! — вяло отчитался секретарь, приоткрыв дверь в комнату гостиницы, служившую Заборовскому кабинетом. — Два немца, французский лейтенант и швейцарец. Еще итальянец какой-то, но небось снова прощелыга, у которого «документы украли». Если кто появится, сей же час доложу.

— Да уж будь так любезен! — скривился Заборовский. — Чаю, скажи, чтобы принесли. Да покрепче! Вишь, день какой... В такой день, поди, опять никто не появится. Разве что черта принесет такой ветер.

Иван Александрович был командирован во Флоренцию с целью набора офицеров в русскую армию. Надвигалась очередная война с неуступчивым южным соседом. Бить Турцию было просто необходимо, и все возможности для этого имелись... Только никак не получалось эти возможности использовать. Есть оружие — не хватает пороха. Подвезут порох — пушки уедут в другое место. Сам немало повоевавший, Заборовский знал, что могут натворить дурные руки, а самое главное — неумные головы. Хорошо еще, что и у турок с этими головами тоже имелись большие проблемы. Где же взять толковых офицеров, чтобы не в карты резались и водку пили, а воевать умели, не губя солдат попусту? Такие — на вес золота. Их не хватает в любой стране, на любой войне. Без них самые героические солдаты ничего не смогут сделать, и планы самых талантливых генералов будут разрушены без них. Вот и сидел Заборовский во Флоренции, пытаясь завербовать молодцов. Да как угадаешь, кто из них и в самом деле чего-то стоит, а кто дурак дураком?

— Спросят потом с кого? Заборовский, скажут, навербовал черт-те кого! — Генерал в сердцах сплюнул в окно. — Еще скажут, что казенных денег небось прикарманил, вот и понавез кого подешевле!

Стукнула дверь, Иван Александрович оглянулся.

— Французишка пришел, — негромко сообщил Денискин, застегивая пуговицу на мундире. — Только, говоря откровенно, зрелище довольно-таки жалкое.

— Уж конечно, в такой день кто явится? Только жалкий какой! — Заборовский надел китель, привел себя в порядок и сел за стол. — Проси.

Вошедший оказался невысоким молодым человеком в чистом, но заметно поношенном мундире французской армии. Лейтенант, довольно хорош собой, но худощав.

«Жрать нечего, поди... — смекнул Заборовский. — Много вас таких в Европе, офицериков недоделанных. Мало своих кутил, еще и этих завозим».

— Лейтенант Бонапарт! — представился вошедший. — Счастлив видеть вас, генерал, я наслышан о ваших подвигах. Нуждаетесь ли еще вы в офицерах?

— В хороших — всегда нуждаемся. — Заборовский указал гостю на стул и принял пакет с бумагами. — Отчего же вы хотите уволиться из французской армии и поступить в русскую?

— Офицер должен воевать, а не проедать жалованье на квартире! — бойко ответил лейтенант.

«Ишь! — Иван Александрович просматривал бумаги. — Ты-то свое жалованье, видать, на три года вперед проел. Если, конечно, не проиграл. Велико же твое жалованье, французик, что ты готов голову под турецкие пули подставлять за тридевять земель. Однако, по бумагам судя, парнишка грамотный. Артиллерия теперь многое решает, а этот дело, кажется, знает... Работы по баллистике, надо же...»

— Что ж, пока я не вижу причин для отказа, хотя в однажды такие дела, конечно же, не решаются, — вслух сказал Заборовский. — Прошу вас прийти ко мне через пару-другую дней, после того как я приму окончательное решение.

— Через пару-другую дней?! — Бонапарт вскочил, губы его мгновенно побелели. — Любезный генерал, вы не могли бы выразиться точнее?

— Может, и через неделю. — Заборовский вальяжно откинулся в кресле. — У нас желающих много, но нужны лучшие, оттого — не спешим. Я должен кое-что уточнить о вас, прежде чем предложить чин подпоручика русской армии.

— Подпоручика?! — едва ли не вскричал француз. — Но я лейтенант, мое звание равно званию поручика!

«Ишь! — усмехнулся про себя Иван Александрович. — Пылит, как тройка по большаку! Южная кровь, то-то на француза не сильно похож. Чисто черкес какой!»

— Месяц назад, — Заборовский погладил лежавшую на столе папку с документами, — месяц назад пришла инструкция из Санкт-Петербурга, запрещающая брать на русскую службу иностранцев в их чине. Лишь с понижением на один, а то и более, смотря по обстоятельствам. Но вас понизить на два чина попросту невозможно...

— Вы смеетесь надо мной?! — Бонапарт схватил свои бумаги и попятился. — Я ехал сюда, в Италию, чтобы мне, отличнику курса, опытному артиллеристу, предложили идти в русскую армию подпоручиком?! Да король Пруссии сей же час даст мне чин капитана, лишь посмотрев на бумаги! Честь имею!

— Имей, братец, имей... — по-русски попрощался Заборовский и сложил руки на животе. — На итальянца ты похож, а не на француза. Не прощелыга ли какой?

Лейтенант выбежал, едва не сбив с ног Денискина, из любопытства решившего самостоятельно занести чай генералу. Секретарь услышал последние слова.

— Итальянец! — уверенно сказал он. — Я акцент его слышу.

— Выговор, значит, итальянский? — Заборовский принял чай, с наслаждением отхлебнул. — Что ж, тем лучше. Пусть идет себе, мошенник. А если и не мошенник, тоже пусть идет. На нем свет клином не сошелся, другого найдем. Горяч больно!

— А может, корсиканец, — задумчиво предположил Денискин. — С тех пор как французы остров у генуэзцев забрали, их во Франции много шляется, этих корсиканцев. Дикий народ, говорят. Чуть что — за нож.

— Ну вот, — удовлетворенно кивнул Заборовский. — Нам артиллеристы нужны, а поножовщину мы и сами устроить сможем.

2

В июне он вернулся из своего затянувшегося отпуска. Полк перевели в Оксонн, лейтенанта Бонапарта разместили в казарме, чему он был весьма рад — такая жизнь менее комфортна, но дешевле обходится. А именно деньги прежде всего интересовали офицера. Второй по старшинству брат в большой корсиканской семье, именно он после смерти отца стал ее главой — как самый решительный и рассудительный. Пришлось взять отпуск, растянувшийся на полтора года, и устраивать дела. Кое-что ему удалось, но следовало смотреть правде в глаза: семья стремительно скатывалась к нищете, и помочь им на Корсике почти некому. Друзья покинули остров, совсем недавно бывший почти независимым. Генуэзцы отдали непокорных корсиканцев французам, за долги, и уж те быстро навели свой порядок.

Наполеон сел на узкую солдатскую кровать и обхватил голову руками. Что делать? Поступить на службу к российскому императоруказалось вполне подходящим выходом. В России, говорят, толковый иностранец может сделать карьеру, там не станут разбираться: настоящий ты французский дворянин или корсиканский. Здесь же, во Франции, с этими надутыми аристократами и жиরющим духовенством, пробиться просто невозможно. Но поступить в русскую армию с понижением на чин?! Нет уж, слишком дорого досталось Наполеону звание лейтенанта.

— Пройдись по городу, Бонапарт! — через приоткрытую дверь крикнули ему два французских офицера. — Пусть солнце растопит твою корсиканскую злобу, а то нам не по себе! Познакомься с какой-нибудь горожанкой! Так и время до обеда скоротаешь, вечно голодный лейтенант!

Наполеон не пошевелился. Он не слишком ладил с сослуживцами, хотя, конечно, держал себя в руках. Это в школе он кидался с кулаками на всякого, кто называл его «диким корсиканцем» и передразнивал акцент. Теперь он взрослый, старший в семье, и не время думать о гордости. Ох, хоть бы какую войну! Война — единственный способ для офицера выдвинуться. Но полк Бонапарта ни в каких боевых действиях пока не участвовал. Другие офицеры, жившие при казарме, тоже не отличались достатком, но им оказывали хоть какую-то помощь родственники, Наполеон же сам был вынужден отсылать на родину часть зарплатка. Единственным приятным способом провести досуг для него было чтение, и читал молодой артиллерист все подряд.

— Чертовы аристократы! — проворчал он на корсиканском диалекте итальянского, на родном языке. — Может быть, и в самом деле французам пора вспороть вам животы, как писали в тех запрещенных прокламациях? Вы же просто грабите их, а сами — бездарности и моты. М-да, и вправду стоит пройтись — до обеда два часа, а в животе уже урчит.

Он накинул шинель, чтобы не было видно потертого, старого мундира, и вышел из казармы. Солдаты, бездельничавшие в сторонке, одарили молодого лейтенанта недобрными взглядами. Их не волновало его происхождение, они просто не любили офицеров. Наполеон покачал головой. Куда катится эта страна? Может быть, ему стоит уже сейчас примкнуть к тем, кто добивается независимости Корсики? В случае мятежа во Франции у острова есть шанс. Но как только мятеж будет подавлен или у власти окажутся новые правители, тяжелая длань могучей, многочисленной и, главное, имеющей прекрасную артиллерию французской армии просто раздавит повстанцев. Что тогда станет с семьей Наполеона? Бежать некуда. Если же он останется во французской армии, то опасность для семьи будет исходить от самих повстанцев.

В отвратительном настроении Наполеон вышел на городские улицы и бесцельно зашагал прочь. Минут через тридцать он незаметно для себя оказался среди лачуг бедняков. Наполеон резко остановился — тут однокому офицеру может угрожать вполне реальная опасность, а риска без причины он не любил. Повернувшись, он увидел пару ухмыляющихся мальчишек, грязных и тощих.

«Вот еще не хватало получить камнем в голову! — невесело подумал он. — Выйду на смотр с разбитой щекой, что скажет полковник?»

За спинами мальчишек, довольно далеко, появилась фигура высокого, худощавого мужчины, куда-то явно спешащего. Но Наполеона волновал не он, а мальчишки. Глядя сорванцам прямо в озорные глаза, он прошел немного им навстречу, а потом наугад свернул в узкий переулок, надеясь вернуться другой дорогой. Рука под шинелью легла на эфес сабли — если пойдут за ним, можно попробовать напугать. Вот и улица, параллельная той, по которой он сюда пришел. Теперь налево и быстрее к кварталам побогаче, там спокойнее.

Он быстро шагал, не забывая заглядывать в переулки — не крадутся ли сорванцы за ним, сжимая в руках камни, свое чертовски опасное оружие? Но увидел Наполеон не их, а двух вполне прилично одетых мужчин в черных сюртуках, которые пытались затолкнуть в мешок девочку лет семи-восьми. Один изо всех сил зажимал ей рот, а другой, с мешком, боролся с отчаянно брыкающимися ногами ребенка.

— Что здесь происходит?! — воскликнул лейтенант, выхватывая саблю. — Немедленно прекратите, мерзавцы!

Негодяи оглянулись и, увидев невысокого, но весьма сердитого офицера, остановились. Тем не менее девочку они не отпустили.

— Что вы собираетесь сделать с этим ребенком?! — Наполеон вошел в переулок, держа саблю перед собой. Фехтовал он

не слишком прилично, артиллеристу это не особенно нужно, но при случае был готов действовать решительно.

— Убирайтесь, мсье! — хрюплю сказал тот, что держал девочку за ноги. — Это не ваше дело, ступайте, куда шли!

— Не смейте со мной так разговаривать! — Наполеон сделал еще несколько шагов и быстро оглянулся. Сзади пока никто не подкрадывался. — У меня есть пистолет, и я, лейтенант королевской армии, не побоюсь им воспользоваться!

— Ого, какой смелый петушок! — сказал второй мерзавец. — Вот только не галльский. Неужели король берет в свою армию итальянцев? У нас же своих бездельников полно! Или... Ну да, это же корсиканец! Приехал к нам немного подхарчиться!

— Не трепи языком, — потребовал первый. — Держи чертовку крепче.

Он выпустил ноги девочки, которая тут же снова принялась брыкаться, и выхватил спрятанный под сюртуком пистолет. Укрыться в узком переулке было негде, и Наполеон отчаянно бросился вперед. С собой кроме сабли у него в самом деле ничего не было, и идея с угрозой оказалась неудачной.

— Проклятье! — Пистолет дал осечку, и негодяй в черном сюртуке швырнул его в Наполеона.

Лейтенанту удалось отбить его клинком. Он продолжил атаку, а его противники, совсем забыв о ребенке, выхватили кинжалы. Не слишком рассчитывая на свое умение, Наполеон стал теснить их широкими взмахами сабли, не позволяя зайти сбоку. Некоторое время негодяи еще пытались оказать сопротивление, но потом сдались.

— Жак, она все равно уже сбежала! Нам надо искать ее, а не чиркать железом о железо с этим дикарем!

— Она сбежала, потому что ты ее упустил! — взревел хрюплюй и в последний раз попытался отбить кинжалом в сторону тяжелую саблю. — Давай за ней!

Сам он, впрочем, тоже немедленно «показал пятки». В горячности Наполеон пробежал за ними до конца переулка, но, когда выскочил на улицу, их уже нигде не было видно. Какой-то работяга, увидев офицера с обнаженной саблей, отступил на несколько шагов и крикнул:

— Эй, соседи! Я гляжу, аристократы у нас тут с саблями ходят, как бы чего не вышло!

Тут же захлопали ставни, выглянули женские заинтересованные лица и мужские, хмурые и злые. Спрятав саблю, Бонарт быстро пошел прочь. Здесь могли запросто обвинить его в пропаже той девочки в лохмотьях, а свидетелей столкновения у него не было. В той обстановке, что создалась в стране в последние годы, одинокого офицера могли просто забить палками, а тело спрятать.

«Но как же девочка? Ведь она все еще в опасности! — Он продолжал озираться. — Надо было сказать этим людям о ней? Нет, лучше не заговаривать. Скорее всего, она из этих мест и уже сидит дома, дрожа от страха».

Он едва не вскрикнул, когда из-за угла выскочил и едва не налетел на него высокий, худощавый мужчина. Память тут же подсказала: он уже видел его, но в тот раз незнакомец направлялся не к центру города, а в сторону окраин. Сейчас он возвращался, в точности как сам Наполеон, сделав петлю по соседней улице, только прошел по другому переулку.

— Мсье? — Наполеон приложил руку к шляпе.

— Я немного заблудился. — Незнакомец говорил с акцентом, и, скорее всего, родным его языком был арабский. — Тут какой-то шум, может быть, нам лучше покинуть квартал?

— Извольте, я провожу вас. — Наполеон продолжил путь, краем глаза разглядывая иноземца. — Вы приезжий?

— Ну, вы тоже не француз! — рассмеялся араб. — Пока у меня во Франции лишь одно небольшое дело: найти вас, лейтенант

Наполеон Бонапарт. Не останавливайтесь! Не хватало еще схватиться с шайкой бедняков.

— Вы меня знаете? — остановившийся было от неожиданности Наполеон пошел дальше. — И кто же вы такой?

— А вот этого я вам не могу сказать. Пока, по крайней мере. И вообще дело у меня, как я сказал, небольшое, мы решим его прямо на ходу. Вот вы выглядите усталым, Бонапарт. Во многом это от голода, но и дел у вас хватает. А ведь так хочется продолжать учиться, читать... Правда?

— Я не понимаю вас и не желаю вести разговор в таком духе! — Лейтенант выпрямился во весь свой невеликий рост. — Или представьтесь, или оставьте меня в покое!

— К сожалению, у нас нет времени, — вздохнул араб. — Есть люди, которые очень хотят знать о нашей встрече. Но им не должно стать ничего известно, а поэтому не ждите от меня долгих объяснений. Так даже лучше. Вот, возьмите эту фигурку! Пока она будет касаться вашей кожи, Наполеон, вы не устанете и сможете переделать все дела, какие только захотите. А дел у вас впереди много! Если, конечно, вы возьмете фигурку... Ну, быстрее! Я ведь ничего не прошу от вас, я только даю!

— Да, я нечасто что-либо получаю, в основном наоборот... — Немного ошарашенный Наполеон подставил руку, и в нее упала фигурка пчелы из странного серебристого металла. Ладонь заметно кольнуло, и он тут же бросил пчелу на землю. — Проклятье! Что это значит?!

— Да поднимите же быстрей, эта пчела не кусается! — Араб свернулся и теперь быстро удалялся. — И никому ее не показывайте и не упоминайте обо мне, иначе с вами может случиться беда!

На углу араба поджидали те самые два типа, которых Наполеон заставил выпустить девочку. Мешка при них не оказалось,

и это было хорошим знаком. Преследовать араба? Нет, против троих ему точно не выстоять, а помогать здесь офицеру никто не станет.

«Жаль, что я не подобрал пистолет... — некстати подумалось Бонапарту. — Мог бы продать, купить приличную шляпу, в моей уже ходить стыдно».

На ладони не осталось ни ранки, ни следа ожога, боль полностью прошла. Он достал платок, присел и осторожно поднял фигурку. Чем она уколола Наполеона, по рассмотрении осталось совершенно непонятным.

— Милая работа, — хмыкнул он. — Ну, остался без пистолета, так, может, продам фигурку. На шляпу не хватит, но и кое-что — уже хорошо. Но черт возьми, что за глупые восточные сказки?! Араб, волшебная пчела, тайна... Да о таком и в самом деле в казарме рассказать стыдно!

Он сунул платок с завернутой в него фигуркой в карман и побыстрее пошел прочь, тем более что откуда ни возьмись показались давешние мальчишки с наглыми физиономиями. Однако его подстерегала еще одна неожиданность — там, где уже начинались дома побогаче, ему встретилась та самая девочка. Она пересекла улицу и, бросив короткий взгляд на лейтенанта, кажется, улыбнулась ему. Вслед за ней показались и тут же исчезли в том же направлении трое крепких, собранных мужчин.

«Это уже не мое дело, — с облегчением подумал Наполеон. — Девочка жива и теперь бегает по шумным улицам, а не по безлюдным переулкам окраины. Здесь, чуть что, тут же позовут полицию».

Вернувшись в казарму незадолго до обеда, лейтенант Бонапарт развернул платок и положил на стол шнурок с фигуркой пчелы. Шнурок был кожаным, но из какого металла сделана пчела, он так и не смог даже предположить. Артиллерист

немного разбирался в сплавах и мог сделать несколько догадок, но отчего-то понял, что угадать не сумеет. Он осторожно прижал пчелу рукой к столу, почувствовал знакомый уже укол, но не убрал руку. Пришло тепло... А потом стало хорошо. Исчезло чувство голода, усталости, пропало ощущение постоянной униженности, появилась уверенность, что с семьей и с ним са-мим все будет хорошо. Ему захотелось работать, учиться, чи-тать — готовиться к чему-то большему.

— Пчела... — задумчиво протянул Наполеон. — Я еще узнаю, что ты такое, и ты сама поможешь мне в этом. Но ты будто просишь не торопиться. Так? Ты даешь мне силы, ты даешь мне уверенность, ты зовешь меня к труду. Хорошо, милое насекомое, твой нрав мне по нутру. Мы можем подру-житься.

Еще секунду помедлив, Наполеон Бонапарт надел шнурок себе на шею и спрятал фигурку пчелы под рубашку.

3

В двух кварталах от казарм полка лейтенанта Бонапарта, на заднем дворе неприметного домика, рослый мужчина с посе-ребренными сединой висками сидел в плетеном кресле и потя-гивал вино, щурясь на клоняющееся к закату солнце. На столике рядом с ним стояла бутылка вина, рядом лежали два заряжен-ных пистолета. Из дома вышла та самая девочка в лохмотьях, которую спас лейтенант, и медленно, оглядываясь, зашагала к нему. В дверях остался стоять плотный блондин лет тридца-ти, он одобряюще кивал девочке.

— Мсье Дюпон? — Девочка все еще очень робела. — Мсье Дюпон, вы хотели поговорить со мной?

— До сих пор хочу. — Мужчина поставил бокал на столик. — Здравствуй, Мари. Как ты себя чувствуешь?

— Спасибо, мсье Дюпон, хорошо.

— Да? А что это за синяки на твоих запястьях? А почему у тебя разбиты губы, моя милая мадемуазель? — Мсье Дюпон выпрямился в кресле и свел брови. — Мари! Мы ведь договаривались, что ты все время будешь на виду у моих людей!

— Я просто почувствовала, что он где-то рядом... — Девочка склонила голову и всхлипнула. — Ну совсем рядом, вот и пролезла через дырку в заборе...

— Стыдись! — Дюпон вскочил и принял шагать вокруг малышки. — Тебя могли не только похитить, но и убить! Что бы я тогда сказал твоим родителям? Ты обещала мне, что просто поможешь, походишь по окраинам на виду у моих товарищей! Ты обманула меня, Мари.

— Она всего лишь ребенок, Клод! — мягко заметил блондин, все так же стоявший в дверях. — Может быть, не стоило привлекать ее к нашему делу?

— Да, теперь я тоже так думаю.

Девочка расплакалась всерьез. Дюпон остановился перед ней и терпеливо ждал, когда поток слез иссякнет. Наконец, закаявшись и всхлипывая, она заговорила:

— Простите меня, мсье Дюпон! Я больше так никогда не буду!

— Поверить ей? — Дюпон покосился на блондина. — Мсье де Бюсси-Рабютен, поверить вашей племяннице, как вы полагаете?

— Я полагаю, верить ей вполне можно. Вот только следует держать Мари подальше от реальной опасности. Клод, сегодня могла случиться беда.

— Именно! — рявкнул Дюпон, снова обращаясь к девочке, и вызвал этим новый водопад слез. — Больше — никакой опасности! Ты провалила дело. Да, мы знаем, кому достался предмет, но и они теперь знают, что нам это известно! Черт возьми, нельзя работать с детьми.

— Я лучшая! — сквозь слезы закричала Мари. — Я пройду везде!

— Ты могла умереть сегодня. А еще ты могла стать товаром, за который нам пришлось бы отдать все, что бы у нас ни попросили. Не веришь мне — спроси дядю. — Дюпон налил себе еще вина и тяжело вздохнул. — Конечно, во всем виноват я, Мари. Но прежде всего я виноват в том, что поверил тебе. А ты обманула.

Мари порывисто обхватила ногу Дюпона и прижалась к нему. Ее дядя шагнул было во дворик, объятый жалостью, но Дюпон остановил его сердитым взглядом и положил девочке руку на голову.

— Малышка, ты можешь помочь нам в наших делах. Это очень серьезные дела, я ведь говорил тебе. Один неверный шаг, и головы можешь лишиться не только ты, но и я, и твой дядя, и еще очень многие люди. Этот лейтенант... Странный малый, мы еще разберемся, кто он такой. Если бы не он, что могло бы с тобой случиться? Да, я задействовал бы всех моих людей, мы подняли бы на ноги и полицию, и армию, но против нас выступают силы куда более страшные. Я говорил тебе?

— Да, — прошептала Мари, обнимая Дюпона. — Я не боюсь.

— А я боюсь. За тебя. Поверь мне, Мари, не так страшна смерть, как потеря близких людей. Я знаю, о чем говорю. Мне известно и то, и другое.

Он допил вино и взял Мари на руки. Девочка подняла на него смешленые и странным образом быстро просохшие серые глаза.

— Дядя Клод, а что значит «и то, и другое»? Ты ведь не можешь знать, что такое смерть?

Дюпон рассмеялся и поцеловал ее в лоб.

— Какая же ты все-таки мошенница! Даже ревешь фальшиво. Но я всегда буду тебя любить, моя прелесть, если не будешь меня обманывать. Да, Мари, я не знаю, что такое смерть. Но я знаю, что такое умирать. Когда-то давно, так давно, что и твой дедушка этого не помнит, я плавал по южным морям и был пиратом. Еще я был букиньяром. Тебе известно это слово?

— Нет. — Мари все так же смотрела Дюпону в глаза. — Ты говоришь правду, да? Но как ты можешь быть старше моего дедушки?

— Когда-нибудь я расскажу тебе об этом, Мари. Я расскажу о кораблях под черными флагами, о набитых золотом трюмах и о девочке-капитане, которая была старше тебя... Всего-то в два раза.

— Большая! — разочарованно протянула Мари.

— Просто огромная! — Дюпон поставил ее на землю. — Мне по плечо. Все, малышка, остальное — потом. Если, конечно, не будешь надоедать с расспросами, а то я этого не люблю и не стану рассказывать. Иди переоденься, босоножка, и вспомни, что ты дочь аристократов. Пьер, присмотри, чтобы она умылась!

— Я сама помню!

— Тогда беги! — Блондин шире отворил дверь и пропустил Мари в дом. — Клод, мне не понравилась сегодняшняя история. Я понимаю, что Мари просто клад для нашей организации, но не лучше ли оставить ее в покое лет хотя бы на десять?

— Ты слишком мягок, Пьер де Бюсси-Рабютен, — усмехнулся Дюпон. — Я бы и рад оставить Мари в покое, рад бы вообще никогда не ввязываться в наши дела... Но во Франции назревают большие события. И ничего хорошего это не обещает никому, в том числе и Мари. Нам надо попытаться если не остановить их, то хотя бы сгладить их воздействие.

— Думаешь, прозрачные и правда хотят взорвать эту страну? — Пьер прикрыл дверь и подошел к Дюпону. — Клод, я понимаю, сейчас у Франции не лучшие времена, но каждое поколение говорит: прежде было спокойнее! Ты не преувеличиваешь? Конкретных данных у нас нет.

— И не будет, — мрачно сказал Дюпон, наполнил бокал и подал его Пьеру. — Верь мне. Тут, во Франции, развернется битва за мир. И прозрачные к ней готовы, возможно, лучше, чем мы. Посмотрим, как будут развиваться события. Но я готов поставить десять монет против одной, что трон не устоит. Бурбоны даже не понимают, как этот трон шатается, вот потому и не устоит.

— Новая династия? — Пьер пригубил вино и пожал плечами. — Сомневаюсь, Клод. Духовенство на стороне Бурбонов, а без него третье сословие новую династию не поддержит, даже если они найдут союзников среди дворянства.

— А духовенство тоже не понимает, что за сила может ударить их с самой неожиданной стороны. — Дюпон опустился в кресло. — Ладно, оставим этот разговор — время нас рассудит. Вези девочку в Париж, а я попробую тут разузнать, что же получил наш лейтенант. Все слишком просто! Похоже на отвлекающий маневр.

— Скорее всего, предмет не слишком сильный, — кивнул Пьер. — Какой-то лейтенант! Может быть, нас и правда провели. Последний вопрос... Клод, а зачем ты сказал Мари о своем прошлом? Ну, этот намек на пиратство, на южные моря и золото в трюмах... Зачем?

— Она ребенок, Пьер. Но она драгоценный ребенок. Беспредметница. Она нужна нам, но если ей не доверять... Тогда Мари однажды может выбрать другую сторону, а уж предложение оттуда ей обязательно когда-нибудь последует, верь мне. А значит, надо постепенно открыть ей правду. Только правду,

Пьер, фальшь дети чувствуют. Кроме того, мне, может быть, и самому хочется рассказать Мари эту сказку. Дети слушают по-другому, ты не задумывался об этом?

— Дети, дети... Ты бы женился, а, Клод? — Пьер рассмеялся. — Пора бы тебе иметь своих, впрочем, как и мне. Ну, прощай, поеду возвращать нашу золотую девочку ее ничего не подозревающим родителям.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЛЮДИ И ТАЙНЫ

1795 год, Франция, Париж

Александр Остужев впервые оказался один, без начальства, за границей. Пусть ненадолго, пусть его задача — всего лишь довезти чемодан до дома Жозефины Богарне и извозчик не стал ничего уточнять, а все же... Миссия явно важная — недаром же Карл Иванович приказал держать под рукой два заряженных пистолета. Двадцатипятилетний переводчик сильно нервничал, сердце билось тревожно. Нет, он не испугался. Просто с самого начала поездки со Штольцем он чувствовал нарастающее напряжение, и вот теперь оно достигло апогея. Сидевший в карете напротив него Ханс, помощник и носильщик, нанятый Штольцем в Германии и отчего-то поехавший с ними в охваченную революцией Францию, смотрел на русского с мягкой усмешкой.

— Вы бывали прежде в Париже? — спросил Остужев, чувствуя, как по виску катится капелька пота. Что-то назревало, происходило, откуда-то приближалась опасность, и он не мог объяснить, как он это чувствует. — Ханс, это великий город.

— Великий, — кивнул Ханс. — Нет, прежде не бывал. Я вообще никогда раньше не выезжал из Пруссии.

Они говорили на восточном диалекте немецкого языка. Александр Остужев, дворянин, сын помещика из-под Владимира, однажды попробовал выучить французский язык — чтобы читать модные романы и нравиться девушкам. К его собственному удивлению, дело заняло не больше месяца. Французский открыл для Александра целый новый мир. Нет, не тот, где юноши читали стихи возлюбленным, а те в свою очередь искали повода впустить ухажеров ночью в дом, так чтобы не заметил отец и не был оскорблен жених в годах... Сюжеты модных романов Александра не заинтересовали. Но фон, на котором разыгрывались нехитрые истории... Остужев любил свою родину. И лес, и река, и отчий дом, и милые дочери соседей — все волновало сердце Саши. Вот только странная тоска объяла душу. Он должен был найти способ увидеть то, что так манило его. Дальние страны! Тот же Париж, непременное место действия большинства французских романов. Хоть раз, да окажутся герои в этом удивительном городе! Остужев попросился на службу, проявил редкий дар к языкам и быстро продвинулся по линии иностранных дел. И вот он был здесь, в Париже.

— Удивительная у вас способность, — сказал Ханс, выглянув зачем-то в окно кареты. — Говорю с вами, будто с земляком. А ведь когда впервые увидел вас — едва понимал!

— Просто вот так получилось, неожиданно открылся талант, — пожал плечами Остужев и утер пот со лба. — Далеко ли нам еще?

— Нет, с четверть часа, — уверенно ответил пруссак. — Я говорил с кучером, он из Эльзаса. Не находите ли, что на улицах многовато вооруженных людей?

— Революция... — пробормотал Остужев, косясь в окно. — Монархия свергнута, а без Богом данного короля кто может чувствовать себя в безопасности?

— Ну, женщин-то на улицах много. И каких женщин! — Ханс причмокнул, и воспитанный в строгости Александр почувствовал неловкость. — Эти фрау... Ради них стоило прокатиться по Парижу. А если женщины ходят без провожатых, без опаски, значит, не так уж все плохо. Тогда почему так часто вижу я в этих кварталах, так близко от Конвента, людей с мушкетами?

Ханс лукаво посмотрел на Остужева, словно учитель, задавший ученику задачку с подвохом. Немного помедлив с ответом, Остужев решился:

— Люди Конвента? Я слышал, недавно были волнения в пригородах. Говорят, туда вводили войска и позже многих из восставших казнили.

— Санкюлоты. — Ханс посерезнел и выпрямился. — Отребье. Они хотели вернуть якобинцев, Робеспьера, они снова желали казнить и казнить — их забавляет вид крови! Я ненавижу нищих, герр Александр Остужев. Судите меня, как вам угодно, но человек, который не смог отыскать себе иного места в жизни, как только самое последнее, и остается на нем, плодя, как они обычно делают, новых и новых глупых детей со своей дурной женой, не нашедшей себе иного мужа... Их нужно отстреливать, как диких зверей, время от времени. Как хищников! Потому что от поколения к поколению они становятся все злее и все глупее.

— Позвольте! — Александр изумленно вскинул брови. Ханс всегда казался ему спокойным, не слишком образованным, но добродушным слугой. — Позвольте, Ханс! Вы не можете так говорить о людях, которых жестоко угнетали Бурбоны! Они поднялись и сбросили ненавистную им королевскую власть!

— И это говорит подданный российского самодержца? — усмехнулся немец. — А только что вы упоминали о власти Богом данного короля. Да, их угнетали. Только вопрос: сами ли

они поднялись? Или их злобу и глупость кто-то просто использовал? В любом случае, как только к власти пришли такие, как они, начались казни. Якобинцы убивали целые семьи, женщин и детей, лишь потому, что те были — аристократы! И странным образом их имущество оказывалось... Ну, оно всегда у кого-то «оказывается», верно? Я очень рад, что Франция смогла страхнуть с себя и братьев Робеспьев, и всех остальных. Теперь террор можно закончить. Но санкюлотам из предместий это не по душе. Ведь тот, кто не желает трудиться, не хочет учить своих детей ничему, кроме злобы, всегда останется нищим. Терять им нечего, но кровь они любят. Я рад, что Баррас и другие показали им цвет их собственной крови, когда расстреливали рабочих.

— Вы как-то... удивляете меня, Ханс... — Остужев как бы невзначай положил руку на чемодан, за которым на сиденье лежал пистолет. Уж очень разошелся пруссак. — Если на то пошло, то скорее я должен защищать аристократов, а вы — санкюлов.

— Много вы обо мне знаете! — Ханс добродушно рассмеялся. — Так вот о людях с мушкетами прямо тут, в сердце Парижа. Санкюлоты побеждены, Александр, предместья залиты кровью. Кому теперь пора взяться за мушкеты?

— Роялисты? — Остужев усмехнулся. — Парижане никогда не поддержат сторонников короля. Они будут драться до последнего, и санкюлоты, и буржуа. Против роялистов сплотятся все.

— Да? А почему крестьяне Вандеи продолжают сражаться за короля, который их угнетал, за ненавистное всем духовенство, даже зовут на помощь вечных врагов-англичан? Все это странно, не правда ли? Вот сядет иной человек за стол, образованный такой человек... Ну хоть бы ваш начальник, герр Штольц. Сядет и расскажет, как все устроено, кто за кого и кто

против кого. А потом выйдешь на улицу, тряхнешь головой, да и увидишь, что все как-то совсем иначе.

Еще в самом начале их поездки Карл Иванович учил Остужева никому за границей не доверять. Уже в Польше стал требовать, чтобы Александр всегда был при оружии. Лично отвез молодого секретаря к знакомым уланам, которые учили его стрелять. Штольц попросил их и к сабле приучить руку Остужева, но уланский майор только отмахнулся: на это нужно больше времени, чем пара дней. Зато Остужев видел, как слегка размялся сам Карл Иванович — в свои пятьдесят лет он имел немалый живот и сильно вспотел, но в дружеской рубке не уступил улану. Александру все это показалось весьма странным: все же они лишь дипломаты, и их оружие — переговоры, документы, иногда деньги. Впрочем, о цели их миссии во Францию и об инструкциях, полученных Штольцем лично от графа Аракчеева, секретарь ничего знать не мог. И это волновало, обещало нечто удивительное... Но не такое же: Ханс, их добный слуга, на глазах превращался в кого-то другого, незнакомого и опасного! Всегда все знающего, опытного начальника рядом не было. Остужев осторожно скосил глаза на пистолет.

— Любезный Ханс, вы что-то хотите мне сказать этими речами?

— Возможно, Александр Остужев. Вы мне симпатичны вашей молодостью, незрелостью, детской наивностью... Возможно, я хочу вам сказать: будьте тверже. И никогда не спешите верить тому, что вам говорят. В наши времена люди редко говорят правду.

Ханс смотрел Александру прямо в глаза и слегка усмехался. «Кучер из Эльзаса! Они могут быть знакомы! — пронзила мозг Остужева простая мысль. — Да туда ли мы вообще едем, куда собирались?! А у меня чемодан Штольца, там нечто очень важное!»

— Штольц ведь не кажется вам наивным человеком, правда? — Немец будто прочел его мысли. — Вы нравитесь мне, Александр. И старику Карлу нравитесь. Да, кучер наш не случайно немец. Это проверенный, давно известный мне человек. Думайте о моих политических воззрениях и моей жестокости что хотите, но речь сейчас пойдет о другом. Люди с мушкетами на улицах Парижа! И чемодан, который вы везете, Александр. Эти люди хотят чего-то большего, чем расстрелы санкюлов. Например, короля, что пришлют из Англии. А чемодан — оружие, с помощью которого мы им этого не позволим. Вот что я уполномочен вам сообщить. Только это — не все.

— Кто вы, Ханс? — Добродушный пруссак стал совсем не похож на себя. Остужев положил руку на пистолет. — Вы друг или враг?

— Друг, — уверенно ответил Ханс. — А еще я специалист по некоторым вопросам. В частности, это я убедил Карла не брать чемодан с собой, отправляясь на прием к Богарне. И уверен, я был прав. Вот только теперь по некоторым признакам я вижу, что наша предосторожность и даже выбор окольного пути не помогли. Враги здесь. Карета спереди, карета сзади. Нас взяли в клещи и скоро атакуют. Люди с мушкетами... На нас еще не набросились, потому что это может спровоцировать ненужную перестрелку на улицах Парижа, которая, не дай бог, перерастет в очередной мятеж. Все может вот-вот вспыхнуть! А этого не нужно ни нам, ни им. Значит, они атакуют в укромном месте. И такое место я им, к сожалению, предоставил, составляя план поездки. К дому Жозефины Богарне мы подъедем сзади, а там довольно обширный и пустынnyй в это время сад. Там нас ждет засада.

— Так нужно... Нужно свернуть и поехать другой дорогой! — Остужев схватил пистолет. — Мы обманем их ожидания!

— Специалист по этим вопросам я, а не вы! — напомнил Ханс. — Свернуть нельзя, они тут же набросятся на нас. Их больше, они лучше вооружены. Чемодан, вот что вы должны доставить Штольцу. Это важно, Александр! Более важно, чем наши жизни, хотя набит он... довольно-таки презренными вещами. Ну, все. — Он выглянул в окно. — Сейчас въедем в сад. Я в вас верю, герр Остужев. Как только карета остановится, вы выпрыгнете из нее с чемоданом и, прикрываясь им справа — запомните, справа, слева вас прикрою я, — прикрываясь им, добежите до ограды. Потом повернете налево и вскоре увидите дом. Лакеи предупреждены, вас встретят и проводят. Если так получится, что вы останетесь один, запомните: ничего никому не говорите, кроме Штольца.

— Да почему я должен вам верить?! — взорвался Остужев. — Мой начальник всего лишь приказал мне доставить чемодан в дом Богарне!

— Ну так и сделайте это. Только не забудьте пистолет, когда будете выпрыгивать. Может пригодиться.

За окошками экипажа замелькали деревья, карета въехала в сад. Всхрапнули лошади, резко останавливаясь, выругался кучер, экипаж качнулся на рессорах, едва не сбросив Остужева с сиденья. Он поднял оружие, лихорадочно соображая, в какую руку взять чемодан, чтобы ловчее было выхватить второй пистолет, лежавший в кармане сюртука. Выходило, что в правую, но тогда пистолет придется держать в левой — неудобно. Его охватила паника.

— С Богом! — по-русски крикнул Ханс, распахивая дверцу. — Не верь никому, кроме Штольца! Пошел, Саша, пошел!

Прозвучали выстрелы. Немец выпрыгнул первым, с двумя пистолетами в руках. Когда Остужев оказался снаружи, уже сильно пахло пороховым дымом, а прямо возле кареты лежали два мертвца: Ханс не потерял даром ни мгновения.

— Дай! — Уверенным движением, будто сам его туда запихивал, немец выдернул из кармана Александра пистолет. — И беги! Прикройся чемоданом, я же говорил!

Он еще не был уверен, делая первые шаги. Его прикрывали, и бежать — стыдно! Надо принять бой! Но чемодан Штольца, тот, что дороже их жизней, следовало непременно доставить Карлу Ивановичу. Раздираемый этими противоречиями, Остужев побежал было, потом оглянулся и увидел, как на землю рухнул с крыши кареты кучер-эльзасец, роняя откуда-то появившийся мушкет. Ханс, припав на одно колено, держался за раненую руку.

— Беги, Саша!

Прямо перед Остужевым откуда-то взялся показавшийся огромным незнакомец с обнаженной саблей. Александр выпалил в него раньше, чем успел подумать. Гигант пошатнулся, но не упал. В панике Александр побежал — чемодан! Главное не их жизни, а чемодан! Сзади снова стреляли. На бегу он поднял свой драгоценный груз и прикрыл им голову. Глупая предосторожность! Он целятся не в голову, а в спину, и теперь, когда он уже потерял те первые, драгоценные секунды, враги вряд ли промахнутся. И все же, возможно, у него еще есть крохотный шанс... Он с размаху налетел на ограду.

Темно. Позади все стихло, и означать это могло только одно — Ханс мертв. Остужев, спотыкаясь и бормоча про себя молитвы, побежал влево, как учил Ханс. И почти сразу увидел огни. Большой, светлый дом Жозефины Богарне полнился гостями, и там понятия не имели, что случилось минуту назад. Впрочем, обеспокоенные лакеи, вооруженные мушкетами и факелами, заняли позиции на заднем дворе — выстрелы они слышали. Но в революционном Париже часто постреливали по ночам.

— Я гость! — по-французски закричал Александр, приближаясь. — Я секретарь руководителя русской миссии! На нас напали, вот только что!

— Напали? — Начальник этой наспех собранной стражи опустил мушкет, лишь когда Остужев подошел к нему на расстояние в три шага. — Что ж, это у нас теперь нередко случается. Мы живем в свободной стране! Ваше имя?

— Александр Остужев, секретарь Карла Штольца, — проговорил секретарь, с трудом успокаивая дыхание. — Здесь должен быть мой шеф, вы не могли бы проводить меня к нему?

— Ос-тю-жоф... — смешно выговаривая русскую фамилию, повторил француз, все еще подозрительно приглядываясь к Александру. — В банкетный зал я вас, конечно, не впушу. Но вы можете подождать вашего патрона в одной из комнат. Следуйте за мной. Граждане! — обратился он к лакеям, которых, вероятно, по революционным традициям следовало называть как-то иначе. — Вернитесь в дом, утром мы разберемся, что там произошло!

Утром! Остужев, медленно приходя в себя и все еще обнимая чемодан, вдруг нашупал в нем отверстие от пули. Выходит, не зря он прикрывался им? Он шел за французом и все никак не мог поверить, что тела Ханса и незнакомого кучера-эльзасца останутся лежать возле карет до утра. Или враги заберут их, чтобы замести следы? И кто, черт возьми, эти враги?! Его снова начала трясти нервная дрожь.

— Если случилось что-то серьезное, я могу донести в полицию.

— Нет! — Остужев вспомнил слова Ханса. — Если можно, я прошу вас, как можно скорее сообщите мсье Штольцу, что я здесь и жду его!

Александра разместили в крохотной комнате, предназначенней, видимо, для прислуки. Почти все помещение занимала небольшая кровать, рядом с ней втиснулись стул и крохотный шкаф, а к стене возле двери был прикреплен умывальник. Остужев сел на стул, прижал к себе чемодан, о содержимом

которого не имел ни малейшего понятия, и стал вспоминать родные края. Он надеялся, что это поможет унять то стыдное для мужчины волнение, которое более всего походило на запоздалый страх. Штольц появился минут через десять, и не один. С ним вошел высокий брюнет с посеребренными висками и сам наскоро представился:

— Клод Дюпон! Что произошло?

— На нас напали... — Остужев покосился на Штольца, и тот утвердительно кивнул. — Боюсь, наши люди, Ханс и тот кучер из Эльзаса, они погибли. Но, может быть, Ханс еще жив! Что происходит, Карл Иванович? Почему вы мне ничего не сказали?

— Чемодан все время был с тобой, Саша? — Штольц забрал у Остужева драгоценный груз и осмотрел дыру от пули.

— Да, я не выпускал его из рук.

— Это хорошо, мой милый. А про Ханса придется забыть. Славный был человек. Но они не оставляют живых свидетелей и пленных не берут. По крайней мере таких пленных, как Ханс.

— Кто же это — они?! — воскликнул Александр. — Карл Иванович, кто выступает против нас? Роялисты? Англичане?

— Англичане, — веско сказал Дюпон, не позволяя Штольцу ответить. — Англичане хотят задушить Республику, а это не в наших интересах. В том числе не в интересах Российской империи.

— Мсье Дюпон — весьма влиятельный человек, — поспешил заметить для Остужева Штольц. — Весьма влиятельный, но и весьма незаметный, если ты понимаешь, Саша, о чем я говорю.

Александр кивнул, хотя мало что понял. Он сообразил, что выглядит невежливым, оставаясь сидеть, вскочил и поклонился.

— Привыкайте, мсье Остужев! — довольно сурово обратился к нему Дюпон. — Привыкайте к Франции. Здесь, в Париже, сейчас центр Европы, и чаша весов в любой момент может склониться в любую сторону. Ваша задача, как и задача Карла, — чтобы эта чаша не принесла беды России, верно?

— Ну конечно... — Александр посмотрел на Штольца.

— Именно так, — кивнул Карл Иванович. — Что ж, ради дела придется забыть на время о павших товарищах. Простите, Саша, что я вынудил вас так неожиданно понять, насколько опасна наша миссия. Думал, что как-нибудь обойдется... Тем не менее нам нужно вернуться к гостям. Иначе Баррас будет нервничать.

— Баррас? — Имя одного из лидеров Конвента взволновало и без того, мягко говоря, взволнованного Александра. — Он здесь?

— Где же ему быть, когда его любовница дает прием? — скривил губы в усмешке Дюпон. — В сущности, это его бал, а не Жозефины Богарне. Знаете, Карл... — он пристально посмотрел на Остужева, — а вашего помощника мы тоже возьмем с собой. О чемодане я найду кому позаботиться. Тем более что Александр, или Саша, как вы его называете, кажется, совсем не вооружен.

— У меня было два пистолета, но...

— Не нужно оправдываться. Мари!

И будто из ниоткуда, будто прямо из стены в комнате возникла девушка — лет четырнадцати или, может быть, чуть старше, очень стройная, худощавая, похожая на мальчишку. Она была одета в легкое, невесомое платье, рыжие волосы едва подколоты несколькими шпильками — вроде бы и просто, но изящно. Остужев посмотрел на нее, словно на привидение.

— Мари, наш русский друг Александр, пожалуй, почувствует себя на приеме лучше, если у него будет спутница.

Но прежде нужно позаботиться вот об этом. — Дюпон указал девушки на чемодан.

— Бедный мой! — Она склонилась над ним, будто над раненым другом. — Какие негодяи всадили в тебя пулю? Я позабочусь о нем, мсье Клод. Я имею в виду, позабочусь о чемодане, а потом и о молодом человеке. Можете быть спокойны.

— Я всегда спокоен, когда ты рядом, Мари. — Дюпон повернулся к Штольцу. — Нам нужно вернуться.

— Конечно! Саша, следуйте за нами, но потом, в зале, отойдите в сторону. Выпейте вина, осмотритесь... Мари вам поможет.

Оставив в комнате Мари и чемодан, Остужев на плохо гнущихся ногах вышел вслед за своим патроном. Революционный Париж продолжал проедать наследство Бурбонов. Конфискованные у королевской семьи, дворянства и католической церкви земли, дворцы и огромные ценности третий год кормили новую власть. Экономика страны разваливалась, но чем более тревожные вести приходили из провинции, тем веселее по ночам отплясывали в богатых особняках. Воровство процветало и при якобинцах, но теперь, когда палачи сами оказались казненными, а поддерживавшие их предместья Парижа умылись кровью, казнокрадство приняло невиданный размах. Главным же среди казнокрадов сразу стал первый человек в стране — Поль Баррас, дворянин из Прованса, про которого еще с юности ходили самые неприятные слухи. Теперь Остужев находился в доме его любовницы, Жозефины Богарне.

Ее он увидел сразу, как только вошел в ярко освещенный зал. Хозяйка особняка, заметив Дюпона и Штольца, тут же направилась к ним, прервав разговор с какими-то военными. Александру мадам Богарне показалась не слишком красивой, но нельзя было даже на расстоянии не почувствовать ее шарма

и обаяния. Штольц, быстро оглянувшись, поманил к себе Остужева и вскоре представил своего секретаря. Александр удостоился испытующего взгляда и поцеловал руку аристократке, вознесенной на вершину славы революцией. Ему показалось, что пальцы Богарне чуть подрагивают.

— Так вы полагаете, Англия не решится на высадку в Британии? — обратилась она к Штольцу.

— Я уверен, что в данный момент это было бы весьма рискованное предприятие для англичан, — уклончиво ответил Карл Иванович и почтительно склонил голову. — Пожалуй, чрезвычайно рискованное...

В разговоре возникла некоторая заминка. Дюпон, сурохо взглянув на Остужева, нервно дернул щекой, и Александр вспомнил: ему нужно отойти! Неловко пробормотав какой-то комплимент в адрес хозяйки, он отступил на шаг и едва на налетел на незаметно подошедшую Мари. В лучах яркого света, на блестящем паркете, она показалась ему значительно старше.

— Пройдемтеся, Александр. Позволите взять вас под руку? — Мари уверенно повела его прочь. — От вас пахнет порохом. Что за выстрелы я слышала со стороны сада?

— Я... — Остужев не знал, насколько можно доверять странной девушке. — Да, там стреляли... Позвольте вас спросить: а кто такой мсье Дюпон? Мой шеф не успел мне ничего рассказать.

— Не успел или не захотел? — Мари кивнула кому-то из множества гостей. — Мсье Дюпон — влиятельный человек. Сейчас о многих трудно сказать нечто конкретное. Вот раньше, при короле, говоря о людях, называли титул, чин, состояние. А теперь... Чем выше чин, тем больше шансов на скорое свидание с дочкой мсье Гильотена. Правда, якобинцев уже нет. Но сейчас такие времена, что все может измениться в любой миг.

Из слов Мари Остужев ровным счетом ничего не понял о Дюпоне, разве только уяснил, что расспрашивать ее о нем совершенно бесполезно. Зато ему показалось, что голос девушки дрогнул, когда она говорила о якобинцах и гильотине.

— Не слишком невежливо будет спросить вас, Мари: вы из аристократов или из третьего сословия?

— Слишком невежливо! — Она чуть сжала его руку тонкими, но сильными пальцами. — Вы совсем не умеете вести светскую беседу, Александр. Следовало просто сказать мне, что манерами и изысканной речью я произвожу на вас впечатление наследницы древнего рода, а я бы, если нужно, поправила. Впрочем, пустяки. А вот и Баррас! Поздно он сегодня.

Фактический хозяин дома сразу оказался окружен многочисленными гостями. Остужев лишь издали рассмотрел его крупный нос, будто что-то все время вынюхивавший, и глаза слегка настыкате. Мари повела его в сторону, несколько раз оглянувшись.

— Это великий человек, — тихо сказала она.

— Про него говорят разное... — уклончиво ответил Александр.

— Теперь про всех говорят разное. — В голосе Мари зазвенела стальная струна. — Важны дела. Баррас не побоялся в открытою выступить против Робеспьера. Кто-то же должен был остановить этих мерзавцев! Но большинство мужчин, в сущности, трусы, мсье Остужев. Баррас способен поставить на карту все. Так кому же тогда должна принадлежать власть? Кто, как не он, достоин и власти, и денег, и такой женщины, как наша хозяйка?

Александр не нашелся, что ответить, и Мари рассмеялась.

— Поведайте мне пару секретов, Остужев! В чем цель вашего приезда сюда из далекой России? Что в том чемодане, который я спрятала в доме?

— Вы мне ничего не рассказываете, как же я стану что-то рассказывать вам? — Остужев постарался выглядеть как можно более дружелюбным. — Я не знаю о вас совершенно ничего.

— Значит, так надо.

— Кому надо? — рискнул Александр проявить настойчивость.

— Вашему шефу, моему шефу, мне и, в конечном счете, вам. — Мари остановилась и выпустила его руку. — Вон, в углу, стоит ваш Штольц. Ступайте к нему.

Сделав всего несколько легких шагов, Мари затерялась в толпе гостей. У девушки был странный талант появляться и исчезать с удивительной скоростью. Пожав плечами, Остужев направился к шефу в надежде хоть что-то прояснить для себя.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ДВА РАЗГОВОРА

Штольц ожидал Александра с бокалом вина, добродушно кивая прогуливавшимся мимо него гостям Богарне. Выглядел он милым, добродушным полным мужчиной лет пятидесяти. Впрочем, он всегда так выглядел. Мало кто видел, как он рубится на саблях.

— Карл Иванович? — Александр остановился рядом и постарался надеть на лицо такую же добродушную улыбку. — Прошу вас, объясните мне хоть что-нибудь!

— Спрашивай, Саша.

— Ну... Кто такая Мари? И кто такой этот Дюпон, черт бы его побрал!

— Не о том спрашиваешь. — Даже теперь Штольц не выходил из роли доброго, но строгого учителя. — Ты бы, милок, лучше спросил, что в чемодане, за который тебя сегодня едва не убили.

— Что в чемодане? — послушно повторил Остужев. — Кто на нас напал?

— Роялисты напали. — Штольц громко поприветствовал проходившего мимо них главу австрийской миссии с женой. — Агенты англичан. Я же тебе рассказывал: англичане предоставили убежище претендентам на французский трон. И хотя Россия выступает за скорейшее подавление мятежа, за

реставрацию монархии и прежнего, установленного Господом на земле порядка, позволять Англии распоряжаться всем и здесь, на континенте, мы не собираемся. В Париже готовится восстание, мой друг. И если с плохо вооруженными, недисциплинированными санкюлотами из предместий Баррас справился легко, то тут дело посложнее. Центральные районы Парижа населены людьми зажиточными, а где деньги — там и оружие, и профессионалы, умеющие с ним обращаться.

— А при чем здесь наш чемодан? — Остужев припоминал, как мог, слова Ханса. — Чем наш чемодан может помешать восстанию роялистов?

— Да не то чтобы роялистов... — не спеша протянул Штольц и задумался на миг. — Роялисты придут вслед за теми, кто хочет от Конвента перемен, считает его слабым. И правильно считает. Восстанию мы помешать не можем, у них уже все готово, по некоторым нашим сведениям. Наш чемодан, наполненный как документами, так и обычновенными деньгами, и даже золота там немного есть... Наш чемодан помешает Баррасу сбежать. А когда таким людям бежать некуда, они боятся насмерть, как крыса, зажатая в угол. Вот такие вещи происходят иногда в политике — приходится и платить, и запугивать одновременно подлеца, которого я бы с удовольствием лично пристрелил. Но только он может справиться с волной, которая вот-вот поднимется и снесет весь этот революционный режим, или что тут от него осталось после гибели Робеспьера. Британский ставленник на французском престоле нам не нужен.

Остужев помолчал, мысленно обдумывая услышанное. В этом ему помог бокал вина, который он взял с подноса проходившего мимо лакея. Александр не любил тайные политические игры, но другого способа увидеть мир у него не было, вот и ввязался он в эти дурно пахнущие дела, использовав свою способность к языкам. Правда, Штольцу во Франции, так же

как и в Германии, переводчик вовсе не требовался. На должность секретаря легко могли выбрать более опытного человека, в желающих недостатка не было.

— Карл Иванович, мы из Франции поедем куда-то еще? — спросил наугад Остужев. — Мне бы знать, я занялся бы языком заранее.

— Куда-то поедем, если Бог даст, — несколько печально произнес Штольц. — Только как знать куда? Слушай меня, Саша. Мы противостоям попыткам Англии подмять под себя всю Европу. И вот эта вроде бы простая фраза, которую я произнес, — государственный секрет. Понял?

— Ничего не понял, — честно признался Остужев. — Да скажите хоть, кто такой Дюпон, или прикажите не задавать вопросов!

— Не задавай вопросов, — просто ответил Штольц и тут же добавил: — Дюпон — наш друг. Во многих странах у нас есть друзья, противостоящие Англии. И это тоже государственный секрет. Ханс был нашим другом из Пруссии, царство ему небесное.

«Тайная организация! — сообразил наконец Александр. — Международная тайная организация! Масоны? Но их и в Англии хватает, все говорят, что и политика британская ими ведется. Так во что же втравил меня Штольц? А может, и не Штольц, а сам Аракчеев?»

— Эту девочку, Мари, хорошо запомнил? — спросил Карл Иванович. — Далеко пойдет малышка.

— Ее трудно запомнить. Как-то она умеет по-разному выглядеть. Не знаю, как объяснить, но...

— Правильно ты понял. — Штольц шагнул вперед, пожал кому-то руку, обменялся любезностями на немецком и вернулся. — Девка непростая, не зря Дюпон ее при себе держит. Если вдруг заметишь ее где-нибудь рядом, будь начеку и мне сразу сообщи.

— Так Дюпон нам друг или не совсем?

— Ах, Саша! Я же просил тебя не задавать вопросов. Но Дюпон наш друг, это совершенно точно. А вот Мари... С такими, как она, шутки плохи. Дочь аристократов, между прочим, вся семья погибла от якобинцев.

— Она говорила много хорошего о Баррасе! — вспомнил Остужев. — Мне показалось, он для нее авторитет.

— Вот как! — Штольц нахмурился. — Вот, родной, это важно. Это я передам Дюпону, хоть он и сам должен знать. Девочка, совсем еще девочка... Тем она и опасна со своими талантами. Пролезет в любую щель, а потом исчезнет на пустом месте. Опасайся ее. Она не наш человек, а человек Дюпона и, возможно, Барраса. Конечно, Баррас придавил всю эту шайку, кому как не ей его за это любить. Ну вот и Клод!

Дюпон широкими шагами двигался к ним через зал. Он был еще сравнительно молод, Александр дал бы ему лет тридцать пять, но не только рано поседевшие виски заставляли предположить, что Дюпон старше. Имелось в нем нечто, чего Остужев не мог сам себе объяснить. Будто приближался к ним кто-то сошедший со старых картин.

— Карл Иванович, а Дюпон не был прежде охотником или моряком? Есть в нем что-то...

— Да, Клод не на паркете вырос, — оборвал его Штольц. — Ты сам попросил: прикажите мне не задавать вопросов! Я приказал.

— Баррас уходит из зала, — сразу перешел к делу Дюпон, как только оказался рядом. — Идем и мы, встретимся с ним в одной из уютных комнат. Мари позаботится, чтобы нас никто не подслушал.

— Она не в слишком близких отношениях с Богарне? — спросил его Штольц. — Знаешь, Жозефина — женщина приятная, но ветреная.

— Мари по моему приказу понравилась ей. Их многое объединяет, Богарне потеряла мужа во время террора, сама была под арестом. Пожалела девочку... Конечно, Мари несколько привязана к ней, но не настолько, чтобы выдать наши тайны. — Дюпон посмотрел на Остужева. — Ты сказал своему секретарю, что все наши переговоры абсолютно секретны?

— Не сомневайся, Клод, Саше можно доверять всецело. — Штольц положил руку Остужеву на плечо. — Я, конечно, планировал несколько позже ввести его в курс дела, но, видимо, пора. Тем более что Ханса с нами больше нет.

— Тогда идемте, нечего терять время. — Дюпон первым пошел к двери.

— Ты многоного еще не знаешь. — Карл Иванович взял Остужева под руку и двинулся следом за французом. — Ничего, постепенно ты поймешь. Главное, верь мне: мы трудимся ради блага России.

Особняк Жозефины Богарне оказался даже больше, чем по первому впечатлению Остужева. Это был целый дворец, изобиловавший множеством комнат, к которым порой вели совершенно неожиданные повороты коридоров. Но Дюпон прекрасно знал этот лабиринт. Ни разу не усомнившись в выборе пути, он довел русских до места встречи с Баррасом. Крохотная комната на втором этаже имела лишь одно окно, плотно завешенное шторами. Горели свечи, на маленькой кушетке сидел, подперев голову ладонью, первый человек Франции и о чем-то размышлял. Когда гости вошли, он не поднялся, лишь лениво поприветствовал их:

— Добрый вечер, господа, если он для вас добрый. Я слышал, в саду напали на чью-то карету? Надеюсь, все обошлось?

— Все обошлось, — поклонился ему Штольц. — Хочу представить вам моего секретаря, которому я абсолютно доверяю: Александр Остужев.

Остужев поздоровался и поклонился. Баррас посмотрел на него с любопытством.

— Вы француз? Как ваше настоящее имя?

— Он русский, — за Остужева ответил Штольц. — Просто имеет необыкновенную способность к изучению иностранных языков.

— Надо же! — Баррас усмехнулся и сел поудобнее. — Русский говорит по-французски как парижанин, а ко мне вчера приходил один французский генерал, просил места, так у меня уши опухли слушать, как он изъясняется на моем языке. Впрочем, он корсиканец.

— Наполеон Бонапарт? — тут же спросил Дюпон, прикуривая от свечи сигару. — Бригадный генерал, если не ошибаюсь, герой взятия Тулона.

— Он, — кивнул Баррас. — Впрочем, не такой уж и герой. Просто на фоне тех людей, которые у нас стали командовать армиями, Бонапарт смотрится героем. Всего-то и сделал, что правильно выбрал место и разместил там артиллерийские батареи, чтобы обстреливать английский флот и вынудить наших чертовых соседей убраться от Тулона.

— Толковый генерал многоного стоит! — заметил Дюпон.

— Толковый, да слишком норовистый. Ему предлагали отправиться в Вандею, воевать с мятежниками, командовать дивизией. Впереди была карьера! Так нет: и в гражданской войне ему участвовать не хочется, ручки марать о кровь французов, и он, видите ли, артиллерист, а не пехотный генерал... Молод еще, тридцати нет. Горяч. Хотя умен, разбирается в баллистике как ученый. Сказал, что, будь он на месте Людовика, просто расстрелял бы толпу в Тюильри из пушек и никакой революции не было бы. Явно скрытый роялист. Но я заметил, Дюпон, что вы им интересуетесь, а это неспроста.

Дюпон рассмеялся и покачал головой.

— Вы очень наблюдательны, Баррас. Вот поэтому и занимаете такое важное место — всегда умели все вовремя подметать и принять правильную сторону! Но не обижайтесь. Мы пришли говорить не о Бонапарте. Вы собрались бежать, Баррас. Сейчас, когда вы в зените славы, на вершине власти! Нельзя так поступать, милый мой.

Баррас выпрямился на кушетке и настороженно покосился на Штольца. Тот укоризненно покачал головой: нет, нельзя так поступать. Француз перевел взгляд на Остужева, и Александр заметил в его умных, внимательных глазах страх.

— Какого черта! — Баррас возмутился, но не слишком убедительно. — Вот еще, бежать! Я что, сумасшедший — бросить все и бежать!

— Вы наворовали достаточно, чтобы жить припеваючи хоть в Италии, хоть в колониях, хоть даже в Турции, — твердо сказал Штольц. — Мы знаем, что деньги уже ушли из страны. Жадность губит вас, Баррас. Вы постарались не «бросить все», а забрать все с собой. Это нельзя сделать незаметно.

— А вы мне с самого начала не понравились, мсье Штольц. — Баррас закинул ногу на ногу и достал из шкатулки на столике сигару. — Слишком симпатичным выглядите. Мягкий, добрый... Что вам нужно?

— Чтобы вы остались. — Дюпон присел на кушетку рядом с ним и поднес к сигаре Барраса свечу. — Примите бой и победите.

— Это невозможно! — Баррас поперхнулся дымом. — Я сам справился с якобинцами. Теперь предместья меня не поддержат! А буржуа настроены решительно, они видят, как слаб Конвент. Армия нам нужна на юге, в Вандее, на Рейне, в Италии... Войск просто нет! Роялисты прибыли в Париж, их сотни. Они вернулись и ждут сигнала. И они не будут кричать «Да здравствует король!», они лишь поддержат восстание. Ну, а уж потом

придет и их час. Оружия в городе хватает, все висит на волоске, и этот волосок неизбежно лопнет. Я ничего не могу сделать, мои же генералы против меня. Их просто купили, и стоило это недорого — никто не поддерживает Конвент.

— Остужев, посмотрите за шторами — нет ли там чего-нибудь любопытного для господина Барраса?

Александр, посмотрев на кивнувшего Штольца, подошел к окну и обнаружил за шторой свой простреленный чемодан. Он поднял его и поставил у ног Барраса и Дюпона.

— В доме моей любовницы чувствуете себя как у себя дома, Дюпон? — проворчал Баррас. — Это похоже на вас. Эх, знать бы, кого вы представляете.

— Я представляю силу, которая сможет достать вас даже на краю света. Вы никуда не поедете, Баррас. Вот ключ от замка, раскройте чемодан и изучите его содержимое. Вам будет интересно.

Баррас подчинился. Он положил чемодан себе на колени и несколько минут шуршал какими-то бумагами. Остужеву не было их видно, но он понимал, что знать больше, чем приказано, ему запрещено. Наконец Баррас захлопнул крышку и сердито оглядел своих гостей.

— Что ж, вы можете меня и ограбить, и просто убить, можете выставить меня подлецом и вором и отправить на гильотину...

— Да вы и есть подлец и вор, — почти дружелюбно перебил его Дюпон, пуская кольца дыма.

— Идите к черту! Вы предлагаете мне погибнуть или... Или погибнуть. — Баррас нервно барабанил пальцами по чемодану. — Что я могу? Верных людей совсем нет. Я могу... Я могу выпустить из тюрем тех якобинцев, которые согласятся поклясться в верности Конвенту. Из них можно сформировать роту-другую или даже батальон. Против буржуа эти головорезы будут дратиться насмерть, но их мало! Кроме того, они меня ненавидят.

— Вот за это мы вас и ценим, Баррас! — воскликнул Штольц. — Вот вы уже начали искать и нашли верное решение. Этого мало, но вы придумаете что-нибудь еще.

— Вы меня цените! — передразнил Баррас, и Остужев поразился его самообладанию. Мари права: этот человек был и подлецом, и вором, и распутником, но никак не трусом. — Дешево вы меня цените, если верить содержимому этого чемодана.

— Мы даем вам деньги, потому что свои вы слишком далеко припрятали. — Штольц погрозил пальцем. — Верните свои капиталы и спасайте на них свою жизнь и власть. А это — на первое время.

— Мне не на кого опереться. — Баррас наморщил лоб. — Вокруг воры, взяточники, тайные враги и просто дураки. Вот до чего довела Францию революция! Посадили в тюрьму палачей, и некому стало заниматься государственными делами, потому что палачи успели всем достойным людям отрезать головы.

— Нам пора. — Дюпон поднялся. — Спасайте Францию и себя, Баррас.

— Но вы! — Баррас тоже вскочил и схватил Дюпона за рукав. — Ваша организация, или как вы себя называете, — вы могли бы оказать неоценимую помощь!

— Если мы вступим в дело открыто, открыто проявят себя и наши враги. — Дюпон вырвал руку. — А тогда, мой милый, не только от вас, от страны камня на камне не останется. И не от нее одной. Вам нужно справиться самому. И вот еще: если вас придут купить другие, лучше бы вам их не слушать. Потому что тогда мы больше уже никогда с вами не увидимся. Да вы никого уже не увидите, говоря совсем откровенно. Прощайте.

Дюпон покинул комнату, следом за ним Штольц. Коротко поклонившись, оставил Барраса и Остужев.

«Какой циничный негодяй! — удивлялся он, пока они той же дорогой возвращались в зал. — И вот этот мерзавец

управляет самой сильной, самой цивилизованной страной мира! Или — уже не управляет? Кому же я служу?»

На лестнице ему показалось, что по ступенькам вверх пробежала Мари, но в самом ли деле он кого-то видел, Остужев не был уверен. Но в самом деле — кто еще принес в комнату чемодан? Остужев не исключал даже, что она слышала весь разговор. Ему стало интересно — так же лестно отзывалась бы Мари о Баррасе, если бы представляла, каков он на самом деле?

Никто из троих не знал, что в то же самое время, когда они покинули зал для свидания с Баррасом, Жозефина Богарне также отправилась на встречу. Извинившись перед гостями за то, что на минуту покидает их, она поднялась по другой лестнице на третий этаж, где ее ожидал среднего роста лысый мужчина со шрамом на щеке.

— Вы заставляете себя ждать, Жозефина, — негромко сказал он.

— Вы велели мне прийти, когда Баррас исчезнет из зала, — хмурясь, ответила Богарне. — И прежде всего я хочу спросить: вы не могли найти другого времени для нашей встречи? Все это может сильно скомпрометировать меня. Надеюсь, вы не этого добиваетесь?

— Нет, не этого! — Мужчина провел ладонью по ее щеке, Богарне отпрянула. — Не пугайся, крошка. Мне требовалось быть уверенным, что кое-кто не узнает о нашей встрече.

— У Барраса много дел! Мы могли увидеться утром.

— Да нет, не в Баррасе дело. То есть в нем, конечно, тоже, но еще важнее люди, которые прямо сейчас говорят с ним. И кое-кто наверняка обеспечивает им безопасность, следит, чтобы никто не подслушал. Значит, и этот «кое-кто» тоже не узнает о нашей встрече.

— Перестаньте говорить загадками, Колиньи! Я этого не люблю. — Богарне старалась держаться независимо, но это

лишь смутило ее собеседника. — Что еще за «кое-кто», что за встреча у Барраса?

— Ну, с кем встреча у Барраса, это не твое дело. А что касается того, кто может многое подслушать в твоем доме, то... Я не стану ничего утверждать наверняка, но малышка Мари лично мне сильно подозрительна. — Колинни взял из вазы яблоко и с хрустом надкусил. — В сущности, задерживаться нам здесь ни к чему. Дело у меня к тебе пока простое: держи вот эту штучку.

Он протянул собеседнице фигурку кролика, подвешенную на серебряной цепочке. В сущности, недалекая, но очень любопытная женщина, Богарне тут же схватила украшение и внимательно рассмотрела.

— Это даже не серебро! — фыркнула она. — Что за ерунда?

— Эта ерунда, милая, стоит тысячи таких, как ты. — Колинни посерезнел и заговорил жестко: — Не вздумай потерять, а то, клянусь всеми дьяволами преисподней, я живьем сдеру с тебя твою нежную шкурку! И слушай внимательно: когда будешь общаться с Баррасом, всегда имей ее при себе. Повтори.

— Иметь при себе эту безделушку, когда общаюсь с Баррасом, — недовольно повторила Богарне и капризно надула губки. — Но она мне не нравится! И уж точно не понравится Баррасу — как ни странно, у него тонкий вкус.

— Мне плевать, что понравится или не понравится тебе. Этот кролик должен касаться твоего тела, когда ты общаешься с Баррасом, в других случаях лучше носи его в кармане. — Колинни внимательно смотрел на нее, будто к чему-то прислушиваясь. — Баррасу это понравится. Я не фигурку имею в виду, а... В общем, соври ему что-нибудь: талисман на счастье или еще что-нибудь. А пока спрячь куда-нибудь, начни завтра. О чем тебе шептал прошлой ночью любовник?

— О чем, о чем... — Роль шпионки не нравилась Богарне, но у Колинни явно имелось нечто способное ее испугать. —

Ни о чем, Колиньи. Баррас не дурак и разговаривать со мной о делах не станет. Говорил, что хочет отдохнуть и скоро мы отправимся за город.

— Он-то явно собирался куда-то уехать, — усмехнулся Колиньи. — Ты что, не слышала меня? Немедленно спрячь фигурку и никогда не смей надевать ее, когда встречаешься со мной! Это только для Барраса, ясно!?

— Ясно... — Богарне убрала кролика. — Не кричите так, нас же услышат.

— Так делай же, что я говорю! — Колиньи взял себя в руки и снова захрустел яблоком. — Почему ты не сказала мне, что он забрал почти все твои украшения?

— Я не думала, что это важно. — Богарне пожала плечами. — По его словам, он хочет дать их опытному оценщику, чтобы точно знать, сколько они стоят. Не знаю, зачем ему это понадобилось... Но что я могла сделать? Я полностью в его руках.

— Нет, милая, ты в моих руках, — поправил Колиньи. — И если якобинцев больше нет, это не значит, что гильотина больше не работает. Да что там гильотина, мне и самому тебя прикончить не сложно. Ладно, с кроликом разобрались. Еще раз повторю: береги его, это очень дорогая вещь. И старайся не показывать посторонним. Впредь рассказывай мне обо всем, что делает Баррас, понятно? Негодяй собрался бежать, вот и прибрал к рукам все ценное.

— Бежать?! — Богарне вскочила. — А как же я?

— А на тебя ему наплевать, будто ты не понимаешь. Но не волнуйся, его не отпустят. И я никак не могу решить: плохо это или, напротив, хорошо... — Колиньи задумался на минуту, потом бросил недоеденное яблоко обратно в вазу. — Так или иначе, передавай мне через моего человека все, любые мелочи. И сама расспрашивай его, работай!

— Будто мне платят за эту работу! — фыркнула Богарне.

— Не платят? А кто помог тебе стать любовницей Барраса, ты забыла? Да каждая женщина в Париже скажет, что это — очень щедрая плата. Этот развратник только для государственных дел скуп, а уж тебе досталось от него немало, взять хоть этот дом. Поэтому делай, что тебе говорят. Докладывай обо всем. — Колинни надел шляпу. — Прощай, мне пора исчезнуть.

Впрочем, прятаться Колинни не собирался — на приеме у Богарне он присутствовал вполне официально, в качестве отставного военного, прославившегося удачными действиями против мятежников в Вандее. Спустившись в зал, он раскланялся с несколькими знакомыми, а у дверей задержался, сделав незаметный знак пышногрудой брюнетке. Минуту спустя та оставила окружавших ее молодых людей и подошла к Колинни.

— Есть что-то интересное, Джина?

— Нет, — презрительно поморщилась она. — Болтают о всякой чушь, бахвалятся своими подвигами при расстреле черни в предместьях. И врут эти французы так, что любой итальянец покраснел бы.

Графиня Джина Бочетти совсем недавно прибыла в Париж из Италии. На родине некоторые знали ее под другими именами.

— Слушай всё, — наставительно сказал явно неравнодушный к ней Колинни. — Возможно, кто-то из этих офицеров скоро возглавит целую армию. Во Франции теперь это обычное дело — стать генералом раньше, чем отрастут усы. Кролик у Богарне. Сойдись с ней поближе и присматривай на расстоянии.

— Как прикажете, — кивнула Бочетти. — Кстати, когда я получу ту сумму, которую просила на расходы?

— На расходы? — Колинни вскинул брови. — Вот как ты это называешь? Что ж, мне, пожалуй, по душе. Я пришлю человека с деньгами вечером.

— Вот это мне в вас нравится, Колиньи: вы не откладываете дела на завтра! — Бочетти звонко рассмеялась, показав ровные острые зубки. — Но почему бы вам не зайти вечером самому?

— Лучше будет, если вечером у вас окажется кто-нибудь из интересных для меня людей. — Колиньи усмехнулся, глядя ей в глаза. — Дело прежде всего, Джина. Ну, если тебе больше нечего мне сказать...

— Говорят, что в Париже сейчас живет некто Наполеон, или Наполеоне, не разбрала. Какой-то известный несколько лет назад генерал, теперь голодает и чуть ли не побирается в поисках места. — Бочетти наморщила лоб, припоминая. — Кажется, артиллерист.

— Есть такой, — безразлично кивнул Колиньи. — Но его звездный час прошел, он не сумел схватить за хвост удачу. Впрочем, я учу, что он в Париже, такой может однажды и пригодиться — униженный, злой, жаждущий вернуться к славе. Я ухожу, Джина. Если сможешь сблизиться с Богарне, следи, чтобы эта дура не потеряла кролика. И смотри, не влюбись в нее сама!

Колиньи поклонился и покинул прием, скрывшись в неспокойной парижской ночи.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

АРТИЛЛЕРИСТ

Утром, за завтраком, Штольц хранил молчание. Александр не задавал вопросов, как и было приказано, и ждал, что шеф скажет что-нибудь сам. Наконец, напившись кофию, Карл Иванович ласково посмотрел на секретаря и произнес:

— А что, голуба душа, понравилась тебе Мари или так себе девка?

— Мари? — Остужев не был готов к такому вопросу. — Ну, она... Молоденькая очень. Да и рассмотрел я ее не особенно хорошо.

— Рыженых не любишь? — Штольц потянулся. — Ну, твое дело. Да, молоденькая, ты тут особо-то не заглядывайся. Но сегодня молоденькая, знаешь ли, а завтра уже и в самый раз. Впрочем, я не об этом. Ты понравился Дюпону.

— Вот как? — Остужев теперь и вовсе не знал, что отвечать. — И чем же?

— А вот это ему лучше знать. Он ведь человек непростой и в людях разбирается получше даже меня. Ты ему понравился, просит по окончании нашей миссии оставить тебя во Франции. У него тут людей не хватает. Сам понимаешь: революция, террор, тут как бы самая передовая линия. Опасно здесь, Саша. И когда придется решать, подумай хорошо, ты в семье один сын.

— Да вроде бы мы и так не в безопасности, — осторожно заметил Александр.

— Не в безопасности, в опасности мы, — согласился Штолыц. — В любой момент могут прихлопнуть нас, как комаров. Только то и спасает, что за нас Дюпон мстить будет, вот враги и сидят, выживают. Потому что главное дело в Париже мы уже сделали, остановили бегство Барраса. Дюпон поставил на него, верно это или нет — ему виднее.

— Но ведь мерзавец! — не удержавшись, воскликнул секретарь.

— Не горячись, Саша. Боюсь, в европейской политике вообще приходит время мерзавцев. Но с ними, как видишь, легко договориться. Теперь мы с тобой посмотрим, как Баррас будет решать свои проблемы. Ну, и еще кое-какие дела у меня есть, тебя, прости, они пока не касаются. Ты пока можешь немножко отдохнуть. Я про Мари почему спросил? Потому что Дюпон предлагает вам вместе погулять по городу.

— Это еще зачем? — опешил Остужев.

— Наверное, хочет, чтобы вы ближе познакомились. Он же просит тебя оставить, забыл? Ну, Мари на тебя посмотрит, ты на Мари. Это тоже полезно, волнует она меня. Дюпон доверяет ей целиком и полностью, а девочке всего-то четырнадцать годков. Вот посмотри, не увидишь ли какого изъяна свежим глазом. Про Барраса поговори с ней, про террор, только осторожно. А по дороге город посмотришь. Интересный город Париж, не Санкт-Петербург, но интересный. Иди, одевайся, она зайдет уже через час.

Несспешное предложение, по сути, было приказом. Александр надел лучший костюм, причесался, на всякий случай сунул в карман пистолет и вышел на улицу встречать Мари. Ему почти все оставалось непонятным. Что за организация, в которую он не вступал, но на которую фактически работает, получая деньги из казны? Почему ему можно спокойно разгуливать

по городу, если рядом могущественные враги? Отчего, наконец, он так понравился Дюпону? Во Франции наверняка хватало толковых людей.

Париж, между тем, жил своей жизнью. Доносились крики торговцев с расположившегося неподалеку рынка. От Сены несло нечистотами, и этот запах резко контрастировал с красавицами, которые, оголив плечи, проходили мимо, смело поглядывая на Александра. К такому он не привык, но ему это нравилось. Революция! Он начинал понимать, что это такое — запах свободы. Да, иногда она и кровью пахнет, а иногда навозом, но это плата за горящие глаза парижан. Вот люди ходят, гордо подняв головы и улыбаясь. В России такого не увидишь, а они вышли на бой и одержали победу, а потом смогли еще отбиться и от пруссаков, и от англичан. Люди улыбались, и Александр, чтобы не попасть под это обаяние свободы, твердил про себя: террор, террор! Эти же глаза парижан видели больше казней, чем глаза жителей какого-либо другого города, если не считать какие-нибудь совсем дикие края. Свобода оплачена кровью, и кто знает, сколько крови ждет их еще впереди?

— Вы меня не хотите замечать, да?

Прямо перед ним оказалась Мари. Она приоделась, но теперь выглядела совсем девочкой. Остужев и правда мог не узнать ее, проходя по улице, — то девушка на выданье, то вдруг снова ребенок.

— Добрый день, Мари. Простите меня, за вами не так легко уследить.

Она, никуда не спеша и не испытывая никакой неловкости, молча смотрела ему в глаза, будто читала какую-то книгу. Судя по скучающему выражению лица Мари, книга была не слишком захватывающей.

— Мсье Дюпон приказал мне погулять с вами по городу. В самые интересные места я вас не могу отвести, там небезопасно,

а вас, как гостя, полагается беречь от неприятностей. Поэтому идемте на набережную.

— Идемте! — Остужев предложил ей руку, и Мари не отказалась.

Она начала неспешно рассказывать что-то русскому гостю о городе, о его древней и великой истории. Разговор тек непринужденно, иногда что-то спрашивал Александр, иногда Мари. А в какой момент говорить стал почти исключительно он, Остужев даже не заметил. Девушка лишь направляла его речь короткими репликами.

— Постойте... — Он понял, что рассказал уже все и о своем детстве, и о юности, и о родных краях. — Как вы это сделали?

— Много тренировалась! — рассмеялась Мари. — Александр, не сердитесь. Просто я не очень люблю болтать, зато слушать — обожаю.

— Ценное качество для агента, — заметил Остужев.

— А я и не скрываю: я очень ценный агент.

— И все-таки я бы тоже хотел послушать. Расскажите мне о Баррасе, Мари. Он показался мне очень интересным человеком.

— Врете, Остужев, врете. — Мари с минуту шагала молча. — Ничуть вам не интересен Баррас. Но, между прочим, напрасно. Пусть он подонок, но отчего-то Дюпон сделал ставку именно на него. Баррас решителен, смел и очень умен. Другого такого человека во Франции сейчас нет. Если кто и сможет справиться с готовящимся мятежом, то это именно он.

— Это Англия провоцирует восстание против Конвента, да?

— Англия? — Мари посмотрела на Александра с усмешкой. — Да, Англия. Вопрос, правда, в том, не провоцирует ли кто-то саму Англию... А что ваш шеф, Штольц, рассказал вам об организации?

Остужев почувствовал, что краснеет. Было очень стыдно, что вот эта совсем еще молоденькая девушка знает в тысячу раз больше, чем он. Ей доверяют, а ему, в сущности, нет.

— Не отвечайте, сама вижу — толком ничего он вам не рассказал. Что ж, вы его подчиненный, ему виднее. — Мари притворно зевнула, поддразнивая Остужева, и тут же сменила тему. — Кстати, вчера во время разговора упоминался один бригадный генерал, Наполеон Бонапарт. Вот он, идет по другой стороне улицы. Невысокий, в шинели, видите?

Остужев поиском глазами и обнаружил молодого генерала, мрачно шагавшего, заложив руки за спину. Он явно никуда не спешил и просто убивал время прогулкой. Нахмуренные брови свидетельствовали о том, что Бонапарт размышляет о чем-то весьма невеселом.

— Давайте-ка я вас познакомлю, — решительно сказала Мари. — Правда, я сама с ним не знакома, но вы меня представите.

— Постойте! — Остужев потянул девушку за руку. — Что значит познакомлю? Вы для этого меня сюда привели, специально?

— Да, для этого тоже, — легко призналась Мари. — Дюпон просил меня присмотреться к корсиканцу, мы давно за ним наблюдаем издалека. Вероятнее всего, он вражеский агент — вы понимаете, о каких врагах я говорю? Впрочем, не понимаете, но не в этом сейчас дело. Вам тоже может пригодиться знакомство с ним. Кстати, обратите внимание на его глаза. Ну, идемте же!

Остужев, в надежде узнать что-либо не от Штольца, так хоть от Мари, не стал больше сопротивляться.

— Я зайду сбоку и как бы споткнусь! — на ходу учила его Мари. — Толкну его, а ему, как мужчине, придется извиняться и передо мной, и перед вами. Скажете что-нибудь приятное ему или хоть о погоде, разговор и завяжется. Я помогу! Кстати, я дочь одного вашего знакомого.

Не успел Александр ответить, что все это как-то неловко и нелепо, как Мари привела первую часть плана в исполнение. Она просто-таки налетела на задумавшегося Бонапарта, вдобавок со всей силы наступив ему на ногу. Молодой генерал отшатнулся, чуть не врезался в стену дома, но сумел подхватить притворно падавшую девушку. Остужев тут же оказался рядом, несколько растерявшиесь, приподнял шляпу.

— Прошу прощения, мадмуазель! — Бонапарт поклонился Мари и тут же обратился к Остужеву: — Прошу прощения! Я бываю немного задумчив и, видимо, не заметил, как...

— Ничего страшного, — успокоил его Александр и посмотрел на Мари в поисках поддержки. Но девушка, на вид смушенная, поправляла что-то в своем наряде, исподлобья поглядывая на Бонапарта. — Разрешите представиться: Александр Остужев, личный секретарь российского посланника со специальным поручением.

— Специальным поручением? — Наполеон пристально посмотрел на Остужева. — О, еще раз прошу прощения. Бригадный генерал Наполеон Бонапарт, к вашим услугам. России случайно не требуются толковые бригадные генералы? С понижением на один чин? Я, конечно, шучу. Представьте мне вашу очаровательную спутницу?

— О да, разумеется... Это Мари, племянница моего парижского друга. Мари... Мари Дюпон.

Девушка возвела очи горе — видимо, упоминать имя своего шефа она совсем не собиралась. Но Александра больше интересовали глаза Бонапарта. Они были разного цвета! Правый — зеленый, а левый — голубой. Остужев слышал, что такое бывает, но сам встретил подобного человека впервые. Вероятно, именно это и имела в виду Мари, предлагая обратить на них внимание.

— Я еще раз прошу у вас прощения. Вероятно, я уже утомил вас своим обществом?

Бонапарт снова заложил руки за спину, показывая готовность продолжать свое мрачное шествие по улице. Глядя на его худое лицо, Остужев вдруг понял, что недавний герой Тулона, скорее всего, голодает.

— Позвольте пригласить вас позавтракать с нами в каком-нибудь кафе? Мы как раз собирались это сделать.

Остужев пригласил Бонапарта совершенно искренне — ему отчего-то стал сразу симпатичен этот корсиканец с заметным акцентом. С ним хотелось познакомиться поближе, несмотря на мрачное выражение лица.

— Благодарю вас, я слишком сыт! — чуть более резко, чем следовало, отказался генерал. — Кроме того, я спешу по одному важному делу.

— Мсье Бонапарт! — Мари впервые заговорила, и заговорила голосом совсем детским, просиящим. — Я много наслышана о ваших подвигах на юге. Так хотелось бы узнать о них из первых рук... А еще пapa говорит, что в Париже тоже скоро будет неспокойно, уже в который раз!

— И на юге, и в Париже, милое дитя, Республика предпочитает обходиться без меня, — печально сказал Бонапарт. Было ясно, что это положение вещей просто убивает его. — Я хочу, я мечтаю служить моему народу, но у меня нет такой возможности.

— Папа знаком с мсье Баррасом! — сообщила Мари. — Я прошу его, и, может быть, мсье Баррас...

— У мсье Барраса много генералов, и все они требуют места и жалованья. Боюсь, это главное, что их интересует, — жалованье! И мсье Баррас предпочитает иметь дело с ними. Потому что если им вовремя платить, а еще лучше не мешать воровать, то они закроют глаза на то, чем занимается... Впрочем, это вам знать ни к чему.

Наполеон снова поклонился и пошел прочь. Александр и Мари провожали взглядами его унылую фигуру, пока генерал не скрылся за углом.

— Что вы о нем думаете? — спросила Мари.

— Я совсем его не знаю. Даже про взятие Тулона ничего толком не слышал.

— Да я не о том! Какое он произвел на вас впечатление? — Мари нетерпеливо топнула ногой. — Первое впечатление бывает очень верным!

— Ну... Мне кажется, он вспыльчив, — начал Остужев. — Упрям. Решителен. Честен.

— Легко быть честным, когда взяток не дают! — хихикнула Мари. — Но Бонапарт обаятелен, не так ли?

— Да, пожалуй, — согласился Александр. — А вы что думаете о нем?

— Думать — не мое дело, — отрезала она и повела Александра обратно к гостинице. — Думать будут другие. Дюпон лишь приказал мне к нему присмотреться. И я вижу кое-что.

— Что, например?

— Например, его глаза, которые он не скрывает от окружающих. Его худые щеки, его потертый мундир, а шинель я бы ему вообще посоветовала выбросить. Я вижу человека, переживающего очень тяжелые времена. А думать — не мое дело.

— Но ведь все это о чем-то говорит вам, да? — Остужев начал раздражаться. — Мари, в чем дело?

— Однажды вам расскажут. — Мари остановилась. — Вам прямо, а у меня, простите, дела.

Оставив Александра разозленным и растерянным одновременно, очень довольная собой Мари, не оглядываясь, прошла два квартала, свернула за угол, убедилась, что Остужев ее не преследует, и двинулась в совершенно другом направлении. Получасом позже она вошла в неприметный дом и, поднявшись по лестнице, постучала в дверь.

— Иногда она стучится, — сказал Дюпон Штольцу, с которым они сидели на диване и беседовали с самого утра. — Входи, Мари! Какие новости?

— Фактически мятеж уже начался. Во всех секциях него-дуют, бесконечные собрания проводят, ругаются... — Мари взглядом спросила разрешения и присела на стул. — Слышны крики «К оружию!».

— Вот чего-чего, а с этими криками у нас все в порядке, — усмехнулся Дюпон. — Завидую вам, Штольц. В России-то все тихо?

— Как с Пугачевым справились — тихо, — согласился Штольц. — Относительно Франции — очень тихо. Как по-ва-шему, чего все-таки хотят арки?

— Большой войны. Западный клан убедился, что иначе справиться с нашим сопротивлением у них не получится. Они взорвали Францию, и теперь осталось только подчинить ее Англии. Наша армия, надо отдать должное, даже в нынешнем со-стоянии лучшая в Европе. Но мы еще поборемся.

— Хоть бы одним глазком посмотреть на этих прозрачных арков, — прошептала Мари. — А то только слышу о них.

— Вот и прекрасно! — Штольц вздохнул и поднялся. — Что ж, о делах мы переговорили, предмет я готов получить в любой момент. И лучше бы поторопиться с этим, Клод.

— Я передам вам предмет настолько быстро, насколько это будет возможно. — Дюпон тоже встал. — Оставлять его во Франции было бы просто неблагоразумно в нынешних усло-виях.

Они раскланялись, и русский ушел. Дюпон вернулся на диван и вопросительно посмотрел на Мари. Она секунду помед-лила, потом решилась:

— Начну с Бонапарта. Лейтенант вырос в генерала, выгля-дит плохо, недоедает.

— Значит, он не сотрудничает с Западным кланом, так, что ли? — Дюпон нахмурился. — М-да, странно все это. Сколько ни на-блюдали за ним, никаких связей с арками или англичанами

не нашли. Но предмет-то ему передали! Значит, это не западные? Кто же тогда?

Мари пожала плечами.

— Еще он производит впечатление человека, способного на решительные поступки.

— Посоветовать его Баррасу? — вслух подумал Дюпон. — Но мы не знаем, какой у него предмет. Да и вообще, Бонапарт — артиллерист, а Баррасу хорошо бы пехотного генерала, честного и умного.

— Таких не бывает! — улыбнулась Мари.

— Много ты понимаешь! — одернул ее Дюпон. — Бывают и такие, но боюсь, у Барраса их нет. Если восставшие победят, нам придется очень тяжко. Вслед за этим мятежом буржуа грядет мятеж роялистов, и тогда они возьмут верх. Новый король будет полностью подконтролен аркам, и нас просто начнут душить. Остается лишь надеяться на лучшее.

— Может быть, дать Баррасу льва? — осторожно предложила Мари.

— Ты с ума сошла? Дать предмет Баррасу! Я знаю, ты ему благодарна, что он отомстил за твою семью. Но Баррас не тот человек, которому можно доверить предмет. Что он с ним сделает — совершенно непонятно. К тому же чем ему поможет лев? Храбрости ему и самому не занимать. Баррасу бы еще хоть пару верных батальонов... Так, с Бонапартом мы не то чтобы разобрались, но кое-что становится понятным. Теперь про Остужева.

— В целом он мне понравился. Честный, вроде бы умный. По-французски говорит совершенно без акцента, ну это ты знаешь. — Мари перебралась на диван, и Дюпон приобнял ее. — Если Штольц ручается, почему бы и не попробовать с ним поработать. Но не многовато ли русских? Антон вот вернулся из поездки.

— Двое — это не много, учитывая нашу ситуацию. Тем более что Гаевского вербовал лично я, мне его никто не рекомендовал. А может быть, этот Остужев — беспредметник? — предположил Дюпон. — Вон как у него с языками!

— Нет, — покачала головой Мари. — Антон тоже говорит без акцента. Правда, он совсем молоденьkim из дома удрал... В общем, вряд ли. А что ты собираешься поручить Антону?

— Ты не влюбилась случайно? — Дюпон погладил смущенную девушку по голове. — Симпатичный мальчик. Роль ему предстоит забавная: женская. Ты говорила, у Богарне в доме какая-то служанка-воровка, да? Сделай так, чтобы Жозефина поймала ее на краже, ты знаешь как. А потом порекомендуй свою знакомую девочку. У тебя и без того много дел, ты не можешь следить за Баррасом, кроме того, слишком хорошо к нему относишься. — Мари вздрогнула. — Прости, но это так. Пусть Гаевский понаблюдает за домом. А Остужева, скорее всего, я приму к себе. Нам бы только мяtek этот пережить!

Тайная организация, представлявшая собой, по сути, союз контрразведок нескольких стран, вела борьбу с влиянием на европейскую политику арков — полупрозрачной расы человечоподобных существ. Именно Дюпон, немало знавший о них, несколько лет назад сумел добиться внимания ряда высокопоставленных господ и заставил их поверить в страшную угрозу, нависшую над человечеством. Действовать открыто было невозможно — арки наводнили Европу своими агентами, способных натравить на их противников самих монархов. Почувствовав сопротивление, арки стали действовать активнее и, пользуясь тем, что практически полностью контролировали британскую политику, развязали несколько войн. Наконец, была взорвана с помощью спровоцированной ими революции Франция. На людей Дюпона развернули настоящую охоту, и сам он не раз оказывался на волоске от гибели.

— Почему арки хотят заморозить нашу Землю? — тихо спросила Мари. — Убирались бы куда-нибудь в северные края и жили там спокойно.

— Я тебе много раз говорил: они не люди, у них другой разум, и понять их невозможно. Ясно только, что они решили получить всю планету. — Дюпон задумчиво постукивал по полу каблуком. — Скоро у меня встреча с Баррасом. Порекомендовать ему Бонапарта или все-таки не нужно?..

— Ну вот! А я думала, ты снова расскажешь мне про свои приключения, — расстроилась Мари. — Про капитана Кристин, про корабли и южные моря, про далекие времена, про конкистадоров. Скажи, если бы у тебя была возможность, ты бы ушел искать Кристин?

— Не знаю, — вздохнул Дюпон. — Я не уверен, что я ей нужен. Кроме того, на кого я бы оставил тебя? Все так запутано... Кристин в прошлом, и я иногда прикидываю, сколько минуло лет с того момента, как мы расстались, высчитываю ее возраст и в то же время понимаю, как это глупо. В тот год ей было столько-то лет, а через десять лет — на десять лет больше, и так далее, и... Я запутываюсь. Надеюсь, был и такой год, когда Кристин стала старше меня нынешнего.

— Да, чушь какая-то, — согласилась Мари. Она сидела с закрытыми глазами, прижавшись к Дюпону. — Клод, а как ты думаешь, она тебя ищет?

— Откуда мне знать? Может быть, она с командой и кораблем вернулась в то время, откуда мы с ней оба родом, а может быть, случилось что-то другое. А я очень хотел бы знать... Но никто не слышал о корабле «Ла Навидад». Слишком много времени прошло с тех пор.

Мари начала понемногу задремывать, но даже в полудреме удивлялась: как же это так получается, что она сидит рядом с человеком, все современники которого давно умерли? Дюпон

родился на Карибских островах, вырос там, стал буканьером — наполовину охотником, наполовину пиратом. Жажда золота столкнула его с арками и повела сквозь порталы из одного времени в другое, по всем океанам и морям. Дюпон любила девушка по имени Кристин, дочь пирата и капитан корабля. Но во время боя раненый Клод упал в портал, а очнувшись, оказался совсем в другом месте и времени.

— А помнишь, ты говорил, что есть такой предмет — пес? — сонно спросила Мари.

— Я его не видел. Но кое-кто слышал про него... — Дюпон потер ключицу, когда-то разрубленную саблей. — Я не уверен насчет его свойств. Возможно, он и правда помогает искать.

— Вдруг этот пес помог бы тебе найти Кристин? Несправедливо, что так получилось. Ей там грустно без тебя.

— Где «там», Мари? — Дюпон усмехнулся, поднялся. — Если Кристин «там», где мы родились, то она уже прожила свою жизнь. Только правильнее говорить не «там», а «тогда». На сегодня ты свободна, отдыхай.

— Пойду залезу в какой-нибудь дом побогаче и выберу себе подарочек. — Противореча своим словам, Мари свернулась на диване в клубок.

Дюпон, глядя на девочку, укоризненно покачал головой. Мари была беспредметницей, то есть человеком, с рождения обладающим уникальным даром. Она умела становиться незаметной для окружающих, прямо-таки невидимой. Естественно, стезя воровки для Мари была бы просто идеальна. Дюпон запрещал ей такого рода похождения, но проконтролировать, конечно же, никакой возможности не имел. Он надел шляпу и отправился к зданию Конвента.

Улицы бурлили. Центральные секции Парижа отказывались подчиняться Конвенту, все больше вооруженных людей требовали немедленно расправиться со вчерашними кумирами толпы. Барраса Дюпон застал в состоянии, близком к панике.

— Это катастрофа! — кричал он. — У меня совсем нет войск! Я стянул сюда все силы, какие мог, но доверять могу разве что тем якобинцам, которых выпустил из тюрьмы и вооружил. Вот только первую пулю они с удовольствием всадили бы в меня. Эти будут драться, а остальные... Да мои генералы просто не отдадут такого приказа: стрелять в толпу!

— Вы рассказывали мне о генерале Бонапарте. — Дюпон прикрыл дверь в кабинет. — Почему бы не обратиться к нему?

— К Бонапарту? — удивился Баррас. — Да он скрытый роялист! При мне упрекал короля в том, что тот не отдал приказа расстрелять толпу!

— Да, и это единственное, что может спасти вас сейчас.

— Корсиканец не поехал в Вандею, потому что не хотел принимать участия в гражданской войне... — Баррас задумался. — Сомневаюсь, что он согласится стать полководцем в тот момент, когда битва уже проиграна. Но отчего не попробовать? Я прикажу послать за ним.

Дюпон остался и дождался прихода генерала. Бонапарт был сосредоточен и мрачен. Выслушав предложение, он задал Баррасу несколько уточняющих вопросов и попросил несколько минут на размышление. Баррас и Дюпон сидели в молчании, глядя в спину отвернувшегося к окну генерала.

«Прав я или не прав? — думал Дюпон. — Что за предмет у этого человека? Он не агент арков, иначе не голодал бы. Но на кого тогда он работает? Неужели Восточный клан арков дотянулся сюда, в Европу? Но зачем?»

— Я принимаю ваше предложение, мсье. — Бонапарт вернулся к столу, выражение задумчивости покинуло его лицо. Теперь он был готов действовать. — Мне понадобятся пушки, столько, сколько есть. Их надо доставить прямо сюда.

Генерал указал пальцем себе за плечо, туда, где через окно была видна площадь.

— Пушки? — удивился Баррас. — Ах, да! Вы же артиллериست! Вам без пушек неуютно! Скажите лучше, как разместить войска.

— Пушки, — повторил Бонапарт. — Как можно скорее, немедленно, и по городу пусть идут не останавливаясь. Если сломается лафет — не чинить, бросить пушку и везти сюда остальные. А теперь простите меня, я должен поговорить с офицерами.

Бонапарт вышел. Когда дверь за ним закрылась, Дюпон и Баррас переглянулись.

— Начало обнадеживающее, — заметил Дюпон.

— Можно и так сказать. Что ж, пойду выполнять распоряжение нашего военачальника. Одного не пойму: он что, собирается стрелять по парижанам из пушек? — Баррас развел руками. — Да его же разорвут на куски!

— Действуйте! — ответил Дюпон. — Теперь хозяин положения Бонапарт, и рука у него, кажется, тяжелая.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

МЯТЕЖ И БАНКЕТ

На правах младшей подруги и едва ли не воспитанницы Мари явилась в дом Богарне к завтраку. В городе уже начался открытый мятеж, толпы вооруженных людей стягивались к зданию Конвента, звучали первые выстрелы. Но хозяйка понятия не имела, в какой опасности она находится: Богарне считала, что в положении любовницы Барраса застрахована от любых неприятностей, и практически перестала интересоваться политикой.

— Что там происходит, Мари? — недовольно спросила Жозефина, прислушиваясь к звукам начавшейся перестрелки. — Наши добрые парижане опять чем-то недовольны?

— Не знаю, мадам, я совсем в этом не разбираюсь, — беспечно ответила Мари, которой вовсе не хотелось сейчас нервировать Жозефину. Еще не все было готово. — Вы позволите мне подняться наверх?

— Тебе здесь позволено все, моя радость! Но побыстрее спускайся к столу!

Мари не составило труда пробраться в комнату хозяйки и похитить из шкатулки весьма дорогую диадему, увенчанную бриллиантами. Если бы девушка была внимательнее, она заметила бы там, среди золотых побрякушек, серебристую фигурку кролика. Однако Мари слишком спешила. Спустя несколько минут

диадема оказалась в кармане передника служанки. Никаких угрызений совести юная интриганка не испытывала: горничная и правда частенько обворовывала Богарне, правда, по мелочам. Дальнейшее оказалось совсем просто — Богарне и без Мари подозревала, что в доме завелся вор.

— А что это у нее в кармане топорщится? — шепнула Мари, устроившись за столом и показав глазами на свою жертву.

— Мишель! — Богарне подозвала дворецкого. — Я хочу знать, что в карманах у Анны. Сделайте это тактично, я вас прошу.

Мишель отправился выполнять приказание и спустя минуту вернулся, преисполненный негодования. На стол перед Богарне легла диадема. Разыгрался обычный в таких случаях скандал с плачущей служанкой и кричащей на весь дом госпожой. Не менее часа понадобилось несчастной Анне, чтобы упросить любовницу Барраса не отправлять ее немедленно в тюрьму, а просто выставить с позором. Едва способная принимать пищу, Богарне вернулась к столу.

— Какая наглость! — не унималась она. — Я сегодня вечером собиралась надеть эту вещицу, а уже в обед она покинула бы мой дом навсегда!

— Найти честную служанку теперь непросто, — поддакнула Мари. — Кстати, у меня есть родственница из Прованса, ищет место. Не хотите взглянуть на девушку? Она очень мила.

— Позови ее теперь же! Без служанки я как без рук. — Богарне отложила вилку и задумалась. — Какое счастье, что Анна не успела как следует спрятать диадему!

Выстрелы за окном слились в сплошную канонаду, но расстроенная женщина совсем не обращала на них внимания. Впрочем, в Париже тех лет все давно привыкли к этим звукам.

Однако Остужев не был парижанином и первое время вздрагивал. Он спросил у Штольца разрешения выйти из гостиницы,

чтобы узнать, что происходит на улице. Штольц долго сомневался, но потом позволил себе уговорить, наказав секретарю держаться подальше от опасности.

Но как можно удержаться и не пойти к зданию Конвента? На глазах Александра творилась история. Он шел, и выстрелы становились все ближе, все громче и чаще, а навстречу стали попадаться раненые. В глаза бросалось, что основные силы мятежников пока не вступили в бой. Теперь они уже не скрывались: наводнившие Париж роялисты, бывшие офицеры и гвардейцы, небольшими отрядами подтягивались к центру города. Их нетрудно было вычленить из толпы — хорошо вооруженные, четко подчиняющиеся командам своих начальников, крепкие мужчины со злыми лицами. Сегодня они должны были поддержать буржуа против Конвента, чтобы потом утопить в крови и их тоже.

Якобинцы, обещавшие защищать Конвент до последней капли крови и выпущенные из тюрем, отчаянно отстреливались, не позволяя врагу приблизиться. В основной массе всё это были санкюлоты, беднота с окраин. В буржуа они видели врагов. Якобинцы с удовольствием бы раздали арсенал своим товарищам, которых разоружили после недавних восстаний, но прорваться к предместьям не могли.

Оказавшись возле самого Конвента, Остужев увидел, как быстро собирают баррикаду, перегораживая проезд. Действовали настоящие мастера, которые, видимо, дрались за эту улицу уже несколько раз.

— Никого не выпустим! — крикнул кто-то. — Пусть все сдохнут там, в Конвенте!

— Ворье и кровопийцы! — откликнулся другой голос. — Смерть им!

Возле самой головы Остужева по стене чиркнула пуля, и он присел на колено, прячась за строящейся под выстрелами

баррикадой. Осторожно выглянув, он вдруг увидел вдалеке пушки. Солдаты разворачивали их, подчиняясь приказам невысокого офицера в серой шинели. С удивлением Александр узнал в нем своего нового знакомого, Наполеона Бонапарта.

— А если по нам жахнут? — спросил остальных один из строителей баррикады. — Разлетится тут все в один миг!

— Не рискнут! — Его собеседник приложил ладонь козырьком к глазам. — Стрелять по людям прямо на улицах? Да в толпе и женщины попадаются, и дети, от этих сорванцов не спрячешься. Никогда такого не было! Просто пугают.

Однако спустя минуту раздался пушечный залп. Когда грохот стих, послышались громкие стоны раненых. Солдаты снова разворачивали пушки, заряжали их, а Бонапарт стоял, широко расставив ноги и заложив руки за спину, и отдавал приказания.

— Смерть им! — взревели все, кто был возле баррикады. — Смерть убийцам!

Схватив оружие, горожане перескочили баррикаду и побежали к батарее. Однако немало оказалось и тех, кто остался на месте и вообще утратил некоторую часть своей решительности. По наступающим открыли частый ружейный огонь, а потом откуда-то сбоку, от моста через Сену, ударила другая батарея. Понеся страшные потери от картечи, бунтовщики кинулись назад.

То же самое наблюдал Дюпон из окна здания Конвента. Вот только видно ему было больше, и удовольствия картина не доставляла. Бонапарт с помощью пары десятков орудий, которыми ловко манипулировал, легко расстреливал толпу. Такого не делал еще никто! Шрапнель проносилась по улицам, оставляя горы трупов, раненые корчились в агонии. Толпа бежала, но оставались бойцы — те, которых долго готовили к мятежу. Они занимали здания, пытались меткими выстрелами выбить

прикрытие артиллеристов и отчаянным рывком захватить орудия. Пока у них ничего не получалось — генерал умел действовать не только пушками. Пехота и немногочисленная кавалерия, маневрируя, уверенно защищали главную убойную силу.

«Кого я вытащил на сцену? — думал Дюпон. — Он симпатичен мне лично, этот молодой еще, сосредоточенный, даже угрюмый человек. Его жестокость я готов оправдать — промедление привело бы к куда большей крови. Но уж больно уверенно он действует... Что за предмет у него имеется?»

Бонапарт всю ночь готовился к этому бою. Пушки, к счастью, удалось доставить, хотя мятежники и предприняли попытку их захватить. Однако они не успели собрать достаточное количество людей — артиллеристы, как им и приказывали, спешили. За это время генерал изучил карту Парижа, с которым и так был неплохо знаком, и сразу выделил опасные направления, предсказал, по каким улицам будут двигаться главные силы бунтовщиков. Битва еще только начиналась, но Дюпон уже понимал: Бонапарт победит. Это было очень хорошо для дела, но корсиканец несколько пугал своей хваткой.

— Красавец, а? — Сзади к Дюпону подошел Баррас. — Смотрите, как стоит. И командует — любо-дорого посмотреть! Адъютант не успел доложить обстановку, а он уже все понял и отдал приказ, короткий и ясный! Вы мне просто сокровище какое-то подсунули, мсье Дюпон!

— Никого я вам не подсунул! — с некоторым раздражением ответил тот. — Баррас, я понимаю вашу радость, но разве вы не видите сотни искалеченных, разорванных на куски людей? И что скажет Франция?

— Они слишком далеко зашли! — Баррас, не пугаясь пуль, высунулся в окно, с явным наслаждением наблюдая за картиной

боя. — Буржуа должны знать свое место! Роялистов я бы и сам с удовольствием перестрелял, эти звери, дай им только власть, припомнят нам все. А Франция... Франция пусть говорит что хочет, пока она только говорит. Тем более, я знаю французов. Они ценят победителей. Наши враги, проиграв бой, потеряют большинство приверженцев и поддержку народа. А вот этот Бонапарт запомнится им именно как триумфатор! Просто улицы надо отмыть от крови, но это мы умеем. Кстати, он позволяет толпе разбежаться, вы заметили? Пушки бьют туда, где оказывается сопротивление.

— Я вижу, что он не зверь. Но если нужно — он пройдет и по вашему трупу, Баррас.

Повернувшись, Дюпон вышел из кабинета. Баррас задумался на минуту, потом уселся за стол и стал вычерчивать на листе бумаги какие-то схемы. Пора было думать наперед, как воспользоваться победой и что делать с триумфатором.

В особняке Богарне, между тем, наконец узнали подробности происходящего в центре города. Новости принесли несколько гостей из числа аристократов, и новости были для них скорее печальными: все они в глубине души сочувствовали мятежникам.

— Но чего хотели эти буржуа?! — Богарне схватилась за сердце. — Я еще могу понять, когда на штыки кидаются бедняки. Но мои добрые парижане! Пусть им не нравился король, пусть они считали, что у дворян слишком много прав, но теперь-то свобода и равенство!

— Думаю, им не нравился Баррас и то, как он разграбляет свою страну, — прошептал за ее спиной знакомый голос.

Богарне с испугом обернулась и увидела появившегося Колинни. Он поцеловал ей руку, незаметно подмигнул и отошел к другим гостям. Жозефина перевела дух и тут же едва не вскрикнула — рядом с ней оказалась Мари.

— Девочка моя, как же ты иногда умеешь подкрасться! Ты слышала? — шепотом спросила она. — Этот Колиньи просто ненавидит моего Барраса.

— Колиньи кажется мне непростым человеком. — Мари говорила искренне. — Мне было бы легче, если бы вы реже его приглашали.

— Приглашала?.. — Богарне прикусила губу. — Ох, главное, что войска правительства побеждают. Всем руководит этот... Ты не запомнила фамилию?

— Наполеон Бонапарт, — подсказала Мари. — Герой и генерал, еще очень молод. Я случайно с ним знакома.

— Надо обязательно пригласить его после победы. Вообще надо устроить банкет! — Мысли Богарне свернули в привычное русло. — Так, подожди... Но ведь Анны нет! Где та твоя родственница?

— Да что-то задерживается, — признала Мари, не сдержав обиженной гримасы. — Пойду постою у дверей, она вот-вот должна быть.

Предчувствие не обмануло девушку — новая служанка уже входила в ворота. Это был Антон Гаевский, пятнадцатилетний подросток, который еще совсем ребенком сбежал из отцовского дома в Европу в поисках приключений. К тому времени, как его встретил Дюпон, Антон успел проникнуться идеями французской революции и совершенно не собирался домой, лишь иногда посыпая родителям весточки. Россию он теперь считал тюрьмой и деспотическим государством, а Францию — самой прекрасной страной в мире. Гаевский заинтересовал Дюиона, потому что оказался явным беспредметником. Промышляя не воровством, а мелким жульничеством, он переодевался то в женщин, то в стариков и делал это совершенно виртуозно. Слишком виртуозно даже для опытного актера. Гаевский буквально становился тем, кого играл. Особенно поражала

его способность менять голос. Он мог говорить и как ребенок, и как женщина, и как матрос — пропитым хриплым басом. Все это давалось беспредметнику удивительно легко.

— Привет, крошка! — поздоровался с Мари Гаевский, хотя сам был лишь ненамного выше ростом. — Начальник подсунул мне паршивую работенку, но хоть ты иногда будешь приходить.

— Голос измени! — потребовала Мари. — А работенки и у меня бывают такие, что самой противно. Что в городе? Ты ведь наверняка прошел мимо Конвента?

— Там страшно. — Антон послушался и теперь говорил женским голосом. — Правда страшно. Толпа уже разбежалась, но драка продолжается. У восставших есть резервы, я видел, как они подтягивали их к церкви. Но и этот корсиканец хорош! Его пушки просто виртуозно стреляют.

— И все-таки Баррас победит, — облегченно сказала Мари. — Что ж, это прекрасно. Идем, я представлю тебя хозяйке.

Богарне понравилась стройная, чуть смуглая брюнетка с серыми глазами. Жозефина немного поговорила с девочкой, и Гаевский рассказал ей заранее придуманную историю. В Провансе, как и во многих районах Франции, действовали многочисленные банды, и сирот по всей стране хватало.

— Пусть остается, — решила Богарне. — Мишель, расскажи Веронике про ее обязанности.

Не успел еще Гаевский уйти, как в комнате появились Колиньи и графиня Бочетти. Жозефина чуть поморщилась: она не любила обоих. Но Колиньи имел компрометирующие ее письма, да и вообще был страшным человеком. Итальянка же, недавно появившаяся в Париже и блиставшая в салонах, пришла сегодня с ним, в результате приходилось терпеть обоих.

— Боюсь, Мари, мне придется поговорить с ним. Иди, развлечи эту Бочетти.

Колиньи сразу шагнул навстречу Жозефине и отвел ее в сторону.

— Быстро отвечай: что ты знаешь об этом Бонапарте и, самое главное, с чего это Баррас назначил его командовать усмирением мятежа?

По тому, как больно стиснули ее локоть пальцы Колиньи, Богарне поняла, что тот сильно чем-то расстроен.

— Я ничего не знаю о нашем спасителе, — язвительно сказала она. — И Баррас, кажется, при мне о нем никогда не упоминал. Хотя постойте... — Она сделала вид, что припоминает. — Вот! Говорят, он корсиканец!

— Проклятье! — Колиньи отпустил ее руку и натянул на лицо вежливую улыбку. — Не знаешь, так узнай. Я хочу знать, кто подсунул Баррасу этого артиллериста.

Колиньи заплатил многим генералам, состоявшим на службе у Конвента. Мятеж просто обязан был удастся, но как из-под земли появился корсиканский генерал, который совершил то, что до него не делал никто в мире. Расстрел толпы из пушек! Это было фантастически смело, такого никто не предусмотрел. Впрочем, Бонапарту повезло: ночью Колиньи приказал перехватить пушки, как только узнал, что их везут к Конвенту. К сожалению, сделать это вовремя не удалось. Теперь бой в центре Парижа продолжался, но Колиньи давно все стало ясно.

— Сегодня вечером я хочу устроить банкет в честь нашей победы. — Богарне особо подчеркнула слово «нашей». — Конечно, я передам Полю, чтобы он обязательно пригласил Бонапарта. Не знаю, придет ли он... Надеюсь, его не ранят, но, возможно, он сильно устанет после сражения.

— Какая ты заботливая! — осклабился Колиньи. — Я тоже приду. Познакомишь нас.

Мари, улучив минутку, убежала в одну из комнат, неофициально закрепленную за ней. Здесь, в специальном тайнике,

она хранила некоторые вещи. Нашелся и костюм оборванки. Босиком, незаметная для других, словно привидение, Мари покинула дом и побежала на звуки выстрелов — она тоже хотела посмотреть, что происходит. Сначала она лишь видела множество раненых и слышала страшные рассказы, но когда добралась до центра, едва не была снесена бегущей навстречу толпой. Пушки, судя по крикам, передвигались едва ли не стремительнее людей, загоняя мятежников в тупики, прижимая к стенам и тут же расстреливая картечью.

Когда толпа рассеялась, а солдаты на улице так и не появились, Мари осторожно двинулась дальше. Так она и встретила Остужева — слегка помятый, но не раненый, он сидел за перевернутой повозкой с мушкетом в руках.

— Что вы тут делаете, Александр?

Он так вздрогнул, что едва не выпалил из мушкета.

— Мари! Да как вам удается быть столь незаметной!

— Зато вы очень заметны. Что будете делать, если появятся солдаты? Станете в них стрелять? Вы решили поддержать мятеж? Самое время, должна заметить.

— В такие моменты без оружия я совершенно беззащитен. — Остужев покрутил в руках мушкет и осторожно положил его на землю. — Наверное, вы правы — нехорошо, если правительственные войска застанут меня с оружием в руках.

— В руках? — Мари принялась ощупывать его сюртук. — Я знаю, как ведут себя правительственные войска. Если у вас есть пистолет в кармане — выбросьте немедленно, или вас расстреляют!

Остужев пытался вырваться, но это оказалось невозможно. Обнаружив припрятанное оружие, Мари не отставала от Александра до тех пор, пока он не сдался. Передвигаться же, как объяснила девушка, ему следовало, ни в коем случае никуда не прячась.

— Поймите, в этих домах, в скверах, среди остатков баррикад сейчас остались еще стрелки, пуль которых солдаты боятся больше, чем многотысячных толп. Каждый, кто прячется, — враг. Идите по середине улицы и примите как можно более глупый вид, вот и все. А будете разговаривать с солдатами, так выжмите из себя хоть немного акцента. Возможно, вас арестуют, но хоть на месте штыком не пырнут.

— Но вы! — Вообще-то Остужев, едва не попавший нескользко раз под залпы, уже собирался вернуться к Штольцу. — Но вы, Мари! Куда черт несет, да еще в таком виде?

— Должна я хоть одним глазком посмотреть, что вытворяет наш корсиканский друг? — Мари пошла дальше, на звуки выстрелов. — А то все будут рассказывать небылицы, а я как же? Даже не пытайтесь меня остановить.

Остужеву пришлось пойти с ней. Но прогулка продлилась недолго: выйдя из-за угла к церкви Святого Роха, они увидели на паперти нечто такое, отчего Мари сперва застыла, а потом, порывисто обернувшись, прижалась к Остужеву. Он и сам не сразу понял, что видит. Какой-то красной кашей с разноцветными вкраплениями было залито все, включая ступени, а стены церкви забрызганы на высоту в два человеческих роста.

— Поднимите руки! — От группы перекуравших рядом солдат отделились двое и бежали к парочке, целясь из ружей. — Оба поднимите руки и покажите лица!

Только когда его обыскивали, Остужев окончательно понял, что паперть покрыта останками людей, в упор расстрелянных из пушек. Даже на улицах он не видел такого ужаса. Оторванные конечности, изодранная одежда, разбитое оружие — все смешалось в одну отвратительную массу.

— Как это возможно? — спросил он, пошатнувшись. — Здесь расстреливали пленных?

— Вот еще! — пробурчал один из солдат, прикладом подталкивая его вперед. — Они собрали здесь резерв, главную силу. Но наш генерал выдвинул пушки на позицию так неожиданно, что они растерялись. Мерзавцев накрыло почти всех. Не хотел бы я заниматься тут уборкой! Жак, а где второй? Или это была девчонка?

— Да вот я тоже все думаю, где она, — растерянно сказал его товарищ. — На секунду глаза отвел, а ее нет. Оборванка какая-то, да черт с ней!

— Я секретарь российской миссии и пользуюсь дипломатической неприкосновенностью! — вспомнил Остужев и постарался больше не смотреть на паперь. — Вы не имеете права меня задерживать.

— Это ты генералу нашему скажи. Бонапарт сам разберется, и, если велит расстрелять, уж мы обсуждать приказ не станем!

Солдаты были разгорячены боем и явно гордились победой. Александра заставили сесть на мостовую вместе с еще полутора десятком задержанных. Многие были ранены, но помочь им пока никто не оказывал. Часовые обсуждали приказы Бонапарта, его смелость и решительность. В их глазах он стал героем. Арестованные почти не разговаривали друг с другом, но из тех редких реплик, которыми они перебрасывались, Остужев понял, что находится среди самых настоящих роялистов. Сторонники монархии собирались сюда кто из Вандеи, кто из Марселя, а кто даже из Англии.

Вдруг солдаты засуетились и потушили трубки, поправили амуницию. Мимо них, всего шагах в пятидесяти, в сопровождении офицеров проходил сам Наполеон Бонапарт, герой Тулона, покоритель Парижа. Остужев подумал, не окликнуть ли генерала — тот по знакомству помог бы Александру избежать допросов и ночи в тюрьме. Но не успел он еще решиться, как

сидевший рядом человек с обвязанной обрывками рубахи раненой ногой вдруг выхватил из-под окровавленной ткани пистолет и прицелился в Бонапарта. Остужев действовал инстинктивно — подбил руку стрелка вверх. Пуля прошла выше, Наполеон оглянулся.

К ним бежали сразу несколько солдат с нацеленными штыками. Глядя в их горящие яростью глаза, Остужев мысленно простился с жизнью. Они не намеревались ни в чем разбираться, и Александр наверняка получил бы штыком в живот, но каким-то странным образом успел откатиться, а потом, схватив оружие, вырвал его из рук солдата. Его соседу, стрелку, повезло меньше — сразу два штыка закончили его жизнь.

— Прекратить! — Обезоруженного солдата схватил за плечо офицер и оттолкнул в сторону. — Прекратить, приказ генерала! Отдайте мне это немедленно!

Александр, который и сам не понял, как сумел так ловко справиться с солдатом, послушно протянул офицеру ружье.

— Подойдите к генералу, он вас узнал.

Остужев исполнил приказание и спустя минуту оказался под пристальным взглядом Бонапарта.

— За что вас арестовали, Остужев?

— Я просто пришел посмотреть на поле боя.

— При нем нашли что-нибудь? — Бонапарт перевел строгий взгляд на офицера. — Прокламации, оружие, что-либо подозрительное?

— Никак нет. Но он и сам выглядел довольно подозрительным! — оправдывался офицер. — Лицо в копоти.

— Так сейчас выглядит половина парижан. Немедленно освободите секретаря русской миссии и позаботьтесь, чтобы он в безопасности добрался по адресу, который вам укажет. А впрочем, Остужев, хорошо, что вас арестовали — иначе не сносить бы мне головы! — Бонапарт коротко улыбнулся

Александру и пошел дальше. — Прошу извинить, но у меня много дел! Обязательно приходите ко мне, когда все успокоится!

В сопровождении пятерых солдат, без всяких приключений Александр вернулся в гостиницу, где его уже давно ждал обеспокоенный Штольц. Увидев в окно процессию, он в испуге выбежал им навстречу вызволять секретаря. Узнав, что случилось, Карл Иванович просветлел лицом и довольно потер ладони.

— Удача прямо в руки, милый мой, прямо в руки! Хоть ты и совершенно напрасно полез в самое пекло. Тем не менее теперь ты личный друг восходящей звезды французской политики.

— Он не политик, Карл Иванович! Он генерал.

— Это в России политика отдельно, а генералы отдельно. Хоть и у нас это не совсем верно, — усмехнулся Штольц. — Во Франции сейчас каждый генерал — политик, тут политической занимаются все. Сегодня Бонапарт спас Барраса. Баррас при всей его непорядочности забудет эту услугу еще нескоро. Ну а ты спас Бонапарта. Тебе надо держаться к нему поближе.

— Да зачем же? — После того что Александр увидел на паперти церкви Святого Роха, он уже не был уверен, что генерал ему симпатичен. — Вы же сами говорили: в любой момент надо быть готовым отправиться домой, миссия выполнена.

— Приказ может измениться, и тоже в любой момент. — Штольц посерезнел. — Я должен кое с кем посоветоваться. Ну а ты — человек служивый. Надеюсь, не подведешь. Иди умывайся.

Часа через три в двери гостиницы снова зашел солдат. Вскрыв принесенный им лично для Остужева пакет в присутствии начальника, Александр обнаружил короткую записку, в которой Бонапарт благодарил его за спасение и приглашал от имени Барраса в дом Жозефины Богарне сегодня же вечером.

— Могли бы и меня позвать, хотя бы из вежливости, — проворчал Штольц. — Впрочем, мое дело старикивское, а ты, конечно, иди. Баррас будет зол, когда тебя увидит, напрасно мы тогда с Клодом решили, что тебе лучше присутствовать при разговоре. Кто знал, что так получится? Держись поближе к Бонапарту.

Приодевшись как мог, Остужев послушно отправился на банкет, с трудом разыскав в притихшем городе экипаж — появиться пешком было бы не слишком удобно. Район, где находился знакомый уже особняк, бои совершенно не затронули. Окна горели ярким светом, у парадного крыльца стояли экипажи, и только большое количество солдат напоминало о сегодняшних событиях. Остужев вошел в банкетный зал и сразу увидел Барраса. Тот стоял с бокалом в руке в окружении гостей и что-то в красках расписывал — видимо, свои подвиги. Бонапарт находился рядом, но выглядел, по обыкновению, хмурым и задумчивым. Заметив Александра, он улыбнулся и направился к нему. Гости и сама Жозефина Богарне попытались его задержать, но генерал лишь вежливо поклонился.

— Счастлив вас видеть, дружище Остужев. С вами все в порядке?

— О да, благодарю вас! Мне кажется или вы не слишком обрадованы победой?

— Победой я доволен. Я всегда доволен победой. А вот восторги этих людей по поводу моей победы мне совершенно не интересны. — Бонапарт снизу вверх посмотрел на Остужева своими разноцветными глазами и презрительно скривил губу. — Это те же самые каналы, что утром кричали «Смерть Бонапарту!», а уже к вечеру бросали в воздух шляпы, когда я проезжал мимо. Вся эта радость совершенно не искренна.

— Вы преувеличиваете! — не согласился Александр. — Вот Баррас, например, совершенно искренне рад!

— О да! Только он рад не за меня, и благодарить меня ему на самом деле неприятно. Впрочем, я тоже непрост. Я заслужил повышение — новое, значительное место, и я буду на этом настаивать. А вот цветы, тосты и прочие восторги они могут оставить при себе.

Поговорить вдвоем им удалось недолго, хозяйка дома схватила обоих под руки и вернула в толпу гостей. Тем не менее Бонапарт явно предпочитал общаться именно с Остужевым, который ему, судя по всему, чем-то понравился еще при первой встрече. За стол их посадили, конечно, далеко друг от друга, но как только генерал получил возможность немножко прогуляться, он снова поманил за собой Александра, после чего устроил ему настоящий допрос: чему учился, что умеет, скоро ли собирается в Россию. Поинтересовался он и делами империи, но тут Остужев мало чем мог быть ему полезен. Причем Александра это даже порадовало, так как генерала интересовало в основном устройство российской армии и городские укрепления. Наконец к ним подошел человек, который давно привлек внимание Остужева: худой, лысый, со шрамом на щеке, — и допрос прервался.

— Прошу знакомиться, — Бонапарт довольно вяло повел в сторону человека со шрамом рукой. — Мсье Колиньи, коммерсант, занимается поставкой в нашу армию сапог и прочих необходимых вещей. Мсье Остужев, наш друг из России, секретарь русской особой миссии.

— Весьма рад! — Колиньи поклонился, пристально глядя Александру в глаза. — А я, мсье, тоже хочу вам кое-кого представить. Прошу восхищаться: графиня Джина Бочетти. Гостит у нас в Париже и заодно украшает его.

Остужев посмотрел на брюнетку — и пропал в ту же секунду. Эта теплая, южная красота потрясла его до глубины души. Когда Бочетти заговорила, он едва не упал на колени, такой восторг вызвал у Александра ее нежный голос.

— Счастлива видеть героя Франции, спасителя революции! Мы в Италии тоже мечтаем о свободе и равенстве.

— Зачем об этом мечтать, если пример Франции показал, что это можно довольно легко получить. — Бонапарт не выглядел сраженным женской красотой. — В сущности, власть не оказала народу серьезного сопротивления, осталась безвольной. Я бывал в Италии, и ни генуэзцы, ни папа, ни даже австрийцы не произвели на меня впечатления сколько-то деятельных или способных вовремя пойти на крайние меры.

Бочетти немного опешила и, как показалось Остужеву, кинула быстрый взгляд на Колиньи, будто спрашивала у него совета. Коммерсант, между тем, взял Александра под руку и отвел в сторону. Он говорил что-то о трудностях с кожей и особенно сукном теперь, когда Британия запрещает своим подданным торговать с французами. Остужев едва передвигал ноги и старался не смотреть в сторону графини.

Между тем Бочетти щебетала, не переставая, до ушей Александра долетали звонкие итальянские словечки. Генерал явно не слишком прислушивался, отвечал односложно и вообще не демонстрировал большого интереса даже к прелестям графини.

— А в чем цель приезда вашей миссии в Париж, если не секрет? — спросил Колиньи.

— Секрет, — машинально ответил Остужев и уточнил, чтобы не выглядеть грубым: — Мы привезли в посольство какие-то бумаги, мне их видеть было не положено. В сущности, я просто переводчик.

— Просто переводчик, который водит дружбу с сами Бонапартом! — Коммерсант положил руку Остужеву на плечо. — Будьте осторожны, молодой человек. Сегодня все запуганы, и у генерала нет врагов, одни друзья. Но уже завтра все

изменится. Вот вам совет от человека значительно старше вас: дружите с разными людьми.

— Как вы?

— Я, как коммерсант, просто обязан! Сегодня поставками для наших войск на юге и севере занимаются одни генералы, завтра — другие. Конвент выделяет большие деньги на содержание армии, Франция окружена врагами. Тот же Бонапарт, когда служил на юге и водил дружбу с Робеспьерами, особенно с Огюстеном, предлагал даже напасть на Италию — атаковать Европу раньше, чем враги объединятся.

— Бонапарт водил дружбу с якобинцами? — удивился Александр. — Вот уж никогда бы не подумал.

— А наш генерал тоже понимает, что дружить надо с разными людьми, — усмехнулся Колиньи. — Особенно с теми, кто у власти. Баррас поглядывает на вас косо: признавайтесь, какую мозоль вы ему отдали? Он очень опасный человек. И власти у него только сегодня меньше, чем у Бонапарта, потом он все вернет.

— Куда вы клоните? — Они отошли уже достаточно далеко, чтобы не слышать голоса Бочетти, и Остужев взял себя в руки. — Я совсем недавно познакомился с Бонапартом, это вышло случайно. А Барраса видел один раз, когда пришел сюда с шефом по его приглашению.

— Что ж, значит, мне показалось. — Колиньи как-то поволчьи улыбнулся. — Рад был поболтать, однако уже слишком поздно. Мне пора проводить графиню в ее апартаменты.

Спустя несколько минут они уже спускались по ступеням крыльца к поданной карете. Колиньи едва не волочил за собой спутницу.

— Успокойтесь же! — попросила она. — Можно подумать, будто я в чем-то виновата!

— Вроде бы нет, — буркнул Колиньи, подсаживая ее в экипаж. — Но денек определенно не сложился. Чертов Бонапарт

разгромил мятеж, который мы готовили полгода. А теперь, когда я достал из рукава туза, я имею в виду тебя, он откровенно воротит свою надменную корсиканскую морду.

— Дай мне кролика. — Бочетти уселась и расправила плащевье. — Все ведь так просто.

— Кролика надела дура Богарне. — Колиньи выругался. — Сколько раз говорил себе: не связывайся с глупыми женщинами! Они навредят, сами того не желая. Я просил ее носить кролика для Барраса, а она вышла в зал с разноцветными глазами. Наверное, еще и не заметила. Я, конечно, потребовал немедленно снять фигурку, но кто-то мог успеть обратить внимание.

— Кое-кто поглядывал на нее с большим интересом, — вспомнила Джина. — Как раз в начале приема, но и во время банкета тоже. Я имею в виду нашего друга Наполеона Бонапарта.

ГЛАВА ПЯТАЯ

НА ДВУХ СЛУЖБАХ

Прошло несколько дней. Париж залечил раны, люди на улицах снова улыбались. Остужев еще дважды встречался с Бонапартом по его приглашению. Встречи были довольно краткими, в основном вопросы задавал молодой генерал, чрезвычайно любопытный и, видимо по этой же причине, весьма эрудированный. Но более всего поражала Остужева в этом человеке его работоспособность. Всюду он только и слышал: Бонапарт сделал, распорядился, разработал, изучил... Он просто измотал Барраса и других руководителей Конвента, при каждой встрече предлагая множество нововведений. При этом по любому вопросу он готов был предоставить аргументированное объяснение. От всего этого влияние Бонапарта не только не падало, но лишь росло. И это, кажется, всерьез раздражало Барраса.

— Да, генерал Бонапарт удивительно способный и трудолюбивый человек — Штольц слушал рассказы Остужева всегда очень внимательно. — Непонятно, когда он спит. Через него идут горы документов. Источники Дюпона говорят, что секретари и адъютанты доходят до нервного срыва.

— И еще он время от времени снова интересуется Россией. — Остужева этот интерес нового знакомого несколько

беспокоил. — В основном спрашивает об армии, но и о политике тоже, о нравах двора. К счастью, мне и рассказать ему особо нечего.

— Да рассказывай смело, что знаешь! — взмахнул рукой Штольц. — Россия, слава богу, далеко, а у Франции руки коротки. Вся страна разворована! Разорившиеся крестьяне собираются в банды, хотят возвращения Бурбонов. При них хоть какой-то порядок был, а теперь эти воры из Конвента каждый в свой карман тянут. Конечно, все может измениться, порой это случается быстро. Но к тому времени Бонапарт или кто другой зашлет в Россию достаточно шпионов, чтобы узнать все, что им нужно. Шпионов у нас, кстати, и сейчас полным-полно. Понаехали беглецов, а ведь нищие все, вот и готовы за копейки служить тем же, кто их самих по миру пустил.

— Мне кажется, что Наполеон испытывает какую-то странную неприязнь к нашей родине, — осторожно заметил Остужев. — Мне он старается ее не показывать, но я чувствую.

— Это интересно. — Штольц оживился. — Ты, братец, вот такие вещи подмечай и постарайся понять — отчего так, что случилось с ним однажды? Порой мелкие события оказывают влияние на всю жизнь человека. Так ты, значит, и по имени его уже называешь? Молодец, продолжай с ним сближаться. Он может стать фигурой большого значения, этот Наполеон.

— Знаете, Карл Иванович... — Александр немного замялся. — Не по душе мне все это. Не такой я человек и общаться с другими людьми предпочитаю искренне. Не гожусь я в секретные агенты.

— Вот как? — Штольц выпрямился. — А я, выходит, прирожденный лицемер и тайных дел мастер? Так ты обо мне думаешь? Я тебе еще в России говорил: за границей мы, государственные служащие, всегда как на войне. И мы должны думать не о своих чувствах, а об интересах родины.

— Только ли? Только ли интересы родины? Вы, Карл Иванович, сделали меня участником игры, которой я не знаю. И я не сомневаюсь в вашей порядочности, но у меня накопилось слишком много вопросов.

— Погоди еще немного, Саша, — спокойно ответил шеф. — Не сомневаешься во мне — спасибо тебе за это. Я тебе чуточку показал, что там, за занавесом большой политики, какие люди ей порой занимаются. Это для науки. А вот дальше... Дальше все серьезнее и, Саша, удивительнее. Дальше — страшная сказка. Только вот сказка может обернуться былью. Допустить этого никак нельзя. Пока просто послушай меня: если твой друг Наполеон сделает тебе вдруг какое-нибудь предложение, не спеши отказываться.

Остужев не понял тогда, что имел в виду Карл Иванович, но ответ пришел на следующий же день. Бонапарт даже не пригласил его к себе, вероятно, был занят чем-то срочным. Однако не поленился прислать с адъютантом короткую записку, из которой следовало, что если Александру ничто не мешает оставить службу у российского государя, то генерал хотел бы пригласить его к себе личным секретарем. Если Остужев согласен, пусть приходит вечером к нему на квартиру.

— Вот этого я и ждал! — восхитился Штольц. — Надо же, какая удача. К секретам военным он тебя не подпустит. Во всяком случае, не сразу. Но зато ты будешь рядом с ним, вы еще более сблизитесь. Согласишься, Саша?

— Вы хотите, чтобы я окончательно стал шпионом? — Остужева такая перспектива совсем не радовала. — Да не мое это, говорю же я вам! Не так воспитан.

— Пора с тобой побеседовать, господин Остужев, пора. Но не прямо сейчас. Сейчас ты отдохнешь, вечером у тебя встреча с самим Бонапартом. А он, того и гляди, жулика Барраса под себя подомнет, даром что раньше политикой не занимался. А я встречусь кое с кем, поговорю о тебе.

Легко сказать — отдохай! Остужев места себе не находил весь день, пока Штольц где-то с кем-то его обсуждал. Соглашаться работать секретарем Бонапарта означало остаться во Франции. На каком положении? Ясно, что шпиона! А ведь относился Александр к молодому генералу с совершенно искренней симпатией. Вот только церковная паперть, покрытая чем-то невообразимо ужасным, не шла у него из головы. Но на войне как на войне, так говорят французы.

Вечером он прибыл в дом, куда совсем недавно переехал Бонапарт — до этого генерал снимал крошечную комнату. Слава пока не принесла ему богатства, зато герою многие готовы были одолжить денег. Остужеву стало любопытно, как генерал собирается расплачиваться — жалованье, которое предложил ему Баррас, нельзя было назвать слишком большим. Другие генералы, обиженные неожиданным продвижением «выскочки», отчаянно интриговали против Бонапарта в Конвенте, и Баррас им не мешал.

Повсюду сновали адъютанты и секретари — Наполеон Бонапарт трудился, казалось, всегда. Побывав уже в его кабинете, Александр понял, что даже недооценил объем проделываемой работы. Генерал ни много ни мало менял страну, в которой еще недавно был никем. Ему противодействовали казнокрады, но он один стоял против всех и вмешивался, куда только мог: в юриспруденцию, в снабжение армии, во внешнюю политику, в партийные дебаты. Он получил второй шанс и упускать его был не намерен. Прибывшего Остужева сразу проводили к хозяину.

— Так ты согласен? — Они недавно перешли на «ты». — Очень хорошо. Я не буду многоного от тебя требовать, Александр. Собственно, пока ты мне и не слишком-то нужен. Но скоро случится... Небольшое путешествие, так скажем. На юг. Ты согласен ехать со мной? В пути ты бы мне очень пригодился, верных людей совсем немного. А уж верных и толковых — почти нет!

— Путешествие... Куда? — Остужев не мог соглашаться на какие-то путешествия без одобрения настоящего шефа, Штольца. — Ты ничего не написал об этом, Наполеон.

— Потому что это секрет. Что же я, должен был сообщить его тебе, даже не получив твоего согласия оставить российскую службу? — Бонапарт весело подмигнул Остужеву зеленым глазом. — Прости, но даже сейчас я тебе ничего не скажу. Время еще не пришло. Просто мы поедем на юг.

— На юг так на юг, — обреченно отозвался Александр.

Вот радость — он получил еще одну загадку! Карл Иванович, конечно же, и этому обрадуется. В Санкт-Петербурге будут знать, что знаменитый Бонапарт собирается на юг, и сделают из этого какие-то свои выводы. И, само собой, кое-кто еще узнает о том же — и сделает свои выводы. Только один Остужев станет терзаться: действительно Наполеон по-дружески просит его помочь в какой-то поездке или вовсе не верит ему и просто таким образом хочет обмануть европейские разведки. Последнее особенно противно, хотя именно такого отношения шпион — а кем еще мог себя считать Александр? — и заслуживает.

Долгих разговоров деятельная натура Бонапарта не принимала, и к гостинице Александр подошел еще засветло. Как всегда неожиданно, рядом появилась Мари. На этот раз Остужев не вздрогнул, а спокойно продолжил идти.

— Здравствуйте, Мари. Куда же вы тогда так неожиданно пропали?

— Не люблю мужланов. Решила держаться от солдат подальше. Я вообще на редкость пуглива! — Мари шагала рядом, выглядела она теперь как дочка зажиточного буржуа. — Вы приглашены на одну встречу. Будет интересно. Видите карету? Просто садитесь в нее.

— Но я должен поговорить с Карлом Ивановичем!

— Не беспокойтесь, он уже там, куда и вас отвезут. И пострайтесь, чтобы ваше лицо было не слишком заметно с улицы.

Остужев, заглянув в веселые глаза девушки, решился. Когда он открыл дверцу и обернулся, чтобы попрощаться с Мари, ее, конечно же, уже не было рядом. Он начинал к этому привыкать.

Кучер оглянулся через плечо, но ничего не сказал. Его лицо не было известно Александру, но уж доверять Мари — так доверять. Хотя, пожалуй, мало кто из парижских знакомых заслуживал доверия меньше, чем эта странная девушка. Не успел Остужев закрыть дверцу, как карета тронулась. Около получаса они петляли по улицам и наконец оказались в довольно-таки грязном переулке. Кучер постучал, а когда пассажир высунул в окно голову, молча указал кнутом на ничем не примечательную дверь.

Войдя внутрь, Александр оказался в чьей-то бедной прихожей. Через приоткрытую дверь в комнату он сразу увидел Штольца и рядом с ним Дюпона. Это его не удивило, он ждал встречи с французом.

— Дверь прикрой, Саша! — по-французски попросил Штольц. — И садись за стол.

— Давайте сразу к делу, — вступил Дюпон, когда Александр уселся. — Сейчас мы готовы открыть вам информацию, которая составляет даже не государственную тайну, а нечто большее. Скажите сразу, Александр: вам это нужно? А то я тут слышал от Карла, что вам не нравится роль шпиона. Не то чтобы я вас приглашал именно шпионить, дела у нас самые разные, но участие втайной войне не предполагает поединков с открытым забралом. А когда это все же случается, то считайте, что вас застали врасплох и уже почти победили — противник не дурак, и забрало будет открыто только у вас.

— Я не могу ничего ответить определенно, пока не знаю, кому мне предлагают служить. — Остужев упрямко наклонил

голову. — Служить российской разведке я еще могу, хотя это не кажется мне моим предназначением. А вы говорите от чьего имени, мсье Дюпон?

— От имени человечества.

Остужев перевел взгляд на Штольца, тот кивнул.

— Мы не одни на этой планете, Саша. Тебе трудно это представить, но живут здесь и нелюди. Они коварны, умеют обманывать людей и нравиться людям, и у них есть нечто, за что можно купить человека. Нечто серьезнее денег.

— Что еще за нелюди? — Остужев выпрямился в недоумении. — Вы с чертями боретесь, что ли?

— С чертями борется церковь, — поправил его Дюпон. — Но черти — это скорее по части огня. А вот те, о ком мы говорим, имеют прямо противоположные планы. Их цель — заморозить Землю. И хотя сделать это непросто, во всяком случае сейчас, возможность у них имеется. Только требуется помочь людей, правительств и монархов. То, что ты называешь политикой, событиями исторического масштаба, во многом инспирировано именно ими. Они называют себя арками. Мы стараемся противостоять им, не позволить аркам уничтожать людей людскими же руками. Война идет тайно, ибо у нас нет возможности представить доказательства происходящего всем. Во-первых, сделать такое чрезвычайно трудно — многие ли поверят в историю, подобную моей, например? Но об этом когда-нибудь позже. Во-вторых, слишком много влиятельных людей уже находятся под властью арков, и они будут всячески противодействовать раскрытию правды. Это большая сила, среди их агентов есть даже августейшие особы. Наконец, стоит нам поднять голову, как вся сила арков обрушится на нас. Тогда не выстоять, они поведут армии, они сделают все, чтобы уничтожить нас, а правду извратить так, чтобы никто в нее не поверил. Мы можем действовать только тайно, так же как

и они. В каком-то смысле мы в равном положении, вот только нас мало, а арки — древняя раса, весьма мудрая и очень терпеливая. Я вовсе не уверен, что в конечном счете мы победим. Но бороться надо, и вот я предлагаю тебе, Александр Остужев, вступить в наши ряды.

Секретарь снова посмотрел на шефа, тот кивнул.

— Саша, голубчик, ты смело можешь отказаться. Я готов рекомендовать тебя в любое европейское посольство, такого переводчика, как ты, возьмут везде. Но тогда забудь этот разговор.

— Я не могу поверить, — признался Остужев. — Можно хотя бы посмотреть на этих арков или получить хоть какое-то доказательство?

— Доказательства далеко, и попасть к ним непросто. Аркам совсем не нравится, когда кто-то собирает о них информацию. — Штольц потянулся к столу и налил себе чаю. — Ну а разорванная революцией Франция — это не доказательство? Да, народ был угнетен, но, говоря по чести, где же иначе? Теперь стало гораздо хуже, и люди изменили мнение, многие открыто хотят восстановить монархию, остальные постепенно придут к этой мысли. Но король будет другим, зависимым.

— От Англии! — напомнил Александр. — Это же обычная политика, хотя и бесчестная.

— Обычная? — Штольц расплескал чай, а Дюпон фыркнул. — Саша! Да откуда у Англии столько сил? У них своих забот невпроворот с Америкой. А вспомни хоть якобинский террор! Сколько людей они пустили под гильотину, а ради чего? Только чтобы удержаться у власти? Да любого короля смели бы за такие ужасы. Но якобинцы долго отбивали все попытки справиться с ними. Потому что кто-то им помогал, и подумай кто. Лишь когда эта помощь исчезла, Баррас легко справился с ними — так все ненавидели якобинцев. Сперва убрали короля

и его семью, потом с помощью Террора показали, как без них плохо, и вот теперь надо позвать короля из Англии. Да, внешне это выглядит как операция англичан, но сил-то где им взять на такую страну, как Франция? Просто Англия уже под ними, Саша. В Англии арки ведут себя как хозяева.

— Вспомни, как велика была Испания, — добавил Дюпон. — Но арки однажды решили изменить ставку, и за считаные десятилетия Испания рухнула, а Британия стала владычицей морей.

— Не знаю, — вздохнул Остужев. — Вы, конечно, оба люди серьезные и не стали бы ничего делать, не будь уверены... И все равно у меня такое ощущение, что меня разыгрывают. Будто проверка какая-то.

— Если Англия подомнет под себя Францию, — вкрадчиво произнес француз, — воевать в Европе им будет просто не с кем. Австрия еще сможет оказать какое-то сопротивление, а остальные? Ты будешь потрясен, как быстро объединенные силы Европы появятся у границ твоей России. Ничего обидного не хочу сказать, но...

— Зачем это аркам? — Остужев хлопнул ладонью о стол. — Не понимаю! И, кроме того, есть еще Америка. Там что происходит?

— Если ты про отделение английских колоний, то без арков там не обошлось, будь уверен. — Дюпон уже полностью перешел на «ты». — Это сложно объяснить... Именно там готовится будущее для человечества. Создается модель, так сказать. Строится Храм, и я пока не могу тебе рассказать, что это за Храм и какое к нему имеют отношение рыцари-тамплиеры. Кстати, говоря об Америке, о Франции, о политике вообще, люди привыкли упоминать масонов. Ты не находишь, что за этой таинственной маской так удобно прятаться тем, кто не должен быть замечен публикой до самого конца представления?

Ты спросил, зачем аркам объединение Европы. Напомню: привести свои планы в исполнение они могут только с помощью людей. А кто владеет Европой, владеет миром. Именно Европа почему-то обогнала весь мир в развитии, здесь и кораблестроение, и новое оружие, и многое чего еще. У арков древние планы, Александр, и они очень терпеливы. Мы даже не знаем, смертны ли они.

— Думаю, это все. — Штольц с тревогой смотрел в растерянное лицо Остужева. — Хватит на сегодня, Дюпон. Ему нужно переварить информацию. Ты и так много сказал.

— Время не терпит, Карл. Вот еще какое у нас дело... Заодно и покажем Александру кое-что. Мари!

В ту же секунду дверь отворилась, и мимо Остужева пронеслась тень, чтобы материализоваться перед Дюпоном в образе девушки.

— Положи льва на стол, — приказал он. — Рассмотри хорошенько, Александр. Это весьма интересная вещица.

Остужев взял предмет со стола и почувствовал странное ощущение в пальцах — то ли укол, то ожог. Он взглянул на Штольца, Карл Иванович улыбнулся. Александр внимательно рассмотрел фигурку льва. Не сказать, чтобы очень тонкая работа, но сделано затейливо. Немного удивил серебристый металл.

— Из чего это?

— А вот этого никто не знает, — усмехнулся Дюпон. — Точнее, никто из людей.

Остужев перевел взгляд на Мари. Девушка улыбалась, всем своим видом показывая: да, я давно знаю об арках, и гораздо больше, чем ты. Вздохнув, Александр взвесил предмет на руке. Что еще с ним делать, он не знал.

— Нет, не клади на стол! — остановил его Штольц. — Мари, подашь ему зеркало? Держи фигурку в руке и посмотри на себя.

Секретарь исполнил приказ и с ужасом увидел, что глаза у него стали разноцветными, в точности как у Бонапарта. Он несколько раз моргнул, но видение не исчезло.

— Что со мной происходит?

— Ты становишься арком! — громким зловещим шепотом сказала Мари. — Навсегда!

— Не глупи! — оборвал ее Дюпон. — Это воздействие предмета. Теперь ты знаешь еще больше.

— У Бонапарта тоже есть такой лев! — догадался Остужев, и Мари громко фыркнула.

— Нет! Предметов много, но все они разные, о двух одинаковых никто не слышал. — Дюпон протянул руку, забрал у Александра льва и передал Штольцу. — Ну вот, Карл, теперь тебе надо исчезнуть.

— Да. — Штольц бережно завернул фигурку в носовой платок и спрятал подальше. — Медлить не стоит, даже проверенные люди выдают секреты под пытками. Я уезжаю, Александр. И времени на раздумья у тебя нет. Согласись или откажись теперь же.

— Я... — Остужев снова заглянул в зеркало и успел заметить последний миг разноцветья. Глаза опять изменились и стали такими, как прежде. — Я согласен. Я вам верю.

— Куда бы он делся? — снова захихикала Мари. — Открыть часть тайны, а потом сказать: можешь уйти и забыть!

— Не все такие любопытные котята, как ты! — строго заметил ей Дюпон. — Тогда, Александр, ты переходишь в мое подчинение. Карл Иванович позаботится, чтобы по документам ты по-прежнему находился в заграничной командировке.

— Вы повезете льва в Россию? — Александр с большим удовольствием уехал бы со Штольцем. Уж как-нибудь в дороге заставил его рассказать больше, он не так строг, как француз. — Зачем?

— Тебе незачем знать, куда я его повезу! — Карл Иванович погрозил бывшему секретарю пальцем. — Ты теперь служи Бонапарту своему. О чем вы с ним сговорились, велико ли жалованье?

— Про жалованье не спросил. А генерал сказал мне, что планируется поездка на юг, но больше ничего не сообщил. Это государственная тайна.

— Война, — отрезал Дюпон. — Он давно носится с идеей похода в Италию. Его многие уже поддержали в Конвенте, и Баррас, конечно, тоже. Хочет убрать слишком популярного генерала из Парижа. Представляю, какое снабжение старый жулик организует его армии! И себе карманы наполнит, и Бонапарта поставит в безвыходное положение. Не знаю... Побудь пока рядом с ним, а уж ближе к делу решим, стоит ли тебе ехать. Пока все, ступай, прощайся с шефом. Завтра Мари скажет тебе, что делать.

Остужев повернул голову к девушке, которой уже не было в комнате. Штольц и Дюпон тепло простились, а потом та же карета, что привезла Александра в переулок, доставила обоих в гостиницу. Молодой человек всю дорогу сидел как на иголках, ему очень хотелось узнать больше. Но разумом он понимал: ему раскрыли лишь то, что врагам известно и так.

Штольц не стал ждать утра. Он накрою собрался, и Остужев помог ему вынести чемоданы. Карла Ивановича ждала все та же карета, на козлах теперь сидели двое. Третий открыл дверцу экипажа изнутри.

— Дюпон позаботился о моей безопасности. Хотя главное — безопасность предмета, — шепотом сказал Штольц на прощание. — Береги себя, Саша. Но ради благого дела и жизни, полной приключений... Я думаю, ты правильно сделал, что согласился. Ты подойдешь для этой работы.

Когда цокот копыт по мостовой стих, Остужев вернулся в комнату и попробовал уснуть. Незачем и говорить, что ему это не удалось. Рассвет застал его с книгой, Александр

пытался чтением отвлечь себя от будоражащих мыслей. Вскоре он почувствовал какое-то движение в комнате, сразу все понял и продолжил делать вид, что читает.

— Ты не закрыл окно, — тихо сказала Мари.

— И тебе доброе утро. Ты не могла бы в следующий раз постучаться и войти в дверь?

— Я думала, посмотрю — не спишь ли ты. Если спишь — загляну попозже. — Мари присела у него в ногах, совершенно не смущаясь некоторой неприличности ситуации. — Значит, так: мсье Дюпон решил познакомить тебя с Антоном Гаевским. Он тоже из России, из Варшавы, что ли, я не помню. Совсем молоденький мальчик, служит в доме Богарне, дорогу ты знаешь. Позади дома есть сад, он тебе, кажется, тоже знаком. Вот там и прогуливайся, пока не придет Антон. Хоть до вечера, хоть до ночи, это важно. Не задерживайся! Дело связано с поездкой твоего Штольца. Гаевский должен кое-что передать, и сообщение ты срочно доставишь вот сюда. — Она положила на кровать клочок бумаги. — Лучше запомни адрес и сожги записку. Ну, вставай же!

— Мари, я не вылезу из-под одеяла, пока ты в комнате! — строго сказал ей Александр. — И вообще, малышка, если ты продолжишь общаться со мной в таком тоне, придется нам с вами снова перейти на «вы».

— Да вы воспитаны в строгости! — Мари поднялась и не спеша вышла из комнаты, демонстративно не прикрыв за собой дверь.

Остужев вскочил, захлопнул и дверь, и на всякий случай окно и быстро привел себя в порядок. Что еще за русский мальчик Гаевский? Что он тут делает, кем служит у Богарне, как выглядит? Чертова девчонка не сказала ничего. Вот только слова «дело связано с поездкой твоего Штольца» прозвучали немного тревожно. Значит, надо поспешить — путешествие бывшего шефа явно было небезопасным.

Прибыв к дому Богарне со двора, то есть оказавшись в том самом злополучном месте, где погиб Ханс, Остужев принял ся, как и было приказано, бесцельно бродить. От случившейся некоторое время назад схватки двух тайных организаций не осталось и следа. Скорее всего, кто-то об этом позаботился. От скуки Остужев прошел весь сад почти до самого особняка, повернулся, чтобы идти обратно, и нос к носу столкнулся с Колинни. Коммерсант с подозрительным шрамом во всю щеку тоже, кажется, удивился.

— Мсье Остужев? Какая приятная неожиданность! Что вы делали у Жозефины в такую рань и почему покидаете дом с черного хода? — Колинни справился с растерянностью и дружелюбно улыбнулся. — А мсье Баррас знает о вашем визите? Ох, озорник вы, мсье Остужев!

— Да перестаньте же, честное слово! — Александр не знал, как выкручиваться. — Я был тут неподалеку, увидел сад и решил немного прогуляться перед завтраком.

— Неподалеку, — кивнул Колинни и посмотрел через Сашину плечо на видневшийся за деревьями дом Богарне. — Я слышал, сам Бонапарт позвал вас к себе личным секретарем? Позвольте поздравить, если это правда.

— Где вы могли это слышать?

— Я часто общаюсь с разными людьми по коммерческим делам, я ведь говорил вам. — Колинни крепко взял Остужева под руку и произнес ему почти в ухо: — А генерал Бонапарт мне очень интересен. Ходят слухи — только это секрет, тсс! — что готовится поход в Италию. Значит, армию надо экипировать. Мои конкуренты сосредоточены на нашей северной армии, той, что на Рейне. А про южную они пока не знают.

— Колинни, я ничего не понимаю в коммерции и вообще пока не принят на службу! — Остужев попытался вырваться. — Может быть, все не стану его секретарем!

— А вдруг станете? Мне это было бы очень интересно. — Колиньи не просто не отпустил Остужева, но потащил к дому Богарне. — Что вам тут гулять? Я приглашен к завтраку и вас приведу. Идемте! А то подумаю, что вы все же были у Жозефины и хотели уйти незаметно!

Появление Колиньи вовсе не удивило хозяйку, а вот увидев Остужева, она нахмурилась. Однако коммерсант шепнул ей что-то на ухо, и незваный гость был радушно приглашен к столу. Настроение Александра не улучшил даже завтрак, в котором юноша нуждался: он провалил простейшее задание. А ведь судьба Штольца, может быть, зависит от того, сможет ли Остужев переговорить с Гаевским. Саша поглядывал на слуг, но ни одного мальчика среди них не заметил.

Разговор за столом зашел о Бонапарте. Колиньи громко восхищался генералом, время от времени выразительно поглядывая на Александра. Про себя Остужев решил: Наполеон обязательно узнает об этих намеках. Коммерсант ему просто надоел, а еще было обидно, что Александр не сообразил вовремя контратаковать и спросить, почему сам Колиньи идет в дом Богарне через сад, пешком.

— Я сейчас должен кое-что рассказать хозяйке, но потом обязательно вернусь, и мы продолжим, — шепнул наконец Колиньи на ухо Остужеву и вышел из столовой вместе с Богарне.

Оставшись за столом один, Александр совсем растерялся. Задание Дюпона он не выполнил, Гаевского не нашел, так, может быть, надо сбежать и вернуться в сад? Так он и решил поступить, но не успел сделать и нескольких шагов, как услышал густой бас:

— Сядь на место! Хочешь, чтобы этот гад Колиньи все понял?

Приказ, отданный таким голосом, да еще по-русски, просто ошарашил Остужева. Он обернулся и увидел перед собой улыбающуюся девушку-служанку.

— Меня зовут Вероника, — сказала она нежным голосом. — Мсье не хочет вернуться и закончить завтрак? И побыстрее, — снова басом и по-русски добавила она.

Остужев был рад присесть — ноги задрожали. Что же это за мальчик-девочка, который говорит так, что стаканы звенят?

— Рад познакомиться, Антон, — нашел в себе силы произнести он. — Что вы должны мне передать?

— Вероника! — кокетливо напомнила служанка, что-то прибиравая на столе. — Говорите, пожалуйста, по-французски, я не знаю других языков. Если бы я собралась что-то срочно передать, то побежала бы в сад и никого бы там, черт возьми, не нашла. Впрочем, кое-что скажу уже сейчас. Я видела у хозяйки разноцветные глаза. Вечером, когда она в спальне готовилась к приходу Барраса. Это важно, не забудьте.

— Я уже знаю, что это важно, Вероника. — Остужев немногоХ пришел в себя. — Так мне идти в сад или сидеть тут и слушать этого каналью Колиньи?

— Сидите тут и кушайте. Кстати, наличие предмета вполне подтверждает все наши подозрения относительно Колиньи. О, у нас новая гостья!

Служанка низко присела перед почти вбежавшей в столовую женщиной, и Остужев узнал в ней прекрасную итальянку.

— Где Колиньи?! — выкрикнула Бочетти, даже не поздоровавшись. — Он в доме?

— Мсье Колиньи о чем-то говорит с мадам Богарне наверху, — почтительно доложила Вероника. — Мне проводить вас?

— Сама найду! — бросив быстрый взгляд на Остужева, графиня выбежала прочь.

— А вот теперь будьте готовы. Если дам сигнал — любой! — бегите к Дюпону, скажите, что мы, к сожалению, оказались правы и Колиньи взял след.

Служанка быстро вышла из столовой. Остужеву кусок в горло не лез, тем более что Александр снова ничего не понимал. Оставалось только подумать собственной головой. Выходит, Колинни — враг? Чей же след он тогда взял? Вероятнее всего — Штольца. И еще одна печальная новость: прекрасная Бочетти, так тронувшая сердце юноши, помогает противникам.

Его размышления прервала Вероника, вошедшая в столовую. Служанка страшно оскалила зубы и указала пальцем на дверь, в этот момент превратившись в юношу в платье. Остужев бросился к выходу и едва не столкнулся с Богарне и Бочетти. Он пробормотал благодарность за завтрак и сбивчивые извинения.

— Ну вот, все мужчины нас покинули, какая жалость, — произнесла Богарне, протягивая руку для поцелуя, но сожаления в ее голосе не чувствовалось.

Бочетти ограничилась кивком. В ее глазах Александр увидел холодную настороженность. Выбежав через парадный вход, чтобы быстрее поймать экипаж, он успел заметить отъезжавшую от крыльца карету. Вероятнее всего, в ней прибыла Бочетти, а теперь куда-то спешил Колинни.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ЛЕВ И ЛЕОПАРД

Карета несла Штольца всю ночь в сторону Вернона, по направлению к Руану. Только сам русский посланник знал, что это уловка — не доехая до Руана, он должен был пересесть в другой экипаж и двинуться в сторону Брюсселя. Людей для помощи Штольцу у Дюпона после недавних неудач в Париже практически не осталось. Часть он двинул к Руану заранее, чтобы обмануть противника. Еще трое поехали с Карлом Ивановичем, не зная, кто он такой, но получив твердый приказ защищать его до последнего. Увы, в целях секретности эти трое являлись всего лишь наемниками, зато наемниками, неоднократно проверенными, — за плату они готовы были рисковать жизнями.

Штольц привык к опасности давно. Но, въезжая на территорию Франции, куда Западный клан арков предпринял настоящую агрессию, понимал: он будет на виду. Спасти могли только отвлекающие маневры вроде визитов в Конвент и предъявления Баррасу и его товарищам самого настоящего секретного ультиматума, официально исходящего из Санкт-Петербурга. Он знал, что эта встреча не останется секретной для агентов арков. Тем лучше — был шанс, что они сбросят одинокого старого дипломата Штольца и его неопытного секретаря со счетов. Увы, кто-то просчитал их шаги, и на Остужева вместе

с Хансом и одним из людей Дюпона, везших заветный чемодан для давления на Барраса, совершили нападение. После этого, как ни протестовал француз, Карл Иванович настоял, чтобы Баррас во время их разговора увидел Александра. Это должно было порядком напугать его — Баррас толком не знал, с кем имеет дело, но силу чувствовал нешуточную.

И все же Штольцу следовало уехать из Парижа как можно быстрее, по тайному маршруту, прихватив тот предмет, за которым и прибыл. Лев — фигурка, дающая храбрость, заряжающая этой отвагой целые армии. По легенде, львом когда-то владел сам Александр Македонский. Менее известная часть легенды добавляла, что похоронить себя с пустыми руками, торчащими из гроба, древний царь приказал, чтобы напоследок поиздеваться над арками, которые пытались завладеть предметом. В чьи руки лев попал тогда, неизвестно, а вот теперь, после долгих розысков, он оказался у Штольца. И тот увозил льва из Франции со всей возможной быстротой — слишком много здесь агентов Западного клана арков.

Вместе с тем он увозил и страх за своего отставного секретаря. Александру было всего двадцать пять лет, большую часть из которых он провел под Владимиром, в поместье своего отца. Парень остался весьма неопытным, открытым. Лишь крайняя нехватка Дюпона в людях заставила Карла Ивановича расстаться с Остужевым. Ему горько было смотреть, что большую часть агентурной работы выполняют просто дети — Мари де Бюсси-Рабютен, девочка из древнего аристократического рода, полностью перебитого якобинцами по указке арков, и Антон Гаевский, удивительно талантливый мальчишка, случайно попавший в поле зрения руководителя французского отделения союза.

— Вот и оставил ему в придачу третьего ребенка... — проговорчал Карл Иванович по-русски, чем вызвал недоуменный

взгляд своего охранника, сидевшего напротив. — Кто же знал, что все так выйдет... Надо искать людей, помогать Дюпону, иначе не сегодня, так завтра Франция будет полностью потеряна.

Лошади бежали всю ночь, и только утром карета свернула на неприметную дорогу, ведущую вокруг Вернона, и докатилась до спящего еще постоялого двора. Штольц в сопровождении настороженного охранника зашел позавтракать. Сонная прислуга не торопилась, время шло, и Карл Иванович начал немного нервничать. В кармане у него, просто завернутая в несвежий носовой платок, хранилась одна из самых ценных вещей в мире. А ведь его отбытие могло быть замечено еще вечером, хотя Дюпон обещал по возможности подстраховать отъезд.

— Нельзя ли поскорее! И завтрак нам нужен не на двоих, а на четверых! — раздраженно напомнил он слуге, разливавшему кофе. — Еще два моих человека заняты с лошадьми!

— Я вижу, и там не торопятся, — пробурчал охранник, которому передалась нервозность Штольца. — До места встречи еще далеко. А на этих захудальных постоялых дворах постоянно задерживают!

— Если нет хороших лошадей, посмотрите на наших. Может, и доберемся? — предложил посланник. — Только не наростили бы их уже от пузза, не побегут ведь...

— Я не могу вас оставить. — Охранник пил кофе, держа свободную руку под курткой. — Это приказ.

— Тогда идемте вместе! — Штольц вскочил и расплатился за завтрак, который даже еще не подали. — Черт с ней, с едой. Главное — лошади.

Все оказалось худо, как в глубинке России, вот только грамоты русского посланника никакого действия не возымели. Лошади у сонного хозяина были, но их требовалось подковать,

не говоря уже о том, что выглядели они ужасно. Тех, на которых Штольц приехал, успели напоить.

— Может, дать ему денег? — спросил Карл Иванович у старшего охранника. — У вас ловчее получится.

— Денег? — растерялся француз. — Да он просто деревенский идиот, чем тут деньги помогут? Нет у него лошадей.

— Проклятая страна! — по-русски выругался Штольц. — У нас хоть за деньги что-то получишь!

Он приказал запрячь своих лошадей, усталых и напоенных. Хозяин начал упираться и даже призвал на помощь слуг и домочадцев. Пришлось показать им пистолеты, но даже после этого тот продолжал браниться и выглядел крайне оскорбленным.

— Да что же ему надо-то?.. — кипятился Штольц. — И не взяли ничего, и за завтрак заплатили, которого нам так и не подали! Идите есть мой завтрак, мсье, я угощаю!

Вдруг прямо у него над ухом раздался выстрел. Старший из охранников — имена они не сообщали, руководствуясь указаниями Дюпона, — пустил пулю хозяину прямо в грудь и тут же заслонил собой Штольца. Привычный к таким оборотам Карл Иванович также выхватил оружие, повернулся и успел опередить целившегося в него из солдатского ружья сына отныне покойного хозяина.

— Что за черт?!

— Я ошибся насчет деревенского идиота! А еще точнее, мсье, он и идиот, и предатель! — Охранник затащил его за карету, где они перезарядили оружие. — Посмотрите, что они успели сделать с левым задним колесом! Подпилили половину спиц!

— И что это значит? — Штольц осторожно высунулся и тут же спрятался обратно — из постоянного двора по ним стреляли.

— Все что угодно, мсье! Может быть, решили нас ограбить и убить, в наши дни это дело житейское, особенно в провинции. А может, что-то гораздо худшее!

— Надо уходить верхами! — Штольц выстрелил в стоящего у окна слугу с мушкетом, но, кажется, не попал. — Доберемся как-нибудь!

— Нас перебьют, пока будем распрягать лошадей! К тому же мы без седел. — Охранник цепко держал Штольца, пока двое его товарищей вели перестрелку. — Попробуем вдвоем добежать вон до того кустарника, нас прикроют. Потом прикроем их.

— Постой... Проклятье, отвернись!

Штольц достал фигурку льва. Предмет был закреплен на цепочке, и спрятать его под рубашку оказалось делом пары секунд. Теперь оставалось проверить, поможет ли им фигурка — в обычное бандитское нападение Штольц не верил, а значит, враги скоро получат подкрепление.

— Вот что мы сделаем! — закричал он, чувствуя, как немолодое уже сердце забилось ровнее, как расправились плечи. — Это же просто деревенские канальи, обнаглевшие во время хаоса! Это не воины! Вчетвером мы перебьем всех, кто не убежит, возьмем седла и спокойно сядем на лошадей! Кто со мной?!

До этого постоянно оглядывавшиеся в поисках путей отступления наемники ответили восторженным ревом. С заряженными пистолетами по команде Штольца они поднялись в полный рост, дали залп и в клубах порохового дыма кинулись вперед, вытаскивая сабли. У Карла Ивановича таковой не имелось, но он подхватил мушкет, который выронил убитый, и вторым ворвался в постоянный двор. Первым шел старший из охранников — он продолжал выполнять долг, прикрывая Штольца, но с устроенной храбростью.

Бой длился недолго. Потеряв четверых, противники бежали через окна и конюшню. Чувствуя переполняющее его желание и дальше вести своих людей только в атаку, Карл Иванович снял с шеи цепочку.

— Найдите седла, скорее! Счет идет на минуты!

Он был прав, хотя и у противника дела шли не слишком хорошо. Колиньи кинулся в погоню верхом во главе десятка своих людей, оказавшихся под рукой. Хозяева многих постоянных дворов и еще некоторые люди на дорогах из Парижа имели определенные инструкции, в том числе описания путников, о которых надо было не только немедленно сообщить, но и задержать, а при необходимости убить. Однако Штольц успел бы доскакать до места встречи и отправиться к Брюсселю, если бы Колиньи не удалось перекупить хозяина гостиницы, где остановился Карл Иванович. Того самого, которому уже щедро заплатил Дюпон. Плата за переуступку верности оказалась чрезвычайно высока — красавица графиня Бочетти. Ей хозяин и сообщил об отбытии Штольца. Установить направление, в котором он уехал, было куда проще.

Ныне покойный хозяин постоянного двора тоже узнал Штольца и отправил младшего сына навстречу погоне. Но мальчик не успел добраться до большой дороги, идущей через Вернен, раньше, чем туда уже проскакал отряд Колиньи. Они могли разминуться: четыре всадника на усталых лошадях и опередившая их погоня. Но Колиньи, чьи глаза сейчас горели двумя разными цветами, владел не только предметом, но и кое-какими врожденными способностями.

— Остановитесь! — проскакав Руан, он резко осадил своего жеребца. — Дайте подумать...

Тяжело дыша после нескольких часов бешеной скачки, он снял с шеи шнурок с серебристой фигуркой леопарда и повесил его на луку седла. Ему казалось, что наличие предмета мешает ему прислушаться к своим ощущениям. И Колиньи почувствовал: Штольца не было впереди. Странное чутье часто помогало ему избежать проблем, а сейчас говорило: кто-то очень опасный сзади. И этот кто-то — именно Штольц.

— Он надел его! — прошептал Колиньи, счастливо улыбаясь. — Лев с ним. Эй, друзья, а кто знает: есть другая дорога на Руан? Или, может быть, обходная, вокруг Вернона?

Спустя минуту они уже скакали навстречу группе Штольца. Теперь Колиньи не чувствовал опасности, но знал: русский дипломат просто положил фигурку льва в карман. И он наденет ее снова во время столкновения. Именно поэтому Колиньи отстал и двигался последним. Что, впрочем, не помешало ему, едва завидев впереди четверых медленно едущих всадников, закричать:

— Вперед, мои герои! Просто убейте их всех!

Сам он по-прежнему скакал в арьергарде и чуть сбоку, чтобы видеть врага. Нашупывая спасительную фигурку леопарда, Колиньи видел, как грузный Штольц что-то надел на шею. Почти сразу трое его спутников приободрились и, изо всех сил понукая лошадей, понеслись навстречу врагам. Загремели пистолетные выстрелы с обеих сторон. Сразу три человека Колиньи покинули седла на всем скаку, и лишь один охранник Штольца, раненый, обхватил шею коня, но все еще пытался гнать его вперед.

— Леопард против льва! — Колиньи выстрелил, целясь в несущегося впереди Шульца, но промахнулся. — Тогда попробуем вернее!

Вторую пулю он послал в шею лошади и в этот раз был точен. Конь взвился на дыбы,бросив с себя Штольца с разряженными пистолетами. Сверкнули выхваченные из ножен сабли, и противники сшиблись прямо над катившимся по земле обладателем льва. Он бы непременно погиб, если бы два его бойца не вступили в отчаянную, неравную рубку с нападавшими. Это было невероятно, но один за другим люди Колиньи падали.

— Проклятье! — Колиньи снова схватился за пистолеты, все еще не вступая в бой. — Да пристрелите же их кто-нибудь!

Одного он прикончил сам, заехав сзади и спокойно всадив пулю в спину врагу. Тот вывалился из седла, но на его лошадь вдруг, совершенно неожиданно для Колиньи, с невиданной для его грузного тела легкостью прямо на ходу запрыгнул Штольц с окровавленным, разбитым лицом, с подобранный саблей в руке и бешеными глазами. Снова заряжать пистолет времени не было, и Колиньи выхватил саблю. Прямого боя избежать не удалось.

Они сшиблись один на один, пока последний из охраны Штольца яростно отмахивался клинком от трех противников. Колиньи, благодаря леопарду куда более быстрый, увернулся от сабли русского, но и нанести удар не смог — будто ослабла рука. Штольц развернул коня, помчался на врага, а тот погнал свою лошадь прочь. Одного раза хватило, чтобы Колиньи понял: его собственная храбрость стала на колени перед отважной льва. Шестое чувство, чувство опасности, кричало: прочь отсюда!

Но Колиньи не был бы собой, не умей он иногда пойти наперекор собственным ощущениям. Один из его парней успел перевязать свою раненую руку и теперь, зарядив пистолет, целился в последнего из наемников Дюпона. На всем скаку Колиньи выпрыгнул из седла, отбросив в сторону саблю, и упал на раненого, вцепившись в пистолет. Ему был крайне нужен этот заряд.

Прыжок вышел нечеловечески точным — спасибо леопарду! Вырвав оружие и прокатившись по траве, Колиньи успел встать на колени прежде, чем к нему подскакал Штольц. Отчаянно хотелось бежать, ползти, просить пощады... Двумя руками француз поднял пистолет, успев подумать, что осечка для него означает мгновенную смерть. Но осечки не произошло.

Даже получив пулю в грудь, Штольц не остановил могучего замаха и зарубил бы негодяя, не обладай тот волшебным

предметом. Гибкий, словно кошка, быстрый, словно змея, Колиньи вывернулся из-под самого клинка. А вот Карл Иванович, не сумев остановить инерции собственного удара, грузно упал в траву. Едва не визжа от продолжавшего одолевать его страха, Колиньи кинулся к нему. Не чтобы добить — чтобы сорвать с шеи цепочку с фигуркой.

Почти в тот же миг победно вскрикнули двое оставшихся в седлах его подчиненных. Последний из людей Штольца погиб. Колиньи поднял руку к солнцу и смотрел на льва, раскачивающегося перед самыми глазами. Это была не просто победа, это было начало множества побед.

— Как же мы вас прижали, господа защитники рода людского, что больше охраны вы Штольцу выдать не смогли? — Он не мог наглядеться на трофей. — Хотели отправить его в Россию? Нет, русским войскам в Париже не бывать никогда!

— Колиньи, зачем ты служишь им? — прохрипел Штольц.

— А зачем ты сопротивляешься им? — рассмеялся счастливый победитель. — Оба мы просто играем в самую интересную игру на свете. Ох, прости, ты свое уже отыграл! Арки вовсе не так страшны, как тебе казалось. Зато, помогая им, я на той стороне, которая чаще выигрывает! Я банкую, мсье Штольц.

— Ты не понимаешь... — Штольц истекал кровью. — Они хотят погубить все...

— Арки говорят иначе, мой милый друг. — Колиньи поднялся и аккуратно спрятал предмет. — Кому верить? Я предпочитаю — им. Они больше платят, ха-ха-ха! Так, друзья мои, кто еще остался жив! Мы уезжаем. Легкораненые — с нами, прочих перевяжите, и пусть лежат тут — вот-вот должна подъехать подмога, они и заберут всех. Наших противников, понятное дело, ни перевязывать, ни забирать не надо. Все, дайте же мне коня! И прощай, Штольц. Я до последнего не верил, что именно ты приехал за львом.

— Как вы узнали, что лев будет здесь?..

— Не надо быть таким наивным, мой милый. — Колиньи с новыми силами, которые дарует победа, вскочил на подведенного коня. — И не скажу я тебе ничего, и задержать нас у тебя не получится. Смотри в небо, Штольц, и думай о своем — нет, вашем проигрыше. Все, после этого вам уже не подняться. Прощай!

— Может быть, добить его? — предложил один из спутников.

— Это мелко, приятель. Учись делать широкие жесты: возможно, Штольц еще дождется своих друзей и сможет попрощаться. — Колиньи пришпорил коня. — А мне бы этого хотелось! Пусть скажет им, кто был здесь! Пусть колесо закрутится быстрее!

Шестое чувство, чувство опасности, слегка кольнуло его, когда Колиньи произнес эти слова. Захотелось вернуться и все же прикончить Штольца, но победа звала вперед. Он лишь с усмешкой помотал головой, отвечая своему чутью, и помчался дальше с трофеем в кармане.

Прошлым вечером засидевшийся в посольстве Остужев по пути домой обнаружил у себя в кармане невесть откуда взявшуюся записку. Там было одно только слово: «Дюпон» и неизвестный Александру адрес. Когда Остужев добрался до квартиры, указанной в записке, то едва не упал на залитом кровью полу. За полчаса до его прихода на тайную берлогу Дюпона напали выследившие ее агенты Колиньи. Мари как раз заканчивала перевязывать француза, а чтобы подойти к кровати, на которой тот лежал, Александру пришлось переступить через два трупа.

— Колиньи! — вскричал Дюпон и ударом кулака разбил изящный прикроватный столик. — Все-таки Колиньи! И, может

быть, не он один. Проклятье, он обыграл нас. Сам погнался за Карлом, но и ко мне успел прислать людей. Конечно, если лев у Штольца, то кто, как не я, мог ему его передать! Мари, девочка, ты теперь тоже в большой опасности.

— Подумай о себе, — проворчала Мари, зубами разрывая еще одну рубашку. — Я-то всегда смогу спрятаться.

— Надо скакать за ним! — Дюпон попытался сесть, но со стоном повалился обратно. — Мне не доехать, Мари не очень хорошо умеет шить. А если шов разойдется, то... Остужев, в шкафу есть Библия. В ней тайник, там деньги! Бери все и запиши адрес! Это трактир.

— Куда мне скакать?! — закричал Александр. — Карл Иванович в опасности?! Я немедленно направляюсь к нему!

— С Колиньи будут его люди, Остужев. Один ты обречен, ты ведь никогда не сражался. Если хочешь помочь Штольцу — делай, как я говорю. Ночь, черт возьми! Но есть шанс успеть. Купи на эти деньги человек десять. Кого — тебе подскажет хозяин трактира, если сообщить, что от меня. Будь осторожен, Остужев, и главное — привези льва!

Сам не свой, Александр схватил деньги и, твердя адрес, побежал в трактир. Он нанял лишь четверых — тех, что оказались неподалеку. Потом пришлось бежать за хорошими лошадьми, снова платить. Лишь под утро маленький отряд смог покинуть Париж. Конечно же, они не успели.

Прискакав на место короткой битвы примерно через два часа, Остужев застал Штольца живым. Карл Иванович еще дышал, но жизнь покидала его с каждым вздохом. Сознание он потерял уже давно. Александр потащил его к коню, но из раны так хлынула кровь, что юноша остановился и заплакал. И тогда Штольц открыл глаза.

— Саша?.. — еле слышно прошептал он. — Саша, уезжай.

— Это Колиньи, да? — всхлипнул Остужев. — Все будет хорошо, Карл Иванович, я вас перевяжу, и мы поедем, и... Что вы стоите?!

— Мсье, не стоит делать этого, — сказал старый солдат с сабельным шрамом на лбу. — Мы лишь продлим его мучения. Не то что до Парижа, до Вернона его не довезем. Парни, что там?

Еще троє таких же ночью найденных наемников осматривали место.

— Много крови, много следов копыт! Три трупа. Больше ничего.

— Саша, уезжай... — хрипло повторил Карл Иванович. — А если останешься, будь готов к такому концу... Подумай, Саша.

— Я отомщу! — пообещал Остужев, почти не слыша его слов. — Я сам убью Колиньи, клянусь!

Штолльц сказал что-то еще, неразборчиво, потом вдруг приподнял голову и из последних сил сжал руку Александра. Он и не почувствовал этого слабого движения пальцев.

— Лев! — умирающий вспомнил самое главное. — Лев! Не отдайте им льва, иначе они станут непобедимы! Аракчееву лично в руки льва...

— Что лев, Карл Иванович! — Александр опустил голову Штолльца на траву. — Что теперь мне до какого-то льва...

— Лев... — уже в бреду бормотал Штолльц. — Только бы льва... Самое главное...

Спустя минуту солдат тронул Александра за плечо.

— Все, — сказал он. — Ну, хоть проститься успел. Теперь надо его забрать и убираться отсюда другой дорогой, через Вернон. Иначе полицейские, что на постоялом дворе разбираются, и нами займутся. У мсье Дюпона всегда главное условие: никакого шума.

— Все в тайне... — Остужев взял себя в руки и закрыл Карлу Ивановичу глаза. — Вся его жизнь — тайна.

— Вот и смерть должна стать тайной. И нам, пожалуйста, не надо ничего рассказывать. Наше дело — сторона, Дюпон заплатил, мы сделали. Пора.

Забрав тело Штольца, они, стараясь не вызывать подозрений, не спеша вернулись в Париж. Остужев все вспоминал слова умиравшего шефа: сначала тот приказал возвратиться в Россию, потом — отыскать похищенного льва и отдать Аракчееву. Значит, следовало так и поступить. Отношения с Бонапартом, равно как и распоряжения Дюпона, его больше не волновали. Нужно было сделать лишь две вещи: убить Колиньи и отыскать льва, чтобы увезти его в Россию. Но это Александр поклялся себе совершил обязательство.

Неподалеку от квартиры Дюпона их встретила Мари. Она сказала пару слов наемникам, и те сразу куда-то двинулись вместе с телом. Александра она прихватила за стремя.

— Сочувствую твоему горю, но не забывай: у нас есть дело.

— Сначала я должен похоронить Карла Ивановича! — возразил Александр.

— Некогда! — жестко ответила Мари. — Тело отвезут в российское посольство — как будто нашли на улице. Ограбление, обычное дело. Иначе нельзя. А тебя срочно зовет Дюпон, он теперь по другому адресу. Под утро была еще одна атака.

Вместе с Мари Остужев отправился к Дюпону. Служить ему он не собирался, но другого способа отыскать льва не видел. Только француз понимал, что за игра происходит в городе, кто друзья и кто враги. А главное, он мог подсказать, где найти Колиньи.

— Штольц мертв, лев похищен? — с ходу предсказал Дюпон, едва завидев Остужева. Теперь у француза и голова была перевязана. — Что ж, это только моя вина. Но больше мне просто некому было это поручить — они убили всех!

— Мсье Дюпон, мне необходимо найти Колиньи, — твердо сказал Александр. — Прямо сейчас.

— Хорошая идея! — мрачно усмехнулся Дюпон. — Вопрос только, где его искать. Я нанес несколько ответных ударов, устроил пару ловушек, но мерзавец в них не попался. Что ж, по крайней мере, он тоже потерял несколько человек. Но мои финансы не безграничны, а действовать я могу только с помощью наемников, которых, черт их возьми, так легко перекупить. Зато у Колиньи за плечами вся казна английской короны!

— Меня это не интересует, — сухо ответил Остужев. — Мне необходимо найти Колиньи и отомстить.

— Отомстить? — Дюпон покачал головой. — Чтобы отомстить за Штольца, надо убить не Колиньи... Вполне возможно, что его вовсе не стоит трогать. Его мы теперь хотя бы знаем, а выявленный враг лучше тайного. Впрочем, я готов лично его придушить. Но именно сейчас ничего не получится. Если он в Париже, то окружил себя такой охраной, что нам не подобраться. В его распоряжении теперь все ресурсы, ведь у него лев! Арки выполнят любую его просьбу.

— Плевать на арков! — взвился Остужев, вызвав осуждающий взгляд Мари. — Плевать на его охрану! Хватит! Ночью я не поехал один, промедлил, послушавшись вашего совета, и поэтому опоздал и не спас Карла Ивановича! Больше я так не поступлю! Скажите просто, где мне искать, и я уйду!

— Не кричи так. — Дюпон поморщился и тронул бинты на голове. — Если ты вдруг забыл, напоминаю: я твой начальник. И стал им по воле Карла. Если чтишь его память, слушайся меня. Ты уже один из нас. Я ищу Колиньи, — добавил он спокойнее. — С утра ищу. Лев при нем, если бы удалось схватить его на въезде в Париж... Я почти уверен, что он здесь. Но где?

Остужев в бессилии опустился на стул и понурил голову. Оставалось только ждать вестей от лазутчиков Дюпона. Мари

куда-то несколько раз уходила и в своей манере незаметно возвращалась. О Дюпоне она заботилась нежно, как об отце. Вечером девушка приготовила ужин. Покормив Дюпона, который сам едва мог шевелиться, Мари поставила тарелку перед Остужевым. Он даже не посмотрел на еду.

— Нет, друг мой, тебя я с ложечки кормить не стану, — фыркнула она. — Мы недостаточно близко знакомы. А еще, Александр, хочу тебе сказать одну вещь. Ко всему можно привыкнуть. И к гибели друзей — тоже.

— Ты не знаешь, каким чудесным человеком был Карл Иванович... — простонал Остужев. — Мари, он научил меня всему, что я знаю.

— Ты должен понимать, что сейчас он приказал бы тебе поесть. — Мари присела рядом. — Клод задремал, а ведь собирался рассказать тебе о предметах. Они не только меняют цвет глаз.

— Что же еще? — без особого интереса спросил Александр.

— Они меняют человека. Один предмет позволяет стрелять без промаха, другой — повелевать людьми, третий сделает тебя сказочно прекрасным в глазах женщин. У каждого свое свойство.

— Начинаю понимать, — поневоле Остужев оживился и поднял голову. — А какое свойство у льва?

— Он вселяет в обладателя смелость. Но не только в него. Солдаты, целая армия, которая его окружает, пойдут на подвиги ради победы. — Мари вложила ему в руки нож и вилку. — Ты ведь читал, наверное, про удивительных полководцев? Никогда не удивлялся — как это получилось, что македонцы сидели в своей Македонии, ничем особенным от других греков не отличались, а потом вдруг завоевали и Грецию, и еще половину мира?

— Ты думаешь, у Александра Македонского была эта фишка? — Остужев задумчиво отрезал кусочек бифштекса. —

Вообще-то он гениальный стратег. И еще он, кажется, придумал ходить в бой фалангой.

— Ну да, — усмехнулась Мари, — великое изобретение! До него никто не мог придумать. И выставить свою фалангу против его — тоже никто не догадался. Македонцы бились как герои, каждый, потому что их вел за собой лев. Понимаю, в это трудно поверить. Какая-то блестящая игрушка... Ты до конца осознаешь силу предметов, только когда увидишь, как они действуют. Но пока про льва: как ты думаешь, что случится, если в Европе появится полководец, обладающий львом?

— Да какой из Колиньи полководец? Он же коммерсант.

— А при чем здесь Колиньи? У Колиньи лев работать не будет, он взят силой. А артефакт сохраняет работоспособность, только если передан новому владельцу добровольно, а не отнят или украден. Но вот если Колиньи подарит фигурку кому-нибудь из своих соратников, да не абы кому, а хорошему военному...

— Никто не устоит? — спросил Остужев с полным ртом. — Новый хозяин завоюет мир?

— Да не он! Арки завоюют мир. А люди даже не поймут.

— Но почему арки сами не могут этого сделать, если у них есть эти предметы? Зачем им люди?

— Я не встречалась с арками. — Глаза Мари блеснули, и стало понятно, что ей бы очень этого хотелось. — Клод говорит, что предметы, видимо, на них не действуют. И еще есть некоторые причины, по которым они предпочитают делать все руками людей. Предметы — вот их главный козырь. За предметы люди готовы отдавать жизни, совершенно не понимая, что ими лишь пользуются. Останься с нами, Александр. Хотя бы чтобы отомстить по-настоящему этим нелюдям.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ДВЕ ПОПЫТКИ

Утром люди Дюпона нашли ему новую квартиру — оставаться на одном месте было слишком опасно. Его искали по всему Парижу, даже часть полиции подкупили. Осторожно поддерживая раненого шефа под руки с обеих сторон, Александр и Мари усадили его в карету, подогнанную к самой двери, и задернули шторки.

— Может быть, тебе стоит покинуть город? — спросила Мари, заботливо поправляя повязки. — Клод, еще не все потеряно, но здесь мы проиграли.

— Не торопись, моя птичка! — скалился в злой улыбке Дюпон. — Александр, ты умеешь стрелять?

— Недурно, — соврал Остужев, надеясь на хорошие известия. — А почему вы спросили?

— Потому что, возможно, мы нашли Колиньи. Надо еще раз проверить, но если информация подтвердится — придется рискнуть. Ах, если бы я мог пойти!

— Может быть, я? — спросила Мари. — Уж я-то проберусь, он и не заметит ничего!

— Колиньи — заметит, — покачал головой Дюпон. — Он с самого начала мне не нравился. И какой-то предмет у него наверняка был и до льва. Подозреваю, это Колиньи — виновник того, что мои люди погибали один за другим. Хорошо еще, что он не вычислил ни тебя, ни Антона. Но все вы теперь под

подозрением. И ты, Остужев, тоже. Под большим подозрением, ведь твой шеф работал со мной. Кстати о Гаевском: с ним все в порядке?

— Да, если не считать того, что он злится. Целый день трудится на капризную Богарне, а это несладко.

— Лучше пусть пока останется там. Может быть, разузнает, что там за предмет и откуда он взялся. Кроме того, приглядит за Баррасом. Не хватало еще, чтобы тот решил, что мы ему уже не страшны. Тогда он продастся Западному клану, как только поймет, с кем имеет дело. — Дюпон вздохнул. — Я послал за помощью во все стороны. Скоро прибудут надежные люди из Австрии, Пруссии, Швейцарии. Но нужны-то они прямо сейчас, когда мы знаем, у кого предмет... И еще этот Бонапарт! Остужев, ты ведь понимаешь, что он тоже получил фигурку? Знать бы какую. Это, кстати, твоя задача.

— Как я могу узнать? — смущаясь Остужев. — Я не умею выведывать тайны.

— Я попробую, — сказала Мари. — Он-то не Колиньи, имеет смысл попытаться.

— Попытайся, моя милая воровка, — кивнул Дюпон. — Только очень осторожно, Бонапарт показал себя куда более серьезным человеком, чем мы думали. В целом же я не верю в успех. Видишь ли, в чем дело, Остужев: предмет быстро становится самым ценным, что есть у человека, частью его самого. И хранят люди свои предметы посерезнее, чем золото и бриллианты. Будь оно иначе, Мари давно натаскала бы мне целую кучу этих побрякушек. — Француз строго посмотрел на девушку. — Ничего не делай без моего разрешения, хорошо? Кто-то ведь дал ему предмет. Кто-то имеет на Бонапарта планы, и это, видимо, не западные арки.

— Колиньи видел Бонапарта, видел его глаза! — сообразил Остужев. — Выходит, генерал в опасности?

— Конечно. Но Колиньи не будет его трогать, пока не узнает, что у него за предмет. И уже установил слежку, как в свое время мы. Слежка показала, что каких-то явных способностей у Бонапарта нет, хотя... — Дюпон задумался. — Уж очень много он всего успевает. Тебя не удивляет это, Александр?

— Я потрясен его трудоспособностью! Я даже думал ночью, как вам предложить... — Остужев чуть замялся. — Такой человек был бы очень полезен.

— Ты плохо разбираешься в людях, мой друг. — Дюпон потрепал его по плечу. — Прости, но твой Бонапарт скорее встанет на сторону арков. Он слишком честолюбив, слишком рвется к вершине. Мы ему такого не предложим, а вот арки... Правда, они и обмануть могут легко, но внушать доверие они умеют.

Карета остановилась. Первой наружу выскользнула Мари. Через минуту она вернулась и сообщила, что все в порядке. Устроившись на новой квартире, еще более грязной и крохотной, чем предыдущая, они стали ждать новостей от ищеек Дюпона. Связь с ними держали исключительно через Мари, время от времени выбегавшую на улицу.

— Так почему вы спросили меня, хорошо ли я стреляю? — поинтересовался Остужев у француза, когда они в очередной раз остались одни.

— Потому что тем, кому я плачу, я никогда не доверяю, — объяснил Дюпон. — И тебе не советую. Если мы найдем Колиньи, то организуем нападение. В открытую штурмовать дом нельзя, поэтому все нужно сделать очень тихо и очень быстро. Такие люди у меня есть. Но именно в среде этих людей... А прямо скажем, среда у них примерно та же самая, что у воров и убийц. Там слухи распространяются быстро. И там знают, как дорого стоит голова Колиньи. В самый последний момент они могут решить или продаться ему, или схватить и просить

потом выкуп. Этого допустить нельзя. Поэтому, как только увидишь Колиньи — стреляй, и стреляй наверняка. В спину тоже, Александр! Не медли ни секунды, у него точно есть предмет, и сильный. Да еще лев! Я бы тебя оставил при себе, но придется отпустить.

Все сказанное вполне устроило Александра, кроме разве что предложения стрелять в спину, но спустя полчаса он начал нервничать. Он страстно хотел отомстить за Карла Ивановича, но каково это — убить человека? Остужев вырос среди помещиков, людей мирных и в основном не служивших. Были, правда, два отставника, любивших вспоминать свои походы. Однажды они из-за чего-то поссорились и даже состоялась дуэль. Вот только оба выстрелили в воздух, и совсем юный Александр подумал тогда, что случись ему оказаться на дуэли — поступил бы так же. Остужев расхаживал из угла в угол маленькой кухни, чтобы не мельтешить перед Дюпоном, и пытался представить, как всаживает пулю в Колиньи. От одной мысли об этом у него начинали трястись руки. Хороший же он стрелок!

— Нашли! — Мари вбежала в квартиру. — Подтверждение: это точно он! Дом на окраине, самый обычный. Соседи уверены, что родственник приехал. Болеет и поэтому не показывается. Но все его люди, кого мы знаем, — там. Буквально на каждом углу.

— Тогда надо действовать быстро, он, скорее всего, не останется там надолго. — Дюпон, кряхтя, сел. — Мари, общий сбор.

— Уже! — Она поправила ему одеяло. — Я уже послала весточку по эстафете. Так что идем, Александр, не забудь вооружиться. Пять человек, не считая меня, должно хватить.

— Люди проверенные, но служат за деньги! — напомнил Дюпон. — Постарайся не спускать с них глаз. Старший, зови

его Дровосек, составит план. Делай все, что он скажет, только вперед не лезь.

— Страшные парни! — Мари принесла несколько обескураженному такой поспешностью Остужеву шляпу. — Они войдут в дом, убивая направо и налево. Если боишься крови — просто не смотри. Их задача — найти Колиньи, и, если только не наткнутся на таких же головорезов, они до него доберутся. Но если что-то пойдет не так, то эти страшные парни исчезнут очень быстро! И тут уж ты, Александр, не отставай.

— Хватит его пугать! — мрачно сказал Дюпон. — Остужев, твоя цель — не только Колиньи. Предмет! Ищи на шее, не найдешь — на запястьях, потом обыщи карманы. Не уходи без льва! Скорее всего, есть что-то еще.

— Может, он уже передал льва кому-нибудь... — вздохнула Мари.

Остужев заметил, что девушка серьезно боится за него, и ему стало немного легче.

— Надеюсь, нет. В Париже у него доверенных людей, похоже, нет. В основном такие же наемники, как и у меня. Да и трудно с предметами расставаться. Все, ступайте. — Дюпон откинул голову на подушки и закрыл глаза. Уже покидая квартиру, они услышали его последние слова: — Остужев! Лучше вернись без льва, чем без Мари!

Уже в экипаже, катившемся по неизвестной Александру части Парижа, он спросил:

— Мари, а зачем ты туда идешь? Или... Тоже будешь участвовать в нападении?

— Нет, что ты! — Девушка побледнела. — Я не смогу выстрелить в человека, даже в Колиньи. Но я попробую что-нибудь разведать. Ну, и потом, в суете... Если ты не найдешь льва — может быть, я смогу. Клод не пустил бы меня, но все поставлено на карту. Лев слишком сильный предмет. Один из самых сильных.

Несколько раз экипаж останавливался, чтобы забрать новых пассажиров. Представлялись они своеобразно: Дровосек, Нож-Лови, Ладонь, Топор, Картишки. Остужев ограничился именем. Глядя на новых товарищей, он понял смысл выражения «лицо как у убийцы». Даже Мари старалась держаться от них подальше и прижалась к Александру.

— Вот первая часть платы, — она протянула Дровосеку прежде не замеченный Александром пакет. — Дальше — как договорились.

— Я слово держу, — мрачно произнес Дровосек, пересчитывая ассигнации. — Но другой на моем месте поднял бы цену. Этот Колиньи окружил себя неплохой охраной, мы там знаем кое-кого.

— Договориться можно? — тут же спросила Мари.

— Нет. Они тоже слово держат. Он взял лучших. После нас, конечно.

Они проехали мимо дома, где прятался Колиньи, и из-за шторки как могли рассмотрели вход. На ступенях у двери лениво покуривали трубки человек пять-шесть, все как один высокие и плечистые.

— Может быть, зайти со двора? — предложил Остужев.

— Нет! — Дровосек посмотрел на него с презрением. — Во дворе их еще больше. Войдем здесь, с шумом. Сперва через первый этаж к задней двери. Там Картишки и Ладонь останутся и не впустят подмогу. Ты, — он ткнул пальцем в Топора, — тут же вернешься к парадной двери. Если что — кричи громче, мы сюда не умирать пришли. Потом ты, Александр, проверишь подвал, а мы с Нож-Лови наверх.

— Но если Колиньи в подвале, то с ним много людей! — возразила Мари. — Он один не справится. И вообще, дайте-ка я выйду и попробую что-нибудь разнюхать.

Остужев тоже хотел покинуть карету, чтобы подышать воздухом, но Дровосек прихватил его за плечо.

— Ну-ка, мсье, лицом не свети! Лучше пистолеты проверь.
Мари вернулась через минуту.

— Не рассказывайте Дюпону, но... Окно у них не закрыто! — Она утерла платком пот со лба. — Колиньи на втором этаже, я слышала его голос. Куда-то собирается ехать, карета будет у черного хода.

— Тогда не медлим! — решительно сказал Дровосек. — Мари, проследи, чтобы экипаж нам подали вовремя.

Как по команде, все пятеро достали платки и повязали их под глаза, скрывая лица. У Александра платок был куда меньше, но Мари выручила его и тут.

— Не суйся вперед, — шепотом напомнила она, сама повязывая Александру платок. — Ты должен только проследить, чтобы все было сделано как надо.

Дровосек вздохнул, перекрестился — и события начали развиваться с пугающей стремительностью. Выбежав из-за кареты, налетчики за несколько шагов до курильщиков на лестнице выхватили пистолеты и дали нестройный, но весьма точный залп. Часть оружия тут же полетела на мостовую — нужны были свободные руки, чтобы достать другое, а заплатили им довольно. Миг — и Дровосек уже распахнул плечом дверь, тут же выстрелив в проем, а Топор выпалил в кого-то прямо через окно.

— Почисти тут! — крикнул Топору Лови-Нож и тоже прыгнул внутрь, туда, где все заволокло дымом, а стреляли из-за каждого угла.

Краем глаза Остужев успел заметить, как Топор выхватил тесак и шагнул к стонущим раненым на ступенях. Стارаясь не думать о них, Александр ворвался в дом с двумя пистолетами наготове и едва не споткнулся о труп. Пятерка наемников косила своих вчерашних собутыльников, как траву, ему и вмешиваться не пришлось. Заметив лестницу, Александр побежал

к ней, но и тут опоздал: первыми оказались Дровосек и Лови-Нож. Дверь наверху распахнулась, и выскоцил человек с мушкетом, тут же выпалив по нападающим. Он стрелял почти в упор, однако Дровосек успел пригнуться. Зато Лови-Нож погиб мгновенно, а его труп с развороченной головой сшиб вниз начавшего подниматься Остужева.

Почти сразу покатился по ступеням и стрелявший из мушкета, из живота у него торчал большой нож. Пытаясь встать и скользя в крови, Александр услышал новые выстрелы: это Картишки и Ладонь, как было условлено, не пускали в дом рвущуюся со двора подмогу. Еще один охранник появился из боковой двери, выстрелил в Остужева, но промахнулся, а через миг получил в горло кинжал, метко брошенный Топором.

Наконец Александр встал и побежал по лестнице вверх, но подняться ему было не суждено. Из двери выпал труп Дровосека, как именно он был убит, Остужев не разглядел. Следующим выскоцил здоровяк, размахивавший саблей, и Александр выстрелил в него, от неожиданности и страха — сразу с обеих рук. Здоровяк упал на спину, и тогда Остужев увидел Колиньи. Злобно скаля зубы, тот поднял пистолет.

Выстрела Александр не услышал, но видел, как дрогнул ствол оружия, посылая пулю. Выгнувшись, как кошка, он прыгнул назад, через секунду приземлился на ноги у основания лестницы, целый и невредимый. Что-то крича от ярости, Колиньи выхватил кинжал и кинулся на юношу. И снова каким-то чудом Остужеву удалось отразить атаку, отбив удар разряженными пистолетами. Топор увидел Колиньи и, бросив свой пост, напал на него с тесаком. Однако Колиньи потребовался лишь миг, чтобы невообразимо ловко поднырнуть под удар опытного убийцы и вспороть ему живот.

У черного хода что-то произошло, и с криком «Уходим!» появился Ладонь. Колиньи убил его, почти не повернув головы,

и снова атаковал Александра. И опять будто какая-то сила двигала Остужевым. Он защищался и наступал, перепрыгивал через столы и стулья, на ходу подбирал выроненное мертвецами оружие и использовал его, как опытный боец. Но в Колиньи он нашел равного соперника, и соперник этот был в ярости. И явно не только от того, что на него напали. Остужев же, напротив, чувствовал какую-то холодную отрешенность. В зале стали появляться охранники Колиньи, Александр легко зарубил саблей одного за другим троих, не прекращая поединка с главным врагом.

— Беги, Александр! Беги же! — немного отрезвил его крик Мари.

Остужев бросил взгляд на девушку, появившуюся в дверях. Ей было очень страшно, но она не могла не прийти. Заметил ее и Колиньи, который тут же, выкрикивая ругательства, кинулся к ней с тесаком. Только молниеносный прыжок Александра спас Мари жизнь. Он успел увидеть проезжающую по улице карету с открытой дверцей, кучер махнул ему рукой.

— Запрыгивай! — крикнул Остужев Мари, толкая ее на улицу, и в последний раз попытался достать саблей Колиньи.

Увы, враг снова ускользнул, подпрыгнув при этом едва ли не до потолка. Сбоку грохнул выстрел, Александру обожгло руку. Он захлопнул дверь и помчался за начинавшей набирать ход каретой. Сзади выстрелили еще дважды, но не попали, и Остужев благополучно впрыгнул внутрь. Кучер защелкал кнутом, закричал на лошадей, и они помчались прочь.

— Он сам дьявол! — повторяла Мари, нервно цепляясь за Александра. — Сам дьявол! Я всякое видела, но он же просто дьявол! Но ты?! Ты где так научился драться?

— Мы не сделали того, зачем пришли, — печально произнес Остужев, снимая с лица платок. Странно, он чувствовал лишь легкую усталость, а главное — никакого страха. — Ты знаешь, Мари, у Колиньи разноцветные глаза.

— Ну да, — теперь девушка стала часто кивать. — Ну да, да, я понимаю, да, предмет... Ой, тебе руку задело, я перевяжу!

Несколько минут спустя карета остановилась, и Александр с немного успокоившейся Мари быстро затерялись в переулках, чтобы потом окольным путем вернуться к Дюпону.

— Хорошая новость, Клод: мы сэкономили денег на оплате труда Дровосека, — сказала она, входя в комнату. — Ну и остальным тоже можно больше не платить.

— Неудача? — мрачно спросил Дюпон и обнял девушку. — Хотя бы ты цела. Что случилось?

Мари взахлеб поведала о произошедшем, особо подчеркнув не только удивительные умения Александра, но и то, что он спас ей жизнь. Дюпон вопросительно посмотрел на Остужева.

— Не знаю, что это... — задумчиво произнес Александр. — Я в детстве часто дрался с деревенскими мальчишками, но они меня били почти всегда. Я же барчук, драться не умею. А тут... Знаете, было уже нечто подобное — когда меня солдаты задержали. Я тогда каким-то образом ружье у солдата отобрал — и не понял как. Думал, сейчас мне живот проколет штыком, а потом — стою с его мушкетом.

— Угроза для жизни, — кивнул Дюпон. — Не зря тебя Карл к себе взял, чувствовал он что-то. Поздравляю, Александр, ты беспредметник. Да не пугайся ты так — беспредметников не так уж и мало. Вот только дар этот включается далеко не у всех. Для того, чтобы он пробудился, нужны исключительные обстоятельства, а жизнь у большинства людей слишком тиха, размеренна и безопасна. Дар Мари заработал во время кровавой вакханалии первых лет революции; дар Гаевского пробудился, когда зеленый мальчишка оказался на улице в чужой стране и вынужден был как-то выживать. Да что далеко ходить? Вот ты, например — вполне мог всю жизнь просидеть у папеньки в поместье, пить квас, или что вы там пьете, ругаться с ключницей, и так

и не узнать о своих способностях бойца. Кстати, теперь тебе нужно развить этот дар, чтобы уметь не только защищаться. В обычной жизни ты ничем не будешь отличаться от обывателя, твои умения включаются лишь тогда, когда твоей жизни угрожает опасность. Значит, при нападении тебе придется переламывать себя, и самому — самому! — лезть в драку. Сможешь?

— Смогу! — неожиданно уверенно ответил Остужев. — Ради Карла Ивановича смогу.

— Ну и слава богу, хоть какая-то приятая новость. А в остальном дела наши плохи. Мари, тебе нельзя больше выходить на улицу.

— Я переоденусь, я умею, — беспечно отмахнулась она. — Не как Гаевский, конечно, но умею. Кстати, надо проведать Антона — вдруг у него есть новости?

— Новости Антона сейчас не самое главное. — Дюпон был очень расстроен. — Хотя... Сходи к нему, только будь очень осторожна. Не показывайся в доме.

— Это я умею! — Мари неожиданно поцеловала Александра в щеку и ушла переодеваться.

— Что теперь делать? — спросил Остужев.

— Попробуй подумать, — предложил Дюпон. — Ситуация тебе ясна. Сколько человек потерял Колиньи?

— Не знаю... — Александр попробовал припомнить. — Два десятка точно. Наверное, больше, я всего не видел. Но я думаю, у него хватит денег нанять еще.

— Дело не в количестве. Это были лучшие. И хотя люди Дровосека использовали момент неожиданности, Колиньи их бы не испугался — ведь у него есть некий предмет для боя. Подозреваю, это леопард. Такой противник почти непобедим. Но ты — другое дело. Тебя он теперь боится. Люди, окружающие его, продажны, а значит, в безопасности он себя будет чувствовать, только если хорошо спрячется.

— Он дружен с графиней Бочетти, — вспомнил Александр, сразу помрачнев. — Ну и еще с Жозефиной Богарне, как мне показалось.

— А может быть... — Дюпон задумчиво посмотрел на Остужева. — Бочетти, насколько я знаю, итальянская авантюристка. Вряд ли он ставит ее в известность о своих планах и уж точно не доверил бы ей жизнь. Богарне он тоже жизнь не доверит, но она глупа и легко поддается давлению. Кроме того, вечером к ней в дом придет Баррас. Там будет такая охрана... Понимаю, что ты устал, Александр, но сходи туда вместе с Мари. Если вдруг удастся оказаться рядом... Просто стреляй и беги, а предметы потом добудет Мари.

Девушка переоделась до почти полной неузнаваемости, даже черный парик нацепила. Правда, Дюпон поморщился — ему маскировка казалась все же недостаточной. Тем не менее останавливать Мари он не стал, только попросил быть как можно осторожнее. По пути Остужев рассказал ей о предположении Дюпона. Она нахмурилась.

— Я давно говорила Клоду: с Баррасом надо быть немногоОткровеннее. А он считает, что жуликам верить нельзя ни на грош.

— При чем тут Баррас? — не понял Александр.

— При том, что Колиньи с некоторых пор стал дружен с Жозефиной Богарне. И, боюсь, имеет на нее влияние. Зачем она ему, если не затем, чтобы подобраться к Баррасу? — Мари от раздражения шла все быстрее и быстрее. — Я не могла находиться в доме постоянно и, вероятно, многого не знаю. Известно только, что Баррас пока не находится под влиянием Колиньи. Но теперь, когда он почти переиграл нас, он может попытаться подчинить Барраса себе.

— А это для него еще один повод пойти к Богарне! — обрадовался Остужев. После первого боя в нем проснулась уверенность,

все страхи и сомнения оставили Александра, и он снова жаждал мести. — Хорошо бы он оказался там!

— Не сходи с ума! — строго сказала Мари. — Нападение на дом было спланировано, с тобой шли профессиональные налетчики, лучшие из лучших. И то тебя запросто могли подстрелить. А дом Богарне охраняется как Конвент, когда туда приезжает Баррас. Не забывай, какой это высокопоставленный человек.

— Я никого не боюсь! — упрямо повторил Остужев. — Я отомщу за Карла Ивановича, добраться бы только до мерзавца Колиньи.

Мари лишь невесело вздохнула. Дальнейший путь до знакомого сада позади дома Богарне они проделали молча. Выйдя из-за деревьев, Остужев сразу увидел караулящих черный вход вооруженных лакеев и немного остыл. Каким бы прекрасным бойцом он ни умел становиться, а от пули каждый раз не увернешься. Лучше всего это подтверждала его ноющая рука.

— Да не торчи ты на дороге! — проворчала Мари. — Спрячься в кусты. Я схожу в дом, позову Веронику, как подругу.

— Нет! — Остужев схватил ее за руку. — Ты с ума сошла! А если Колиньи уже там? Он знает, кто ты такая.

— Да не убьет же он девушку посреди бела дня, на глазах у всех! — Мари вырвалась. — А в дом я не зайду. Пожалуйста, просто подожди меня здесь. Вот если появится Колиньи... Хотя не нравится мне идея Клода оставить тебя в засаде одного. Если он пройдет здесь — надеюсь, ты не устроишь дуэль, а просто пристрелишь его? Иногда так надо поступать.

Наблюдая за удаляющейся Мари, Остужев опустился на землю и положил перед собой пистолеты. Он не был уверен, что сможет застрелить Колиньи, даже не окликнув его. Но в то же время он понимал, что это стало бы самым правильным

решением. Мари приблизилась к караулу, что-то сказала им и была пропущена к двери, но внутрь не вошла. Вскоре Александр увидел и Гаевского, в очередной раз поразившись его способности к перевоплощению. Две «подружки» отошли в сторону и начали о чем-то беседовать.

В эту секунду Остужев услышал какой-то звук слева и сзади от себя. Он резко обернулся и увидел шагах в двадцати усатого мужчину с пистолетом в руке. Не задумываясь ни на секунду, Александр схватил свое оружие и выстрелил в тот самый момент, когда усач прицелился. Пуля попала в цель, но тут же послышались чьи-то голоса, совсем рядом. Остужев вскочил и сразу увидел Колиньи. В сопровождении четверых телохранителей он решил тихонько подкрасться к дому Богарне кустами.

— Умри! — крикнул Остужев, поднимая второй пистолет.

Увы, на этот раз Александру не повезло — пуля попала противнику в ногу. Выругавшись, Остужев пригнулся — теперь ему предстояло сперва справиться с охраной, а уж потом заняться раненым Колиньи. Впрочем, в победе он не сомневался.

— Убейте его! — услышал он голос своего врага. — Все, все идите и убейте его!

Загрохотали выстрелы, с кустов посыпалась листва. Остужев упал на землю и откатился в сторону, а потом с кинжалом в руке первым напал на бойцов Колиньи, не дав им перезарядить оружие. Бой занял больше времени, чем думал Александр, — телохранители привыкли действовать слаженно и нападали на него одновременно с нескольких сторон. И все же проснувшиеся в нем удивительные способности сделали свое дело, и не более чем через три минуты Остужев был готов схватиться с главным врагом, который в бою отчего-то участия не принял. Он огляделся и увидел, как Колиньи, хромая, бежит к дому.

— Здесь грабители! — кричал он на ходу. — Я Колиньи, я друг Барраса! Здесь грабители, они меня убьют!

Остужев ринулся вдогонку. Но как только он показался на виду, караул открыл по нему огонь. Проклиная свой промах, Александр вернулся в кусты — прорваться к дому у него не было никаких шансов. Колиньи благополучно добрался до караульных, которые подняли его на руки и внесли в дом. Мари и Гаевскому ничего не оставалось, как смотреть на это, стоя в стороне.

— Ну отчего мерзавцу так везет! — чуть не плача, простонал Остужев и принял вновь заряжать пистолеты. — Какой был шанс покончить сразу со всем!

Теперь ему ничего другого не оставалось, как лежать в кустах и ждать Мари. Она появилась, лишь когда начали сгущаться сумерки, и не одна, а с Гаевским в костюме Вероники.

— Эй! — шепотом позвала Мари. — Александр, скажи мне, что ты жив!

— Жив и даже невредим, — мрачно отозвался Остужев. — Добрый вечер, Антон.

— Добрый вечер, — ответил Гаевский своим обычным голосом и протянул ему сверток. — Если жив, то это тебе. Украдено с кухни мадам Богарне, все еще горячее. Мари уже поела.

— Я не могла уйти раньше, лакеи уговаривали меня остаться, — оправдывалась Мари. — После шума, который ты устроил, им просто страшно было отпускать девушку. Убийцы, грабители...

— Он серьезно ранен? — спросил Александр, взяв куриную ножку. — Может, кровью истечет?

— Болезненно, но несерьезно, — вздохнула она. — Кстати, вы с Дюпоном зря волновались — он меня не узнал. Да и раньше на меня внимания не обращал никакого.

Гаевский между тем немного прошелся и вернулся к ним, поигрывая парой пистолетов.

— Четыре трупа, — пояснил он для Мари. — Неплохая работа. Давай меняться, Александр? Я буду драться, а ты ходить в платье, убираться и готовить.

Остужев тщательно прожевал пищу, проглотил и только тогда сказал то, что пришло ему в голову:

— Скоро стемнеет. Ты сможешь открыть какое-нибудь окно или вроде того. Мари вообще специалистка по таким вещам. Я должен попасть в дом и исправить свою ошибку.

— С ума сошел? — Мари посмотрела на Гаевского в ожидании поддержки, но юноша лишь пожал плечами. — Нет, Александр! Без разрешения Дюпона — нет! Сейчас я пойду к нему, и ты со мной, мы все расскажем и посоветуемся.

— Мари, я старше и тебя, и Антона, — упрямко покачал головой Остужев. — Ты иди, если хочешь, а я останусь здесь и ночью попытаю счастья еще раз.

— Как знаешь, — задумчиво сказал Гаевский. — Шансы, конечно, есть. Но Колинны тоже будет начеку. Кстати, он сказал, что не рассмотрел, кто в него стрелял. И скорее всего, это правда — иначе тебя бы уже разыскивала полиция.

Мари, поняв, что Остужева не отговорить, поднялась с травы.

— Попрошу тебя только об одном: не предпринимай ничего, пока я не вернусь.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ТРЕТЬЯ СТОРОНА

В отсутствие Мари, обещавшей вернуться не позже, чем через час, Остужев и Гаевский, перейдя на русский язык, обсуждали возможные планы нападения на Колиньи. Гаевский и сам был готов стрелять, не думая о последствиях.

— Что, если так: я спрячу пистолет в переднике, войду к нему и размозжу голову. А ты будешь прикрывать меня во время бегства, — предложил он. — Ты же воин! План простой и надежный.

— Послушай, Антон, не обижайся, но я не могу вот так тебя подставлять под пули, — сказал Александр. — К тому же ты секретный агент Дюпона, тебе нельзя выдавать себя. Я дважды упустил шанс, я должен попробовать и на этот раз.

— Тебе нельзя выдавать себя! — голосом Остужева перебразнил Антон. — Думаешь, мне тут весело живется? Собираюсь крепко поговорить с Дюпоном на эту тему. Надоело играть девчонок.

Наконец вернулась Мари. Девушка выглядела запыхавшейся и обеспокоенной еще больше.

— Что-то случилось? — спросил Гаевский.

— Да пока ничего, — вздохнула она. — Тут живет недалеко один человек. Он не из наших, но обязан Дюпону жизнью всей семьи, тот помог ему во время террора. Попросила передать

Клоду записку. И теперь боюсь, что он встанет и приедет сюда сам. А ему надо еще неделю лежать!

— Мы решили, что я открою окно в своей комнате, — перешел к делу Антон. — Она на третьем этаже, но я свяжу веревку из простыней. Прямо как настоящая служанка, к которой по ночам кучер лазает... В общем, если Александру повезет и я сплету веревку крепкую, в дом он попадет. Но до дома как-то надо его довести — внизу естьочные караульные. Они спят на постах, но еще слишком рано.

— А внутри что будете делать? — мрачно спросила Мари, которой все это очень не нравилось. — И как собираетесь бежать, если что-то случится?

— Сначала надо понять, какая обстановка в доме, — сказал Остужев. — Где находится спальня Колиньи, где Баррас, где часовые... Антон, ты сможешь это все узнать?

— Конечно. Главное, чтобы часовые перестали меня щипать, когда я мимо прохожу, — с тоской сказал Гаевский. — Ну все? Если решено, то я пойду. Буду готов — трижды мигну свечой. Окно ты знаешь, Мари. Отвернись, я пару пистолетов под юбку спрячу.

— Смотри, чтобы не выстрелили, когда часовые пощупают! — фыркнула девушка, отворачиваясь. — Александр, я прошу тебя: будь осмотрительнее! Не надо стрельбы. Если нельзя сделать тихо, лучше отступись. Ты отвечаешь еще и за жизнь этого мальчишки, помни.

Гаевский показал ей язык, подмигнул Александру и отправился к дому. Уже совсем стемнело, и караульные окликнули его. Звонким девичьим голосом, слышным в ночной тиши даже на таком расстоянии, Гаевский весело сообщил им, что тетя заболела и служанка решила заночевать в хозяйственном доме.

— Я написала Дюпону, чтобы он приспал ответ сюда, в сад. Попсыльный доберется нескоро, а значит, я буду сидеть тут и ждать,

что вас там, возможно, обоих пристрелят, — вздохнула Мари. — Нет, Остужев, ты поступаешь неправильно. Дюпон запросил помохи, очень скоро мы станем куда сильнее и тогда доберемся до Колиньи.

— К тому времени он может исчезнуть вместе со львом. Я решился, Мари, не отговаривай.

Время тянулось медленно. Обитатели дома Богарне и их гости, кажется, угомонились и легли спать. Наконец в одном из окон появился огонек, который трижды мигнул. Мари молча встала и потянула Остужева за собой. Девушка ко всему прочему и в темноте видела, как кошка. Аккуратно обойдя посты, а кое-где заставляя Александра пригнуться, она подвела его к стене дома точно под мигнувшим окном.

— Надеюсь, у тебя хватит сил не только подняться, но и сделать это тихо, — чуть слышно сказала она. — Удачи, и будь благоразумен.

Сверху Антон аккуратно спустил свою свежесплетенную из разорванных простыней веревку. Подергав для проверки, Остужев решил, что все должно получиться. Подтягиваться на руках оказалось очень тяжело, будто и не он сегодня дважды дрался с множеством противников и совершенно не устал. Наконец его схватила за плечо рука Антона, и мгновение спустя Саша оказался в комнате.

— Втяни веревку, — шепотом сказал Александр. — Если будем уходить тихо, то снова выбросить недолго.

— Подожди, пока Мари заберется, — усмехнулся Гаевский. — Разве что ей помочь? Но она лазает по канатам, как матрос.

— Мари осталась в саду, ждать ответа от Дюпона.

— Да ну! — не поверил Антон и выглянул в окно. — Может, хотела остаться? Но не осталась, вот она, принимай.

Действительно, секунду спустя голова Мари показалась над подоконником. Выглядела девушка чрезвычайно рассерженной.

— Не могу вас одних оставить, — прошипела она. — Вот и все. Антон, где Колиньи?

— Да, теперь о самом интересном, — начал Гаевский, втягивая веревку. — Все очень плохо. Колиньи разместили в одной из лучших спален на втором этаже. Но он не спит, он попросил Барраса зайти к нему для какого-то важного разговора. Только что он пришел к Колиньи. Мне кажется, лучше нам дождаться, пока Баррас покинет его.

— Пойду послушаю! — решительно сказала Мари. — Ждите здесь.

Она выскользнула из комнаты и бесшумно сбежала вниз по знакомой лестнице. Рядом с отведенной для раненого спальней находилась небольшая кладовка. Мари вошла в нее, нашупала среди утвари чашку, которую не раз использовала, и прижала ее к стене. Слух, как и зрение, у нее был чрезвычайно острый.

Баррас сидел в кресле возле постели Колиньи. «Коммерсант», полностью одетый, если не считать обрезанной брючины на раненой ноге, лежал поверх одеяла и одну руку держал под подушкой.

— Благодарю вас за тепло, с которым вы меня приняли и защищали, — сказал Колиньи, опасливо поглядывая то на дверь, то на окно. — Какой все-таки ужас: засветло, на глазах у прохожих, целая шайка напала на мою карету. Куда катится Париж? Надо навести порядок, мсье Баррас, вы обязаны это сделать!

— Вы меня за этим сюда позвали? — Баррас, сложив руки на груди, с долей презрения разглядывал гостя. — За тепло и заботу скажите спасибо Жозефине, эта прекрасная женщина вас пожалела.

— Прекрасная женщина?.. — задумчиво протянул Колиньи и усмехнулся. — Да, она прекрасна. Но нет, я просил вас прийти не за этим. Скажите, Баррас, зачем вы водите дружбу с таким человеком, как Дюпон? Что вам вообще о нем известно?

При упоминании имени Дюпона Баррас резко выпрямился в кресле и насторожился.

— А вы что-то о нем знаете?

— Что-то знаю, — кивнул Колиньи. — Но не время о нем много говорить. Время много говорить о вас, о вашей судьбе. Баррас, вы любите деньги. Вам платит Дюпон? Я буду платить больше. Вы боитесь Дюпона? Я страшнее. Вы ведь чувствуете это прямо сейчас: я страшнее, много страшнее вашего Дюпона. И еще я могу вас от него защитить.

Баррас не понимал, что происходит. Этот малоприятный тип действовал на него просто магически. И вправду, Баррас уже не понимал, почему раньше боялся Дюпона и тех сил, что стояли за ним. Всесильный глава Директории не знал, что у Колиньи было много талантов, но умением убеждать, запугивая, он владел едва ли не лучше всего. Сейчас же, когда «тихий коммерсант» уже практически выиграл многолетнюю битву, азарт победы придавал ему новые силы, и сопротивляться напору Колиньи не смогли бы и куда более сильные, чем Баррас, люди.

— Баррас! — позвал Колиньи. — Ну, ответьте мне: вы согласны раздавить этого Дюпона как вшу, если я вам помогу и защищу?

— Да, — тихо сказал Баррас, в то время как ему хотелось кричать: «Да, тысячу раз да, я раздавлю всех! Если ты со мной, я никого не боюсь!» — Да, я хотел бы наказать Дюпона за то презрение, с которым он ко мне относился.

— Будем считать, что мы договорились. Завтра утром полиция и армия должна начать поиск этого проходимца, — распорядился Колиньи. — Я загнал его в угол, но в Париже слишком много углов. А когда его найдут, просто предоставьте его мне. И больше вы никогда не услышите о Клоде Дюпоне. Кстати, у вас тут все бродила такая девочка рыжая, некая родственница вашей жены, что ли. Она тоже мне нужна.

— Да, хорошо. Я ее даже и не знаю почти, кажется, зовут Мари. Это все?

— Нет, совсем не все! — рассмеялся Колинни. — Это могло бы быть «пока» все, если бы не две детали. Во-первых, выставьте на ночь караул у моей двери.

— Как прикажете, — воля Барраса была совершенно покорена этим человеком, от которого просто исходили отвага и решимость. Ему хотелось получать приказы от него.

— А завтра мы поговорим подробнее, и вы поймете, что силы, которые запугивали вас уже долгое время, совсем не так страшны. Кроме того, они собирались вовсе превратить вас в ручную обезьянку, Баррас. Да-да, хотели сделать из вас марионетку. Вы видели новую игрушку вашей Жозефины, этакий кулон в виде кролика?

— Да, видел и, признаться, был очень удивлен, что она захотела носить на себе нечто не из золота. — Глаза Барраса потеплели при упоминании Богарне. — Но она искренне любит меня, она очень честная и порядочная женщина!

— Кролик, — повторил Колинни и перестал улыбаться. — Вы ведь именно в последнее время вдруг воспылали любовью к женщине, которая вам давно наскучила. Разве не так, Баррас? Все дело в кролике, которого ее заставили носить ваши и мои враги. Вот как они уважали вас. Только не показывайте виду — просто как-нибудь снимите с нее этого кролика, как бы она ни просила оставить его. А потом, когда кулон не будет ее касаться, проверьте свои чувства — точно ли вы любите Жозефину так сильно?

— Благодарю вас. — Баррас помрачнел. — Так вот, значит, как. Хорошо, я ничего ей не скажу.

— Ну что ж, тогда будем считать наш первый разговор законченным. Остальное — завтра. И не забудьте о карауле, это очень важно.

Баррас пожелал Колиньи спокойной ночи и вышел из спальни, распорядился выставить часовых у двери и отправился в кабинет. Нужно было подготовить на завтра распоряжения по поиску Дюпона, а потом пойти к Жозефине и... Он не успел подумать про это «и», как перед ним оказалась Мари.

— Мсье Баррас, мне необходимо поговорить с вами прямо сейчас, — очень серьезно сказала она. — Уделите мне хоть несколько минут, иначе потом пожалеете. Я хочу уберечь вас от страшной ошибки.

Услышав про караул и поняв, что покушение на Колиньи сорвалось, Мари не удержалась и решила поговорить с Баррасом. Этот человек чем-то очаровывал ее, был дорог ей.

— Присаживайся, — жестом пригласил Мари Баррас. — Не знаю, как ты смогла так неслышно войти... Что ты хочешь мне сказать?

— Не верьте Колиньи. Ни единому слову. Он управляет вами, понимаете? Ну, как кролик управляет вашим отношением к Жозефине.

«Она все слышала! — с ужасом подумал Баррас. — Не зря Колиньи приказал и ее найти. Чертовка почти жила в доме и шпионила за мной все это время!»

— Опять кролик. Я начинаю чувствовать себя удавом. Чем же он так страшен? — спросил Баррас, добродушно улыбаясь.

— Этого я вам не могу сказать. Может быть, когда-нибудь, если мсье Дюпон разрешит... — Мари вздохнула. — Прошу вас, мсье Баррас, не верьте Колиньи, верьте Дюпону. Дюпон — хороший человек и не причинит вам вреда.

— Ясно. — Баррас встал и прошелся вокруг стола. — А где сейчас Дюпон?

«Кролика Жозефине тоже наверняка дала она, — думал он. — И вообще много знает. Надо с ней хорошенько поговорить еще до того, как отдать Колиньи. Пусть он пока отдыхает».

— Я не знаю, где сейчас мсье Дюпон. — Она попыталась встать, но Баррас схватил ее за плечи и удержал в кресле. — Что вы делаете?

— Ты хотела со мной поговорить? Теперь я хочу с тобой поговорить. Как давно ты шпионишь для Дюпона, что ты узнала и многое другое. — Баррас прижал ее сильнее. — И ты мне все расскажешь. Даже если мне придется самому ломать тебе пальчики.

Мари попыталась вырваться, но было слишком поздно. Баррас скрутил ей руки шнуром от портьеры и сдавил горло.

— Ты ведь понимаешь, что кричать не в твоих интересах? Может, я тебя еще отпушу, когда все расскажешь. А крикнешь — арестую и отдам под суд по таким обвинениям, по которым революционный трибунал выносит только смертные приговоры.

Он бросил девушку обратно в кресло, а сам шагнул к двери, чтобы закрыть ее на ключ. Однако прежде, чем он успел это сделать, дверь распахнулась и вошла служанка Жозефины Вероника. Она целилась в Барраса из пистолета.

— Отойдите вон в тот угол, пожалуйста, — приказала Вероника хриплым мужским голосом. — И держите руки на виду.

Приблизившись к Мари, Гаевский свободной рукой освободил запястья девушки.

— Повезло тебе, — прошептал он. — Ты куда-то пропала, я пошел искать, а у двери в кабинет Барраса внизу широкая щель. Я всегда так подслушиваю.

— Тогда зачем ты позволил ему меня связать? — Расстроенная, униженная Мари разминала запястья и не хотела даже смотреть в сторону Барраса.

— Затем, чтобы ты перестала наконец говорить о нем как о достойном человеке, — усмехнулся Антон. — А знаешь, все к лучшему. Когда я увидел караул, то решил, что ничего

не получится. Но раз так вышло... Мсье Баррас, прикажите снять караул у спальни Колиньи, или я прострелю вам голову. Хотя простите, не так: я с удовольствием прострелю вам голову!

Баррас, как и все порочные натуры, любил жизнь. И даже пияет, который он испытывал перед Колиньи, еще не был достаточно силен, чтобы Баррас решился рискнуть ради него. Покусывая губы и представляя, что он сделает с обоими или обеими, когда поймает, он пошел к двери.

— Просто высуньте голову и позовите офицера, — уточнял задачу Антон, тыча пистолетом Баррасу между лопаток. — Офицера в кабинет не пускайте. Просто прикажите тихо разойтись. Можете еще сказать, что хотели арестовать Колиньи утром, но убедились в своей ошибке и теперь не хотите, чтобы он догадался. Пусть на цыпочках уйдут.

Баррас сделал все, что приказано, не пытаясь спорить — он и правда был очень разумным человеком. После этого уже его связали шнуром от портьеры, а рот ему Гаевский заткнул собственным передником.

— Ну вот, — довольно сказал он, — теперь я больше не буду служанкой мадам Богарне. И это уже праздник. Я бы еще с удовольствием пристрелил Колиньи, но, боюсь, дело слишком важное. Позови Остужева. Саша там, наверное, извелся весь.

Мари кивнула и вышла из кабинета. Сначала она пыталась оправдать поведение Барраса воздействием льва, но вспомнила, что тот не работает. Оставалось признать неприятную правду — Баррас ей нравился. Но он оказался трусом и слизняком, случайно вынесенным на вершину волнной революции. Мари было обидно и стыдно.

— Александр? — Она заглянула в комнату Вероники-Гаевского. — Путь свободен. Только постарайся все сделать тихо. Если он спит — ради бога, не буди! Это не подлость. Это убийство зверя.

— Не знаю, способен ли я на такое, — вздохнул Остужев и проверил пистолеты. — Где Антон? Мне было бы куда спокойнее, если бы вы теперь ушли из дома. Дальше действовать буду я.

— Уйдем вместе. А Антон сейчас держит под пистолетом Барраса, и, возможно, для бегства нам этот тип пригодится.

Покачав головой, несколько удивленный Остужев спустился по лестнице вслед за Мари. Они на цыпочках прошли по коридору и остановились у нужной двери. Высунувшись из кабинета Барраса, Антон с улыбкой помахал им пистолетом.

— С Богом! — прошептал Александр и попытался открыть дверь, оказавшуюся запертой.

— Не старайся! — раздался изнутри тихий голос Колиньи. — Ты пришел убить меня?

— Именно так, — хриплым от волнения голосом ответил Александр. — И я тебя убью.

Он попробовал плечом выбить дверь, но она оказалась прочной. Мари оттолкнула его в сторону, опасаясь пистолетного выстрела сквозь дерево. Чтобы ворваться в комнату, требовалось что-то тяжелое, пригодное для тарана. Александр оглядывался и слушал тихий голос врага.

— Если зашумишь, прибежит караул. В лучшем случае унесешь ноги. А дверь ты не высадишь, я забаррикадировал ее. Уходи. Встретимся в другой раз.

— Он тоже не хочет лишнего шума! — прошептала Мари. — Эй, послушай! А что, если мы расскажем Баррасу про льва и не только про него? Он захочет это получить — и имеет все возможности. Он хозяин Франции!

— Тогда вам не достанется лев, — протянул Колиньи. — Ты та девочка, Мари, которая тоже собиралась меня убивать? О, с тобой мы также еще встретимся. А сегодня уходите, у вас ничего не вышло.

На лестнице раздались чьи-то быстрые шаги. Остужев и Мари спрятались за углом, Гаевский закрылся в кабинете. Именно туда и постучал сонный лакей. Спустя минуту ему открыл сердитый Баррас.

— Прошу прощения, мсье, но вы приказывали в любое время докладывать вам о прибытии мсье Дюпона. Он у дверей.

— Один? — спросил Баррас и качнулся, когда Антон слегка пихнул его пистолетом в спину. — Впусти, и пусть поднимается сюда. Один, провожать не надо.

Лакей ушел. Мари, ломая руки, спустилась, и через минуту наверху появился поддерживаемый ею Дюпон. Он был страшно бледен и шел по коридору, держась за стену. Узнав обо всем произошедшем, он захотел сам поговорить с Колиньи.

— Я не позволю тебе поставить льва на службу Западному клану, — сказал Дюпон через дверь. — Париж уже обложен, помощь идет отовсюду. Ставки слишком высоки, я лучше пойду на открытую войну. У нас есть кое-какие предметы, как ты знаешь, и все они ударят в первую очередь по тебе. Бесполезно тянуть, Колиньи.

— Утро вечера мудренее, — мягко отозвался враг. — Может быть, ко мне тоже спешит помочь? А открытая война — глупость. Это только все испортит. Нам придется очень трудно, но вас-то вообще уничтожат собственные правительства.

— Ну, если ты не хочешь слушать голос разума, я прикажу своим людям ворваться в дом и начнем штурм. У меня хватит сабель продержаться достаточно долго, чтобы разломать хоть десять таких баррикад, как твоя. Или постой! Я могу поручить это Баррасу. Он получит предмет, но, учитывая мое на него влияние... Да, пусть получит!

Дюпон, конечно же, блефовал. Баррас с фигуркой льва очень быстро вышел бы из-под его контроля и не боялся бы никакого компрометирующего материала.

— Есть еще вариант, — нехотя сказал Колиньи. — Давай ни тебе, ни мне. И только если ты гарантируешь мне жизнь.

— Что значит «ни тебе, ни мне»? Ты кому-то хочешь отдать льва? — В голосе Дюпона звучало удивление. — Послушай, ты дураком меня считаешь?

— Нет, это ты меня послушай. Разойдемся миром, а льва я отдам генералу Бонапарту. Во-первых, мы оба следили за ним, оба все о нем знаем, и оба понимаем, что он не является агентом Запада, так же как не является агентом Сопротивления.

— Допустим, — Дюпон пожал плечами.

— Во-вторых, как ты знаешь, предметы, отнятые силой, не всегда «включаются» у нового владельца. В таком случае Бонапарт окажется лишь глупым клоуном, который заполнит паузу в представлении, пока униформисты переставляют декорации. А пауза — не будем лукавить — необходима и мне, и тебе.

— Продолжай.

— В-третьих, он достаточно силен. Он выдержит любое нападение, все войска в Париже уже в его руках, а не Барраса. И последнее, какой-то слабый предмет у него уже есть, и глаза генерала не поменяют цвет. Лишние люди, для которых все это лучше оставить втайне, не поймут, куда делся лев.

Отойдя на несколько шагов, Дюпон прислонился к стене и задумался. Мари жестом подозвала Александра.

— Это для нас вариант! Он тебя не видел и в саду точно не узнал! Теперь молчи, не разговаривай с ним, чтобы не догадался и по голосу. Ты друг Бонапарта, и мы сможем вернуть льва.

— Со временем, возможно, — вздохнул Дюпон. — Надеюсь на это.

— Лучше захватить дом, как вы предлагали! — горячо прошептал Остужев. — Он не может вот так просто отделаться!

— Как захватить дом? — усмехнулся шеф. — Ты же не думаешь, что я привел пару сотен головорезов? Я приехал один. Боюсь, разумнее принять его предложение.

Он вернулся к двери и продолжил разговор:

— Как ты предлагаешь это сделать?

— Ты имеешь влияние на Барраса. Пусть он вызовет генерала для срочного дела. Такое бывает. Бонапарт не глуп и к Баррасу относится с большим подозрением. Не сомневаюсь, что он явится не один, а с ротой солдат.

— Согласен, — кивнул Дюпон.

— Вот и все. Я впущу его, передам льва, которого он тебе покажет, и кое-что расскажу. Немногое, сам понимаешь.

— Я должен присутствовать при разговоре, — жестко сказал Дюпон. — Даже не делай попыток его завербовать.

— За несколько минут? — в голосе Колиньи послышалась насмешка. — Хорошо, я согласен. А поборемся за генерала мы потом. И еще: мне нужно твое слово, гарантирующее, что я уйду из этого дома живым.

— Даю слово, — немного помедлив, согласился Дюпон. — Жди, сейчас Баррас напишет записку. И не пытайся сбежать: внизу мои стрелки.

Остужеву оставалось только в бессилии сжимать и разжимать кулаки. Он понимал, что переубедить Дюпона не удастся, лев слишком важная фигура. Договор заключен, и Колиньи переживет эту ночь.

— Спрячься, ты не должен попасться на глаза ни Колиньи, ни Бонапарту, — распорядился Дюпон и прошел в кабинет Барраса.

Первый человек во Франции смотрел на него, как нашкодивший школьник.

— Мсье Дюпон, если бы я знал, что этот каналья вам нужен, я бы непременно...

— Помолчи... — Дюпон сел в его кресло и потер виски. — Вызывай сюда генерала Бонапарта, немедленно. А как явится, пусть идет сюда вместе с конвоем. Пусть заводит в дом солдат, сколько захочет, чтобы он чувствовал себя, как дома. Или как в казарме, наверное, надо сказать. Вопросов лишних не задавай. Тебе лучше не знать, что здесь произойдет.

Приблизительно через полтора часа Бонапарт прибыл. Как и предсказывал Колиньи, с собой он привел роту конных гвардейцев, которые сразу взяли под контроль стратегически важные точки двора и дома, оттеснив в сторону охрану Барраса. Оказавшись в кабинете, генерал поклонился Баррасу, Дюпону, потом вопросительно посмотрел на хозяина.

— А господин Баррас сейчас уйдет, — сказал Дюпон. — У меня разговор к вам, мсье, и это будет один из самых важных разговоров в вашей жизни.

Бонапарт повел бровями, но не возразил. Баррас, униженно втянув голову в плечи, оставил их одних.

— Надеюсь, это не слишком длинный разговор? — спросил Бонапарт. — Мне до заседания Конвента надо еще переделать кучу дел.

— Ночью? — удивился Дюпон. — Впрочем, меня это не касается. Как вы знаете, однажды к вам в руки попал некий предмет. Фигурка из серебристого металла. Кстати, что это была за фигурка?

Прежде чем ответить, Бонапарт с полминуты размышлял.

— Я понимаю, о чем вы говорите. Но рассказывать о чем-либо вам не собираюсь.

— Она и сейчас с вами, эта фигурка, — задумчиво сказал Дюпон, глядя в глаза генерала.

— Надеюсь, у вас хватит ума не пытаться ее отнять? — с вызовом спросил Бонапарт. — Конвой за дверью, и я готов арестовать вас в любой момент.

— Нет, — улыбнулся Дюпон. — Я хочу не забрать, а дать вам кое-что. Правда, вещица не у меня, она пока у другого человека. Мы сейчас пройдем к нему в спальню — он ранен — и поговорим втроем. Вы ведь не откажетесь от еще одного предмета?

— А что, если он принесет мне вред? — резко спросил Бонапарт. — Меня пугает ваша щедрость, мсье! И я начинаю думать, что мне проще арестовать и вас, и этого раненого человека, чтобы потом как следует допросить!

— Давайте пока просто поговорим, Бонапарт, — доверительным тоном произнес Дюпон. — Арестовать нас вы всегда успеете. Идемте. Я хотел еще сказать вам, чтобы вы не спешили никому верить... Но вижу, это будет лишним. Идемте, и вы все поймете.

Бонапарт нехотя согласился. Колиньи открыл дверь сразу, так как разобрал свою баррикаду заранее. Генерал кивнул офицеру, и несколько солдат ворвались в комнату, чтобы изъять все оружие. Только после этого Бонапарт вошел туда. Они разговаривали за закрытой дверью около получаса, после чего быстро все схватывающий гость попросил минуту на раздумье. Он встал у окна, сложив руки за спиной. Когда прошла ровно минута, он повернулся к собеседникам.

— Я так понимаю, мсье, что вы зашли в тупик и предлагаете мне взять предмет как бы на хранение. На хранение от вас обоих. Что ж, я согласен. Надеюсь, вы понимаете, что хранить я его буду бережно и очень долго.

— Боюсь, нам придется рискнуть, — протянул Колиньи, бросив тревожный взгляд на Дюпона.

— А вы уже рискнули, мсье Колиньи. — Бонапарт прошелся по комнате. — Ситуация полностью под моим контролем, и предложение уже сделано. Я согласился, и даже если вы станете возражать, я это сделаю. Вы не сказали мне одного: что за сила у этого льва?

И Дюпон, и Колиньи промолчали.

— Понимаю, — кивнул Бонапарт. — Ну что ж, я это узнаю сам. Как порядочный человек, я не стану задерживать и допрашивать тех, кто сделал мне такой подарок, пусть и поневоле. Очень рад, что вы выбрали меня. А теперь дайте мне фигурку, и я откланяюсь. У меня много дел.

Колиньи, снова покосившись на Дюпона, протянул цепочку со львом генералу. Он схватил ее, жадно рассмотрел и тут же повесил на шею, под мундир. Уже приоткрыв дверь, он оглянулся и добавил:

— Надеюсь, вы понимаете, что, охраняя от вас обоих предмет, я вряд ли буду рад нашей следующей встрече?

— О да, понимаем! — Колиньи вскочил и запрыгал к нему на одной ноге. — Генерал, я прошу лишь позволения уйти с вашим конвоем из этого дома!

Бонапарт кивнул и вышел. Дюпон, презрительно усмехнувшись, козырнул на прощанье врагу и прикрыл глаза. Очень скоро его щеки коснулась женская рука.

— Как там Антон и Александр? — сонно спросил он. — И как там моя Мари?

— Твоя Мари слушала разговор из соседней кладовки. Я рада, что так получилось. Мне кажется, этот Бонапарт не отдаст льва Западному клану. Это лучше, чем если бы из-за него продолжали умирать люди.

— А ты думаешь, люди перестанут умирать из-за льва? — Дюпон открыл глаза и погладил Мари по голове. — Война все равно будет. Вопрос только, в чьих интересах. Не в интересах арков — да, но это еще не значит, что люди не будут умирать. Надо уходить. Пусть Александр покинет дом так же, как пришел, пусть его никто не видит.

Через пятнадцать минут Остужев и Мари, которая не отказалась себе в удовольствии спуститься по веревке с третьего

этажа, шли через сад к дороге, где их должен был подобрать экипаж.

— Как я рада, что все живы! — почти пела Мария, повисая у Остужева на руке. — Как я рада, что в войне настало перемирие! Теперь, когда лев зажат в кулаке Бонапарта, обе стороны будут не спеша зализывать раны. А я устала от потерь, Саша. Можно я буду называть тебя иногда Саша?

— Можно, — мрачно сказал Александр. — Только мне все равно невесело. За сутки я трижды мог отомстить и не сделал этого.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

КРОЛИК В ЛАПАХ У ЛЬВА

Остаток ночи Баррас, конечно же, не спал. Некоторое время вокруг него вертелась Богарне, но и она не могла теперь его успокоить — проклятый кролик не шел из головы. Нужно было непременно проверить, правду ли говорил Колиньи, но сначала стоило прийти в себя. Он почти грубо выгнал Жозефину, за перся в кабинете и налил себе рюмку коньяка.

— Унижение! — прохрипел он и изо всех сил ударил кулаком по столу.

Рюмка опустела вмиг, Баррас налил себе еще. Унижение было тем, чего он боялся больше всего. И вот ведь странная вещь: как ни высоко поднялся в жизни Баррас, унижения продолжали его преследовать. Он страдал, а потом лечил себя: деньгами, властью, женщинами, обманом, игрой... Но не успевал прийти в себя, как случалось что-то еще, куда более унизительное. Когда-то, юным офицером, он попался на воровстве в полку. Его уволили, опозорили. Это было ужасно, и Баррас клялся себе, рыдая, что такого больше не произойдет. Знал ли юный Поль, что, став первым человеком во Франции, а то и в Европе, он может быть унижен куда сильнее?

— Дюпон, черт бы тебя побрал! — Баррас взял себя в руки и вторую рюмку тянул потихоньку. — Ты с самого начала презирал меня. Ты окружил меня шпионами, ты знаешь обо мне

все. А я о тебе — ничего! Хотя нет, постой. Предметы. Вот источник твоей силы и власти, Дюпон, предметы, которыми ты то ли торгуешь, то ли жонглируешь. Хорошо же...

Что сказать дальше, Баррас не знал. Он постарался мысленно отвлечься от Дюпона и наткнулся на другой источник своей ненависти — свежий, совсем недавно появившийся источник. Причем появившийся с помощью Дюпона! Проклятый корсиканец, который планомерно, шаг за шагом, медленно, но совершенно неудержимо отбирал власть у Барраса.

— Да он просто животное! — Рюмка снова опустела, и Баррас налил третью, поклявшись себе, что это последняя. — Просто животное, которое стремится к власти. Я, например, не хочу власти. Я хочу лишь того, что власть может дать. А вот Бонапарт любит именно власть, именно величие. Зачем она ему?! Чтобы водить строем своих дрессированных артиллеристов! Такого человека нельзя пускать высоко, он погубит Францию. Что мне делать? — Баррас покачал рюмкой, глядя, как коньяк медленно стекает по стенкам сосуда. — Итальянский поход. Я заставлю Конвент выделить на это средства, и плевать, что северная армия и так нас разоряет. Снабжение поручим... А почему бы и не Колиньи? Держи друзей близко, а врагов еще ближе, как говорит пословица. Он пытался использовать меня, я использую его. Что же до Дюпона, то... — Баррас залпом допил коньяк и решительно отставил рюмку прочь. — Мне нужно устроить, удесятерить охрану. И убрать из Парижа Бонапарта, тогда разберемся и с Дюпоном.

К завтраку он вышел, немного прия в себя. Зато Богарне не могла не выказать ему свою печаль:

— Поль, у меня снова нет служанки, — ломала она руки со слезами на глазах. — Представь, эта Вероника, которую по рекомендовала Мари, просто сбежала! Кстати, ты не видел Мари?

— Видел, — кивнул Баррас. — Отлично видел. Но, кажется, у нее какие-то дела имелись срочные... Послушай, Жозефина, если девчонка вдруг появится, сообщи мне. Срочно!

— Хорошо... — Богарне удивленно распахнула глаза. — Просто ты, кажется, меня не слушаешь: я не о Мари говорю, а о Веронике! Ушла, даже не попрощавшись. Я всегда была ласкова с ней, мне очень нравилась эта девушка, ее глаза и волосы, и вот... Я чувствую себя оскорблённой!

Баррас в то же самое время почувствовал укол ревности и пристально посмотрел на женщину. Вправду она так проста и так верна, как ему кажется? Но теплое чувство обволакивающей его сердце любви не позволило рассердиться. К тому же Баррас не был бы собой, если бы разрешил эмоциям взять верх.

— Жозефина, а где та забавная вещица, кролик? Я хотел бы прямо сейчас на нее посмотреть.

— Сейчас? — У Богарне машинально дернулась рука к груди, и этого хватило Баррасу, чтобы понять: предмет с ней. — Ой, милый, я его куда-то задевала. Вся эта ужасная ночь, этот Бонапарт со своими огромными страшными солдатами!

— Понятно, — кивнул ее сотрапезник и приторно улыбнулся. — Надеюсь, он найдется, любимая! Обязательно найдется. Налей мне кофе.

Отложив разбирательства с Жозефиной и ее предметом на потом, Баррас поспешил в Конвент, чтобы как можно быстрее провести решение об отправке Бонапарта в южную армию. Генерал и сам давно туда рвался, и Баррас никак не мог взять в толк зачем. Все решения принимаются в Париже, все деньги проходят через Париж, и успех итальянской кампании зависит от того, что произойдет в Париже. Но Бонапарт, похоже, никак не мог это осознать. Он, правда, оставлял на многих влиятельных постах близких себе людей, но уж Баррас-то знал, как

достаточно быстро убрать их оттуда. Недоброжелателей у Наполеона Бонапарта тоже хватало, взять хоть тех же генералов, чью славу затмила слава высокочки.

В то же самое время Остужев, не выспавшийся и мрачный, явился в канцелярию к Бонапарту. Записку с то ли приглашением, то ли приказанием вестовой принес ему в гостиницу еще ночью, но Александр вернулся в номер лишь утром. Наполеон выглядел свежим, спокойным и против обыкновения даже не хмурил брови.

— Здравствуй, мой друг! — Он лишь на миг поднял голову, жестом пригласил Александра присесть и опять начал читать бумаги. Это совершенно не мешало ему общаться. — Я говорил тебе, что собираюсь на юг и ты будешь мне там нужен в качестве личного секретаря и помощника. Хочу уточнить: мы едем в Италию. Кажется, уже все шпионы об этом знают... Но все равно не болтай.

— И в чем будут состоять мои обязанности?

— В том, чтобы исполнять мои поручения. Поручения могут быть разными, но ты справишься. Пока займись языком — я заметил, ты весьма скверно говоришь по-итальянски. Но твои способности тебе помогут. Ну и вообще почитай все, что сможешь, о Генуе, о Риме, о Венеции и Неаполе... — Наполеон, не глядя, протянул руку и отпил кофе из чашки. — Во Франции стремительно дорожают колониальные товары: кофе, чай, табак, шоколад и прочее. Все из-за проклятых англичан, которые просто душат нас. Силой победить не могут и взялись за торговлю! Что ты об этом думаешь?

— Я думаю, что английский флот, безусловно, очень силен. — Остужев пожал плечами. — Видимо, Франция пока ничего не может с этим сделать.

— Зато у Франции сильная армия. А будет еще сильнее. — Бонапарт все так же быстро работал пером, правя документы. —

А что, если обмануть англичан маневром и высадить десант в Ирландии? Ирландцы нас поддержат. Мы получим продовольствие, фураж, боеприпасы, людей и лошадей.

К подобным скачкам в разговорах Остужев уже успел привыкнуть. Бонапарт, кажется, думал сразу обо всем и делал это без малейшего усилия.

— Крайне рискованно, — сказал он. — Если англичане переиграют французов и встретят флот в море, может случиться такая же беда, как с Великой Армадой, которую послали к их берегам испанцы. Кроме того, Ирландия — отдельный остров, и, захватив его, все равно придется переправляться в Британию, а английский флот будет начеку. И расстояние! Армия окажется оторвана от страны.

— Это аргумент, — кивнул Наполеон. — Но есть еще шотландцы, с которыми тоже можно попробовать договориться. Что касается расстояний, то правильно руководимый экспедиционный корпус может действовать совершенно самостоятельно долгое время. Нужно только обеспечить снабжение. А это задача, которую следует решить командующему.

В дверь постучали. Бонапарт разрешил войти, и солдаты, всегда стоявшие снаружи с примкнутыми штыками, впустили Барраса. Наполеон поднял брови — обычно о таких визитах его извещали заранее.

— Решил зайти к вам по дороге в Конвент, — сообщил, фальшиво улыбаясь, Баррас. — Не знаю, могу ли я говорить о некоторых делах при вашем друге...

— Это мой личный секретарь, — подумав мгновение, решил Бонапарт. — Да, говорите.

— Генерал, я думаю, нам не стоит тянуть с итальянским походом, — произнес Баррас, недовольно покосившись на Остужева. Он знал, что Александр — человек Дюпона, но сделать с ним пока ничего не мог. — Необходимые распоряжения

я подготовлю прямо сегодня. Провести их через Конвент так быстро не получится, но вы же понимаете, что я все равно это сделаю.

— Пустые болтуны! — Наполеон презрительно скривил губы. — Что ж, я готов отправиться в течение нескольких дней. Кое-что нужно закончить здесь, в Париже. Алекс, и ты имей в виду: когда я пришлю за тобой, будь готов в ту же минуту отправиться на юг.

— Некоторые части расквартированы в Ницце, некоторые в Марселе... — бесцельно бормотал Баррас, глядя на Бонапарта.

— Я понимаю вас, понимаю, — нервно кивнул Бонапарт. — Хорошо, Остужев, я сказал тебе все, что хотел, можешь идти. Но помни: я считаю тебя своим секретарем и доверенным лицом!

— И, надеюсь, своим другом! — Александр как мог любезнее поклонился и с облегчением вышел.

Баррас, вероятнее всего, хотел обсудить с Бонапартом события минувшей ночи. Остужева никто из них не видел и посвящать его в детали случившегося не собирался. Более всего, конечно же, Барраса интересовало, что именно произошло между ним, Дюпоном и Колиньи. Но Остужев был уверен: Наполеон и не подумает ничего рассказать этому жулику. Он отправился в гостиницу, намереваясь поспать и уже потом, на свежую голову, обдумать, что же делается с ним и вокруг него.

Между тем Баррас, как и предполагал Александр, долго пытался выведать что-то у Бонапарта и наконец нарывался на приглашение зайти попозже. Это прозвучало почти грубо, и внутренне Баррас вскипал — генерал и правда теперь ставил себя выше него. Более того, имел на это право! Он почувствовал острую необходимость отомстить как можно скорее. Но имелась еще одна тема, которую Баррас хотел обсудить.

— Для снабжения готовящейся к наступлению армии требуется некая централизация... — Он испытующе посмотрел на Бонапарта. — Я хочу, чтобы за поставки отвечал лично Колиньи. Он сам мне это предлагал несколько дней назад. Берется договориться с другими коммерсантами и далее за все, включая доставку, будет отвечать лично.

— Колиньи — тот еще вор, — заметил Бонапарт. — Впрочем, других у нас и не осталось, верно? Хорошо, пусть будет Колиньи.

Такого Баррас не ожидал. Ему показалось, что когда генерал покидал ночью его дом, то относился к Колиньи, мягко говоря, без уважения. Баррас полагал, что Наполеон откажется и тем самым позволит задать ему еще ряд вопросов. Потом визитер назвал бы несколько других кандидатур, а когда Бонапарт отбыл бы из Парижа, все равно поставил Колиньи.

— Хорошо, — только и вымолвил Баррас. — И еще я хотел спросить вас... В каких вы отношениях с мсье Дюпоном?

— Да ни в каких. Так же, как и с мсье Колиньи, — уточнил Наполеон. — Поступайте с ними обоими как вам угодно.

Это был ответ на вопрос, который Баррас и не думал задавать. Он откланялся и вышел от генерала, красный от злости, мечтая увидеть у гильотины всех троих — и Дюпона, и Колиньи, и Бонапарта. Но чтобы не оказаться там самому, следовало действовать постепенно.

— Начнем с Дюпона, — пробормотал Баррас, садясь в карету.

Теперь его, как и Бонапарта ночью, охраняла конная рота. Еще одна ждала его у Конвента, третью расквартировали неподалеку от дома Богарне с приказанием постоянно находиться в готовности. Солдаты, конечно, куда более уважали Бонапарта, но скоро он должен уехать, и тогда все изменится.

Когда Остужев вернулся в гостиницу, его ждал сюрприз — в номере сидел Дюпон, спокойно покуривая сигару. Бурная

ночь подействовала на него благотворно — напряжение последних месяцев спало, в битве за льва наступила передышка. У Бонапарта за плотными рядами гренадерских штыков он хранился надежнее, чем в сейфе.

— Доброе утро. — Остужев подсел к столу, за которым разместился француз. — Я думал, вы отдыхаете. Как там Мари и Антон?

— Я действительно отдыхаю! — Дюпон пыхнул сигарой. — Мари где-то бегает, Антон спит. Колиньи покинул город, если тебе интересно. Я его понимаю — надо успокоиться, залечить рану и разработать новый план. Пообщаться с арками, в конце концов, оправдаться перед ними.

— Где он? — Остужев сжал кулаки, но это был лишь жест. Он слишком устал, чтобы сейчас кипеть ненавистью. — Ваше слово касалось его безопасности только ночью.

— Да. Поэтому я не знаю, где он, — эта лиса хорошо заметает следы. Но я ищу, конечно же, ищу... — Дюпон потушил сигару и наклонился поближе к Александру. — Послушай, я очень любил Карла. Но пойми: мы два года не представляли, кто руководит делами Западного клана в Париже. Нас убивали, а мы даже не видели врага. Теперь нам известно, кто это. Если ты просто его убьешь, бесцельно, из мести, то мы снова не будем знать, от кого ждать удара.

— Мне не нравится ваша игра!

— Мне тоже. Но если играть иначе, проигрыш придет слишком быстро. — Дюпон допил кофе. — Все дорожает: и кофе, и сигары, — а финансовые наши дела расстроены... Впрочем, все налаживается. Уже прибыли люди из Пруссии, завтра появятся бельгийцы. Мы будем бороться за Францию.

— Готовится поход армии в Италию, — вспомнил Остужев. — Бонапарт главнокомандующий.

— Прекрасно! — Дюпон тихо рассмеялся. — Малютка Баррас сделает все, чтоб поход провалился. Это унизит Бонапарта,

лишит его поддержки народа и армии. Но у Бонапарта кое-что есть, и если он сможет это кое-что использовать, Барраса ждет большой сюрприз.

— И чем это хорошо для нас?

— Только тем, что ты отправишься с Бонапартом. — Дюпон посерезнел, в глазах его блеснула сталь. — И ты знаешь зачем. Италия — пустяк, она меня не интересует. Франция ее завоюет или Австрия — все это временно. Важен лев.

— Я должен... украсть его? — с омерзением спросил Остужев. — Может быть, даже убить Бонапарта?

— Пока нет. Пока будь рядом. Сдружись с ним сильнее. Может быть, однажды мы попробуем склонить его на нашу сторону... — Дюпон с сомнением пожал плечами. — Сейчас пробовать бессмысленно и опасно. Колини тоже не рассказывал ему лишнего, я уверен. Не в его интересах. Да, и еще поптайся как-то узнать про второй, а точнее, первый его предмет. Может быть, мы его недооценили? Не спрашивай, как это сделать. Не спеши, говори побольше, будь откровенен... Попробуй напоить...

— Знаете, вам бы лучше шпионку-соблазнительницу нанять для таких дел! — не выдержал Остужев. — Я не могу дружить и шпионить одновременно!

— Да не друг он тебе! — Дюпон поморщился. — Вспомни, как вышло у Мари с Баррасом, и подумай — человек тебя обаял, и ты не видишь, каков он! Да, этот Наполеон вызывает и уважение, и симпатию, но он из тех людей, что идут к цели по трупам других. Баррас убивал интригами, доносами, клеветой... А генерал убивает пушками. Да, это честнее, только результат один. И поверь, ты еще в этом убедишься. А пока просто пойми: я старше и лучше разбираюсь в людях. Бонапарту нужны слава и власть. Может, он и сам пока не понял, к чему стремится. Но судьба сложилась так, что скоро поймет.

Дюпон поднялся и надел шляпу.

— Отыхай, Саша. Да, вот еще что... Баррас почти наверняка попытается меня достать. Он обид не прощает, а на меня уже давно имеет зуб, просто боялся. Теперь он в курсе, что есть не одна закулисная сила, а две, и запросто подыграет Колиньи для вида. Он в этом мастер. Поэтому я, скорее всего, тоже уеду лечиться. И тебе не будет известно куда. Но ты знаешь, что делать.

— А что делать, если Баррас расскажет Бонапарту, что я присутствовал тогда, во время разговора с ним? Что это я привез чемодан?

— Скорее всего, он придержит эту карту про запас. Может быть, даже попытается тебя шантажировать. Думай сам! В любом случае, ты был не мой человек, ты был человек покойного Карла. — Дюпон хлопнул Остужева по плечу. — Конечно, ты лишишься доверия Бонапарта. А может быть, он решит поиграть с тобой и не подаст виду, а устроит слежку. Именно поэтому встречаться мы теперь будем только в уединенных местах. Связь через Мари и Антона, они везде смогут незаметно прорваться, ты же знаешь.

Когда Дюпон ушел, Остужев упал на кровать как был, в одежде и обуви. Он проспал весь остаток дня и был разбужен настойчивым стуком в дверь. Еще до конца не очнувшись, он понял, что случилось, — так стучали вестовые Бонапарта. Распечатав полученный конверт, Александр узнал, что генерал приглашает его на прием у генерала Карно.

— Молодец, Наполеон! — усмехнулся Остужев. — Ты меня уже на чужие приемы зовешь! Ловко прижал к ногтию всю парижскую власть. И раньшеправлялся, а теперь, со львом, и вовсе станешь первым человеком Франции. Прощай, Баррас и вся твоя Директория.

Париж по вечерам продолжал веселиться, хотя касалось это, конечно же, только центральных районов города, населенных

буржуа и уцелевшими аристократами. Франция стремительно нищала и разграблялась, но деньги стекались именно сюда и здесь весело тратились. По тем же улицам, где совсем недавно пушки Бонапарта расстреливали толпы протестующих, теперь фланировали разодетые хозяева жизни со своими женами и любовницами. Но настоящие хозяева предпочитали веселиться в тщательно охраняемых особняках.

Именно в такое место и прибыл Остужев. Генерал Карно, один из героев революции, ревновал Бонапарта к его славе и влиянию, но поделать ничего не мог, слишком крепкая хватка оказалась у молодого генерала. Теперь он пытался как-то подружиться, сблизиться с ним, чувствуя, куда дует ветер. Остужев знал, что все бесполезно — Бонапарт считал Карно совершенным бездарем в делах и военных, и политических.

— Он кое-чего стоит как ученый — так мне говорят, — сказал Наполеон, встречая гостя. — Но человек ничтожный. Меня до сих пор удивляет, как такие канальи, как он, смогли совершить революцию и удержать власть, а потом еще командовать армиями и время от времени выигрывать сражения. Если бы не Карно, дело с Тулоном было бы куда проще.

Александр вновь ощутил то же самое странное чувство смелости, желание поддержать во всем Бонапарта, которое утром уже щекотало ему грудь. Лев! Перед ним стоял невысокий, хмурый, не слишком разговорчивый мужчина, который имел льва и был львом.

«Так вот вы какие, предметы! — подумал Остужев. — О, как трудно с вами сладить. Видимо, совсем нельзя. Можно только помнить о вас и понимать, что чувства, которые вы вызываете, лживы».

Он бы сильно удивился, узнав, что почти теми же словами о предметах в эту секунду думал Баррас. Конечно, он

тоже присутствовал на приеме Карно, и не один, а вместе с Жозефиной. Он знал уже, что его страсть к ней вызвана не самой женщиной, а кроликом. Колиньи оказался прав: Баррас действительно уже собирался расстаться с ней, когда вдруг понял, что любит, и это чувство стало для него святым. Узнать же, что его унизили не глупой женской изменой, а одурачили самое его сердце, было для него непереносимым ударом.

Баррас потребовал, чтобы Жозефина надела кулон в виде кролика себе на шею. Она, чувствуя неладное, сопротивлялась, но он настоял, накричав на нее. Жозефина без поддержки Колиньи, который исчез, не попрощавшись, и не подавал никаких сигналов, повиновалась. Бледная, расстроенная, она явилась на прием с кроликом в декольте. Здесь, где дамы были золотом и бриллиантами, это выглядело странно, и только это и беспокоило бедняжку Жози. А вот Баррас знал, что делает.

— Генерал Бонапарт! — явившись, он сразу подвел Жозефины к нему и постарался держаться позади. — Вы, конечно, хорошо знаете мою хорошую подругу, мадам Богарне.

— Да, мы знакомы. — Бонапарт сразу повернулся к ней, чем удивил Остужева. Генерал никогда не придавал большого значения той стороне жизни мужчин, которой властвовали женщины. — Я ведь бывал у вас, вот хоть бы прошлой ночью. Мы не виделись по причине позднего часа. Простите меня, вероятно, я переполошил весь дом?

— О да... — Жозефина смущалась от его пристального взгляда. Она старалась рукой поймать руку Барраса, спрятаться за него, но тот ускользал. — Я слышала топот солдатских сапог, команды, весь этот шум. Но я вовсе не сержусь! Государственные дела, они меня не касаются, но я понимаю всю их важность!

— Как вы милы! — Бонапарт поцеловал ее руку. — Именно так должна поступать благородная женщина: не вмешиваться в дела мужчины, но поддерживать его во всем!

«Разноцветные глаза! — вдруг заметил Остужев. — Черт возьми, у Жозефины предмет! Антон говорил об этом, как я забыл?»

Он сам не заметил, как эта рискованная игра начала затягивать его. Другая жизнь, куда более настоящая, чем привычная скука службы. Настоящая, потому что открытая нараспашку, как дверь в спальню. Все причины творящейся в Европе большой политики становились видны во всей своей неприглядности. Остужев не верил теперь ни в сумасбродство фавориток, ни в гениальные прозрения ученых, ни в тонкие политические расчеты министров. Все гораздо проще! Игра предметов, война за предметы.

— Не угодно ли вам составить мне удовольствие в танце, когда засыпает музыка?

Никогда Остужев не видел Бонапарта таким галантным. Случайно он встретился взглядом с Баррасом и узрел в его глазах веселье, разбавленное отчаянием. Это были глаза человека, который потерял больше всех, но по собственной воле, потому что другого выхода не имел. Александра пробил холодный пот.

«Да он его ненавидит! И эта ненависть пострашнее моей к Колиньи!»

— Мсье Остужев! — Баррас улыбнулся ему. — Что ж, я слышал, вы поменяли службу? Хотите остаться во Франции?

— Хочу задержаться во Франции, — поправил его Остужев. — Я никуда не спешу, и если могу быть полезен генералу Бонапарту, то буду лишь счастлив.

— В России не очень хорошо относятся к нам, деятелям и вдохновителям французской революции, — заметил главный из членов Директории. — Из Санкт-Петербурга доносятся

такие слова, как «повесить», «перестрелять» и даже «четвертовать». На месте генерала я бы заподозрил в вас шпиона, ха-ха!

— Я испытываю крайнюю нехватку в честных и порядочных людях, — сказал Наполеон, все так же глядя в глаза Жозефины. — Поток революционных событий, к сожалению, поднял на поверхность весьма много грязной пены.

Жозефина таяла. Иначе она никак не смогла бы передать свое состояние. Хотя, быть может, она могла бы сказать: «Передо мной стоит мужчина-лев!» Именно так она себя и ощущала: жертва, которая хочет стать жертвой. Она ничего не знала о силе кролика и только мельком удивилась разноцветью своих глаз. И уж конечно, ничего ей не было известно о фигурке в виде льва, висевшей на груди Наполеона. Предметы играли с людьми, но люди в этот момент чувствовали себя счастливыми

— Может быть, мы немного пройдемся по залу... — Баррас не выдержал этой пытки и взял Богарне под руку. Он все еще ее любил, хоть и раскаивался в этом. — Как-то мы застоялись, надо пошевелить ногами, пройтись...

— Но наш генерал, наш герой, говорит так интересно! — возразила Жозефина. — Мсье Наполеон, если позволите вас так называть, приходите ко мне чаще! И приводите, если вам скучно, этого мсье с русской фамилией, он уже бывал у меня!

Когда Баррас с подругой отошли, Бонапарт тяжелым взглядом смерил Остужева.

— Так ты часто бываешь у Богарне?

— Один раз по делу, один раз случайно, — отмахнулся Александр. — Она тебе понравилась, не так ли?

— Она — божество, — сухо сказал генерал, по-прежнему пристально глядя Остужеву в глаза. — И лишь такое ничтожество, как Баррас, может этого не понимать.

Остужев понял, что его только что обретенная должность секретаря и личного помощника Бонапарта сейчас висит на

волоске. И именно в этот миг он осознал: Дюпон прав. Такие люди, как Наполеон, не могут иметь друзей, потому что их друзья — власть, слава и почитание. Генерал лишь играл в дружбу с ним, имея нужду в толковом человеке со стороны, не вовлеченном во французскую политику. Александр решился.

— Баррас — ничтожество, — кивнул он. — Послушай, Наполеон, если ты хочешь еще немного поговорить с Жозефиной наедине, то я могу занять его на несколько минут.

— Буду благодарен. — Бонапарт посмотрел на ее удаляющуюся фигуру. — Какая женщина! Буду честен, Александр: один лишь ее запах сводит меня с ума. Я никуда не уеду, пока не получу ее.

Остужеву стало легко. Нет, он не шпион. Не подлая тварь, которая обманывает доверчивых людей, — это роль для таких, как Баррас. Александр всего лишь игрок, игрок на том поле, где никто никому не доверяет. И лишь предметы из иного мира заставляют этих людей быть похожими на обычных с их обычными чувствами. Он смело подошел к Баррасу и встал перед ним.

— Простите, мадам Богарне, но я должен украсть вашего кавалера на пару минут, — сказал он, глядя прямо в глаза Баррасу. — У меня к нему есть важный разговор.

Немного помявшись, Баррас выпустил руку Жозефины, которая, оглянувшись, тут же направилась к Наполеону.

— Какого черта вам надо? — удрученно спросил Баррас.

— Вообще-то я хотел бы знать, какой предмет у Жозефины, — наобум сказал Остужев, наслаждаясь испуганным взглядом Барраса. — Но вы ведь не осмелитесь ответить? Тогда скажите другое: у вас ведь достаточно ума, чтобы не передавать Бонапарту, где и при каких обстоятельствах мы с вами встретились в первый раз? Я не имею отношения к Дюпону, делайте с ним что хотите. Но упоминать о той нашей встрече,

я полагаю, невыгодно ни одному из нас, а также кое-кому еще. Тому, кто может отомстить.

— Вы российский шпион, — мрачно, почти безразлично ответил Баррас. — Может, нечто большее, но про это я не хочу знать. А что до России, то она далеко, и не пытайтесь меня запугивать. Хотите забыть о нашей встрече — прекрасно, я уже забыл. Идите к своему драгоценному генералу, обнимайте и целуйте его. Кажется, моя Жозефина вот-вот этим займется, так не дайте себя опередить!

Он повернулся к Остужеву спиной и пошел прочь. Рассмеявшись, Александр направился к лакею с подносом, чтобы взять бокал вина. Да, эта игра способна доставлять удовольствие! Впрочем, с такой же легкостью из-за нее можно было получить и пуллю.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ДЖИНА И ЖОЗЕФИНА

Прошло еще несколько дней. Ни от Дюона, ни от его юных друзей никаких новостей не поступало. Это немного беспокоило Остужева, но он верил, что с ними все хорошо. Тем более что о Колиньи тоже не было ни слуху, ни духу. Александр все более втягивался в работу с Наполеоном, не переставая удивляться его энергии. Военными и экономическими вопросами Саша не занимался, но насущным интересам двадцатисемилетнего генерала не было предела.

— Очень хорошо, что я лишь немногого старше тебя, Остужев, — сказал как-то раз Бонапарт, просматривая заказанные секретарю выписки из римского права. — Мы с тобой говорим на одном языке, и я не имею в виду французский.

— Кстати сказать, Наполеон, работая по этой теме, я постоянно возвращался к одной мысли. — Остужев постепенно начал чувствовать себя раскованно в прежде неуютной роли. — Ты похож на Юлия Цезаря. Про него говорили, что он мог одновременно читать, писать и выслушивать подчиненных. Ты такой же.

— Я очень серьезно интересовался фигурой Юлия. — Генерал оторвался от документов. — Прочел о нем все, что сохранилось. Первый император Рима. И самый великий, по моему мнению. Один из самых великих людей в истории.

— Мудрый человек, — кивнул Остужев. — Но совершил ошибку и погиб.

— Мы все пересечем Стикс, — усмехнулся Наполеон. — Не смерти надо бояться, а впустую прожитой жизни. Иногда, правда, кое-что помогает прожить ее так, как хочешь... И, возможно, у Юлия Цезаря имелся небольшой секрет. Но сменим тему. Вчера я снова был у Богарне. Не хочу впутывать тебя в свои отношения с Жозефиной, но, с другой стороны, ты мой личный секретарь. Сегодня она обещала порвать с Баррасом окончательно. Прежде всего по этой причине я прошу тебя сопровождать меня во время визита, который ей сегодня нанесу. Поддержи меня по-дружески, мало ли что может натворить старый греховодник.

— Разве роты солдат мало, чтобы его усмирить?

— Бедняга так напуган, что передвигается по городу уже с батальоном! — рассмеялся Наполеон. — Думает, наверное, что я поступлю с ним, как он с Робеспьерами! Я говорил тебе, что полгода провел в тюрьме? И все потому, что Баррас решился поднять руку на тех, кто был сильнее и выше его духовно. У братьев имелись друзья, и я в их числе. Нет, якобинский террор тут, в Париже, я не поддерживал. Но Огюстен, младший из братьев, был моим другом, а я — другом ему. Их окружало много друзей. Вот поэтому Баррас и упек в тюрьмы всех, кого мог, — потому что у него друзей не было никогда. Не такой человек. Всем, кого нельзя купить, он не доверяет, а кого можно — тем более! Он каналья, пустой человек. И он не может понять, что я собираюсь делать дело, а не пить вино и смотреть на пляшущих голых проституток, что, как все говорят, он весьма любит. Мне не нужно место Барраса, я хочу занять свое место.

— И что же это за место, Наполеон?

— Место победителя, — улыбнулся Бонапарт. — Я хотел бы, чтобы мои солдаты проходили под триумфальной аркой,

сооруженной в их честь. Да, как в Риме. Не смейся, Остужев, но я всегда лишь люблю побеждать.

«Он играет со мной, — печально подумал Александр. — Сам обаятельный, да еще влияние льва, с которым так трудно бороться, но все равно я чувствую... Это не фальшь. Это отношение ко мне как к человеку, который нужен. А уже потом, возможно, как к другу. Что он знает обо мне? Промолчал ли Баррас? И зачем, на самом деле, я ему нужен?»

— Так вот о Жозефине Богарне, — Наполеон посерезнел. — Александр, я знаю тебя как русского дворянина, как человека, воспитанного в самых достойных традициях. Но жизнь имеет много сторон, порой не самых приятных. Могу я кое о чем попросить тебя по-дружески?

«Вот оно! — понял Остужев. — Вот зачем я тебе нужен!»

— Если я могу чем-то помочь и это не затронет мою честь и репутацию, я был бы только рад.

— Баррас, — коротко бросил Бонапарт и принялся чинить перо. — Он ловкий манипулятор и просто использовал Жозефину. Может быть, и не только он... Я не ревную, я люблю эту женщину. Но мне нужно знать, что ее оставили в покое, только тогда я смогу уехать, не волнуясь за нее. Я думал о том, чтобы взять Жозефину с собой, но отверг этот вариант. Она будет отвлекать, а я должен всецело посвятить себя армии и кампании. Я попрошу тебя о простом. Поговори с Баррасом от моего имени, мне это не совсем удобно. Не называй моего имени, но сделай так, чтобы он понял: или уберет руки от моей женщины, или умрет. Ты сможешь сделать это... Аккуратно. И помни: если что-то случится, если он посмеет как-то угрожать тебе или даже арестовать — я смету Директорию, но освобожу тебя.

— Я верю тебе, — сказал Александр. — И поговорю с мерзавцем.

И это была правда — сейчас Остужев безусловно верил Наполеону. Как только дело касалось Жозефины, в нем просыпался корсиканец, и вся расчетливость летела к чертям. Ради нее он действительно был готов броситься против всего мира, имея в распоряжении лишь шеститысячный парижский гарнизон. Александр был рад, что Бонапарт, чуть смущившись, снова уткнулся в документы. Ему с трудом давалась улыбка. Проклятые предметы! Дюпон был прав, постепенно Остужев начинал понимать смысл войны с арками.

Вечером он снова, в который уже раз, оказался в знакомом особняке. Теперь тут не было ни служанки Вероники, ни внезапно пропавшей Mari. О последней Жозефина даже упомянула — сказала, что девочка нашла каких-то дальних родственников, переживших террор, и уехала в провинцию. Баррас при этих словах так заскрежетал зубами, что было слышно и Остужеву, сидевшему напротив. Ужин длился уже около часа, когда Бонапарт не выдержал.

— Мне кажется, мы вам мешаем о чем-то поговорить с мадам Богарне, — мрачно сказал он Баррасу. — В таком случае мы могли бы немного прогуляться по саду.

— Нет-нет! — Баррас поднялся, улыбаясь жалко и злобно одновременно. — Это я попрошу мадам прогуляться со мной совсем немного, если ей не трудно.

Уже о чем-то знающая или догадывающаяся Жозефина, опустив глаза, поднялась и позволила увести себя из зала. Возникла несколько неловкая пауза, а потом гости, люди хорошо воспитанные, наперебой заговорили о погоде и прочих пустяках. В этот момент дворецкий и доложил, не заметив отсутствия хозяйки, о прибытии графини Бочетти. Она вошла, сияющая, будто парящая над полом, поздоровалась со всеми присутствующими и извинилась за опоздание. Бонапарт, желая утвердить свое положение, встал и лично усадил гостью

рядом с Остужевым. Александр попробовал сказать графине пару дежурных комплиментов, но язык у него заплетался.

«А вдруг у нее есть предмет?!»

Он посмотрел ей в глаза и увидел две голубые, как небо, радужки. Длинные, пушистые ресницы, изящные брови, чуть накрашенные веки... Он не сразу смог отвести взгляд, и графиня рассмеялась.

— Вам понравились мои глаза?

— Нет, — сказал Остужев и почувствовал себя идиотом. — То есть да. Но не только глаза! То есть нет, я не хотел сказать ничего такого...

— Вам понравилась моя прическа, — повелительным тоном произнесла Бочетти, положив пальцы ему на запястье. — Мы знакомы, не так ли? Вы мсье Остужев, личный секретарь генерала Бонапарта.

— Так и есть, — глядя в тарелку, ответил Остужев. — Я российский подданный. Графиня, вам налить вина?

— О, как вы галантны! — рассмеялась Бочетти. Этот угловатый шатен из далекой страны ее забавлял. Может быть, напрасно она подозревала его в близости с Дюпоном? — Налейте. И скажите мне по секрету: генерал всегда так мрачен?

— Нет, что вы! — Остужев, конечно же, пролил вино на скатерть. — Мой шеф — человек совсем не мрачный, просто всегда сосредоточен на государственных делах.

— Только ли на них? — приблизила Бочетти полные губы к его уху. Он почувствовал ее теплое дыхание и покачнулся, словно от ураганного порыва ветра. — Генерал так молод! Мужчины в этих летах не бывают увлечены исключительно службой. Но про Бонапарта не ходят никаких слухов. Париж взбудоражен и удивлен! Может быть, вы мне что-то расскажете?

Остужев прикусил губу, но уже понимал — ему не устоять. Эта женщина, от которой он терял разум, при первой

встрече вся была поглощена Наполеоном. Александр знал, что она авантюристка и служила Колиньи, но поделать с собой ничего не мог. Он просто должен был ей ответить. Да и что за секрет, если с завтрашнего дня генерал будет играть в этом доме ту же роль, что до него Баррас?

— Он влюблен, — сказал Остужев и снова отважился заглянуть графине в глаза. — В мадам Богарне. И это очень серьезно.

— Вот как? — Бочетти, похоже, слегка расстроилась. — Но говорят, Бонапарт скоро покинет Париж, и надолго... Ну, вы наверное, знаете, только это государственный секрет! И как же он собирается дальше решать этот мужской вопрос? При армии в походе, я слышала, есть всяческие маркиантки, мягко выражаясь, но он генерал, а не уланский поручик!

Она засмеялась, показав ровные зубки. Александр улыбнулся в ответ, хотел подцепить что-нибудь вилкой, но промахнулся мимо тарелки. Графиня была просто восхитительна. Без всяких предметов, сама по себе!

«Отчего такая женщина — авантюристка и преступница?! — взвыл про себя Остужев. — Ну отчего?! Была бы она некрасива, или хоть не так обаятельна, или хотя бы не так смеялась!»

Но ничего нельзя было изменить. Бочетти оставалась тем, кем была, а Остужев влюблялся в нее все сильнее с каждой секундой. На его счастье, вернулись Богарне и Баррас. Последний тут же откланялся и пошел к выходу. Бонапарт строго посмотрел на Остужева.

— Прошу прощения, мадмуазель! — Александр поднялся и, конечно же, наступил графине на ногу. — О, я прошу прощения!..

— Негодяй, вы мне за это заплатите! — Бочетти хоть и поморщилась от боли, но вилкой погрозила ему шутливо. — Идите, куда вам нужно, а потом я жду новых извинений.

Остужев, за время общения с Бочетти совсем забывший, о чём его просил Бонапарт, чувствовал себя чертовски глупо. Тем не менее он догнал Барраса у самых дверей и попросил о минутном разговоре.

— Ну, уж выйдем на крыльцо тогда, не тут же стоять? — проворчал Баррас, и Александр понял, что он совершенно раздавлен.

Они спустились на несколько ступеней, и Остужев как мог начал:

— Мсье Баррас, я говорю с вами не от своего имени, а от имени одного человека, которому вскоре предстоит покинуть Париж. Я уполномочен передать вам, что во время его отсутствия к мадам Богарне...

— Да помолчите, Остужев! — Баррас почти кричал. — Я-то прекрасно знаю, что чувствует Бонапарт по отношению к Жозефине! Мне его даже немного жаль! Но он это заслужил, черт возьми. И я не трону больше Жозефину, нет. Напротив, я стану ее охранять. Я даже не позволю ей завести любовника, как бы долго ни отсутствовал наш героический коротышка-генерал. Можете так ему и передать. Вот только вряд ли вы ему скажете, что полюбил Жозефину он не просто так, верно?

В глазах Барраса была истинная боль. Он любил Жозефину и знал, что чувство это, вызванное против его воли, настоящее.

— Нет, наверное, не передам, — согласился Остужев. — А вы что же, хотите теперь иметь влияние на Бонапарта через мадам Богарне?

— Не только ваш Дюпон умеет играть в эти игры, — зло оскалился Баррас. — Передайте ему при случае, что не стоило подсовывать мне кролика. Теперь я оскорблен, и если Дюпон попадется мне в руки, расправа будет скорой. Я его больше не боюсь.

— У вас новые друзья? — догадался Александр. — Поосторожнее с ними. А где Дюпон, я не знаю, я не его человек. Я работал с покойным Карлом Ивановичем Штольцем.

— В любом случае, молодой человек, — Баррас перешел на громкий шепот, — в любом случае, имейте в виду: попытаетесь опорочить в глазах Бонапарта меня — я погублю вас. Я лучше знаю людей. Бонапарт вас проглотит и забудет. А вот мной подавится. Помните об этом, и, может быть, когда-нибудь еще придете ко мне за советом.

К столу Александр вернулся с неприятным осадком. Баррас был негодяем и мерзавцем, такими же он видел и других людей. Но неприятно осознавать, что хотя бы в одном он прав: Остужев не скажет Бонапарту о предмете Жозефины, пока не получит на это разрешения от Дюпона. Бочетти встретила его улыбкой, но, когда он сел, сердито нахмурилась.

— Разве я не сказала, что жду новых извинений?

— О простите! — Александр вспомнил, что наступил ей на ногу. — Я согласен на все, лишь бы заслужить ваше прощение!

— Красивые слова, — печально сказала графиня, — за которыми ничего не стоит. Такого я наслушалась предостаточно. Вот хотя бы от господина Колиньи, ведь он вам знаком? Слов было много, а теперь он просто исчез. Впрочем, даже хорошо, что так случилось. Я давно знала, какой он мерзавец.

— Тогда зачем же вы водили с ним дружбу? — осторожно спросил Остужев.

— Затем, что мне не по своей воле пришлось покинуть Италию, — сердито ответила Бочетти. — Мне больше не на кого было опереться. А теперь он исчез, и все мои парижские знакомые тоже не желают меня знать. Я для них иностранка, у которой за душой ни франка. Пожалуй, Александр, я пойду, не хочу больше смотреть на эти лица. Проводите меня до экипажа, чтобы я не выглядела уж совсем жалкой?

Конечно же, он не мог отказатьсь. Они дошли до кареты, и Александр помог ей сесть. Бочетти медлила, не закрывала дверцу, а потом вдруг порывисто наклонилась к нему.

— Вы ведь знаете, что никакая я не графиня?

— Да. — Александр облизнул вмиг пересохшие губы. — Но больше... больше я ничего не знаю.

— Хотите знать?

Она откинулась назад и продолжала сидеть, не двигаясь. Это могло означать только одно — приглашение в карету. Голову Александра заволокло туманом, он просто не мог собраться с мыслями. Наконец Бочетти протянула руку, схватилась за дверцу, но он остановил ее в последний момент:

— Позвольте мне поехать с вами? На улицах небезопасно.

— Поедемте, если вы считаете меня порядочной женщиной. Если нет — останьтесь, все это ни к чему. Я хотела лишь поговорить с умным мужчиной о своей судьбе, не более того.

Бочетти выглядела смущенной и сердитой. Александр выразил ей всевозможное почтение и, забравшись в карету, сел напротив.

«В конце концов, я солдат тайной войны! — смущенно думал он, мысленно как бы оправдываясь перед Карлом Ивановичем. — Бочетти — подручная Колиньи. Я могу выяснить что-то важное для нас, например, где он находится. А если она предаст и отвезет меня прямо к нему... Я буду готов!»

Но встречи с заклятым врагом не случилось. Бочетти отвезла его к большому доходному дому, где снимала маленькую квартиру. Остужев с минуту маялся на пороге, не решаясь войти. Был уже поздний вечер, и все это выглядело настолько неприлично, что ему чудился голос матушки. Вот уж она бы высказала все, что думает и о Бочетти, и о нем самом. Но итальянка стояла напротив, за порогом, и испытующе смотрела ему в глаза. Она не соблазняла его, не было в ее поведении ничего, что говорило бы об этом. Александр вошел.

— Выпьете кофе? Осталось немного, и, видимо, я прекращу его покупать. Все дорожает.

Некоторое время она возилась на кухне, потом пришла с ароматно пахнущим кофейником. Остужев успел осмотреться и понял, что живет «графиня» крайне небогато. Учитывая круг, в котором она вращалась, сюда стыдно было даже просто пригласить гостей.

— Не знаю, что на меня нашло... — Она прихлебывала кофе маленькими глотками. — Захотелось с вами поговорить, вот и все. Мы, итальянцы, бываем очень порывистыми. А вы из России, холодной и снежной. Ведете себя так... сдержанно. А в глазах что-то горит. Простите, я не хотела вас смутить! Но все же вы мало что знаете о Франции, совсем ничего — об Италии, и мне почему-то легче поплакаться на судьбу вам, чем кому-либо другому. Ну, уж не индюкам вроде тех, что были сегодня с нами за столом. И не мадам Богарне, которая стала любовницей едва ли не убийцы своего мужа. Кроме вас просто некому, Александр. Но вы можете уйти. Наверное, я вам скучна?

Конечно же, он не ушел. Бочетти говорила много, быстро, иногда ругаясь по-итальянски. Он увидел ее совсем другой. Простая девчонка, почти такая же, как те, что босиком бегали в деревне под Владимиром. Вот только жизнь у Джины сложилась иначе. Ее соблазнил богатый приезжий из Неаполя, обещал на ней жениться и, конечно же, бросил. Отец выгнал беспутную дочь из дома, и, в сущности, не без пользы для себя — растить двенадцать детей бедняку нелегко, особенно если одиннадцать из них — дочки. Джина пошла в город, а дальше... Бочетти мало что рассказала Остужеву, зато много плакала. Он старался успокоить ее, даже брал за руку, но она сразу вырывалась. Нет, в этот вечер не случилось ничего, за что Александру было бы стыдно перед матушкой.

— Вот и все, — вдруг сказала она. — Про этого мерзавца Колиниця я вам рассказывать не буду, это уже слишком стыдно. Прощайте, Александр. И лучше забудьте все, что я вам говорила.

— Вы как-то странно произнесли это «прощайте»... — Остужев насторожился. — Что вы имели в виду?

— Что мы с вами вряд ли еще когда-либо увидимся. А что, вы подумали, что после всего мною рассказанного мы будем встречаться на приемах? — Она нервно рассмеялась сквозь слезы. — Мне больше нечем платить за квартиру, я уезжаю. Последние дни я все пыталась заставить себя статьдержанкой, но... Без чувств это для меня невозможно. Поэтому прощайте, Александр.

Он застыл как вкопанный. Ему, конечно же, хотелось предложить Джине денег — у него была некоторая сумма, оставленная Штольцем. А еще — обнять эту женщину, стать ее рабом и в то же время простить ей все, что она сама не могла простить себе. Но он не знал, что делать, чтобы не обидеть ее, как обижали многие прежде.

— Можно мне называть вас Джина? Джина, вы самая прекрасная женщина, которую я видел. И у вас чудесная, чистая душа. Джина, пообещайте мне, что вы не уедете завтра. Обещайте, что я увижу вас еще хоть один раз. Мне это крайне важно, это для меня как... — Он не знал, как закончить фразу. — Как вода в пустыне, как сама жизнь, понимаете?

Она посмотрела на него с печальной улыбкой и распахнула дверь.

— Идите, мой милый русский друг. Уже за полночь. Берегите себя, пожалуйста. Я буду вас помнить.

— Джина... — Ничего больше не оставалось делать, как упасть на колени. Он едва сдерживался, чтобы не разрыдаться. — Джина, не поступайте со мной так!

— О, вы, кажется, не так меня поняли. — Она нахмурилась. — Идите прочь, я прошу вас.

Закусив губу до крови, Остужев выскочил вон. Сбежав по лестнице вниз, он несколько раз ударил по кирпичной стене, до крови разбив руку. Он был влюблён! Не так, как в поместье, летом, когда подросла старшая дочь соседа-помещика и скакала на лошади по их парку. И не так, как в Санкт-Петербурге, когда в доме приятеля отца познакомился с молодой женой одного важного чиновника. Совсем не так! Тогда он не спал ночей, писал стихи, рвал их утром и рассматривал в зеркале свое лицо, казавшееся совершенно скучным и некрасивым. Сейчас он влюбился всем своим существом, один раз и на всю жизнь. Эта женщина была нужна ему больше, чем родина, чем служба у Дюпона, — он отдал бы за нее все.

— Джина... — прошептал он и поцеловал стену, которую только что нещадно избивал. — Джина. Нет имени прекраснее. Я не могу тебя потерять, прости меня.

Он никуда не ушел. Всю ночь простоял под ее окном, порядком замерзнув. Но даже ночной холод не остыдил сердца Александра. Когда солнце взошло достаточно высоко, он решился вернуться к ней. Может быть, Джина еще спала, но за ночь он сочинил речь, что непременно должна была тронуть ее, заставить простить и поверить. Сонный консьерж остановил юношу.

— Куда вы спешите, мсье? — Он будто невзначай расстегнул сюртук, чтобы посетитель видел торчащий за поясом пистолет. — К кому?

— Вы меня не помните? — растерялся Александр. — Я был здесь вечером, на третьем этаже.

— Скорее я назвал бы это ночью, — уточнил консьерж. — Да, были, я помню вас. И знаю у кого. Только она съехала этой же ночью. Ушла через черный ход, я специально открывал его итальянке. Больше вам здесь делать нечего, мсье, если

только вы не собираетесь снять тут жилье. Но тогда придется дождаться хозяина.

Остужев молча отстранил его рукой и поднялся. Дверь в квартиру оказалась открыта, но вещей Джинны здесь не было. Саше вдруг стало холодно, он дул себе на руки, тупо глядя на столик, за которым совсем недавно пил кофе. Консьерж, у которого хватило ума не связываться с сумасшедшим, оперся о дверной косяк позади него.

— Надеюсь, она не сильно вас обчистила, мсье? Мне эта мадмуазель никогда не нравилась. Въехала с неделю назад, и каждый вечер куда-то кареты ее отвозили. Пару раз и ночевать не пришла.

— Замолчите... — почти без злобы попросил Александр. — Я прошу вас, замолчите.

— Как скажете, мсье. Только вам лучше уйти.

Вернувшись в гостиницу, он нашел конверт, подсунутый под дверь. Остужев схватил его и, увидев размашистый, мужской почерк адъютанта Наполеона, опять бросил на пол. Это ему было больше не интересно. Он сел на кровать, обхватил голову руками и стал медленно шататься влево-вправо, укачивая себя, словно ребенка.

— Окно было открыто, — сказала Мари, присаживаясь рядом. — Или закрыто, но я открыла, уже изнутри. Не помню. Что случилось, Александр?

Он все так же раскачивался, даже не повернув головы. Мари нравилась ему, их сплотили совместные приключения, но сейчас было не до нее.

— Я не стала читать письмо, думала, ты придешь и прочтешь... — Мари фыркнула. — Терпеть не могу запечатанных конвертов! Но терпела. А ты...

Секунду спустя он услышал звук разрываемой бумаги. Потом Мари невесело рассмеялась.

— Недолго мы с тобой дружили, Саша. Сегодня же вечером твой друг Наполеон Бонапарт отправляется в Ниццу. И ты должен ехать с ним в одном экипаже. Печать даже стоит. Я бы на твоем месте ответила, потому что наш молоденький генерал настойчив и любит все знать точно. Не будет ответа — в твою дверь час станут барабанить гренадеры, а потом выломают ее. Ты меня слышишь?

— Я никуда не поеду, — тихо произнес Остужев. — Я буду искать женщину. Кажется, есть такая французская поговорка: ищите женщину. Вот, я буду искать женщину. Отстань от меня с этим Бонапартом, не хочу шпионить. И сам он мне уже не нравится. Хватит. Скажи Дюпону, что... Что я беру отпуск!

Мари снова села рядом с ним и даже погладила по плечу.

— У нас не бывает отпусков, Саша. Ты не понял до сих пор? Ты уже один из нас, ты в игре. И ты слишком славный малый, чтобы предать. Антон, между прочим, тоже поедет на юг, но не с вами. Он поступит в армию. Ты слышишь, Александр? Антон поступит в армию простым солдатом, он будет рисковать жизнью, чтобы поддерживать для тебя связь с Дюпоном. А ты? Скис из-за какой-то женщины? Смешно, Саша. Тебе не дваждать.

— Я из России, — с обидой произнес Александр. — У нас не принято иметь любовницу в шестнадцать лет!

— Ну ладно, ладно. — Мари отодвинулась. — Все понимаю. Кто она хотя бы?

Он не ответил. Как можно сказать Мари, что ты влюбился в графиню Бочетти, спутницу и помощницу Колиньи? Как можно сказать, что ты поверил, что она лишь его жертва и понятия не имеет об игре, которую он ведет? Мари не поймет этого. Спустя секунду на лестнице раздались тяжелые шаги, затем дверь задрожала под ударами гренадерского кулака. Радуясь, что отвечать не придется, Александр открыл.

— Вам пакет! — Усатый солдат лениво отсалютовал ему. — От самого генерала Наполеона Бонапарта!

— А если бы он приказал тебе одному пойти в атаку на тысячу, ты бы пошел? — спросил Остужев, лениво вскрывая конверт.

— Пошел бы! — Гренадер злобно сощурил глаза. — И на тысячу, и на сто тысяч! Наш генерал сам миллиона стоит.

В конверте оказалась копия той же записки, которую прочла Мари. Остужев приказал передать, что будет непременно, хотя вовсе не собирался никуда ехать. Ему хотелось, чтобы от него все отстали.

— Мари, я прошу тебя, уходи, — попросил он, когда они остались одни.

— И тебе не интересно, зачем я пришла? — Мари подошла к двери. — Остужев, я начинаю в тебе сомневаться. Какой-то ты непостоянный. То рвешься вперед без приказа, то бросаешь друзей ради женщины. Кто она, Остужев? Я ведь все равно узнаю.

— Уходи, — сказал он снова.

— Дюпон просил передать, что во время вашей поездки в Ниццу, возможно, произойдет покушение. — Голос Мари зазвенел, теперь она всерьез обиделась. — Не на тебя, на генерала. Будь начеку. Им будет нужна не его смерть, а его предметы. Помни об этом. И вот еще что, это от меня: если не поедешь, вся ответственность там, на войне, ляжет на Антона. А ему пятнадцать лет.

Она вышла, изо всех сил хлопнув дверью. Остужев повалился на кровать. Он не знал, как разыскать Бочетти. В этом ему не поможет полиция, не поможет никто... Кроме двух человек. Один из которых — Дюпон, обладающий немалыми возможностями, второй — Бонапарт. Осененный этой мыслью, он вскочил и бросился за Мари, но ее, конечно, и след простыл. Тогда Остужев вернулся в комнату и быстро стал собираться.

— Она простит меня, — бормотал он про себя. — Я увезу ее в Россию, туда, где спокойно. Где никто ее не знает и не оскорбит...

За два часа до назначенного срока он уже был на месте сбоя. Бонапарт ехал не один, а в сопровождении целого батальона лучших солдат парижского гарнизона, которых он лично отбирал. Для Наполеона не существовало мелочей, а его феноменальная память поражала всех.

— Остужев? — Бонапарт заметил его и поморщился. — Не надо приходить раньше, мой друг. Надо приходить вовремя, все должно быть по плану. Впредь, прошу тебя, всегда делай именно так, как я скажу.

— Наполеон, у меня есть к тебе одна личная просьба! — сунулся к нему Александр. — Это пустяк, но это очень важно для меня!

— Не сейчас! — отрезал генерал. — У меня много дел. Я еду попрощаться с Жозефиной, а ты... Ну, жди в канцелярии, раз приехал так рано. Поговорим в пути.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

НЕПРОЧНАЯ ДРУЖБА

Прекрасная Франция! Даже разоренная революцией, войнами и казнокрадами, она оставалась прекрасной. Много солнца, плодородная земля — здесь жилось куда веселее, чем в России, а главное, сытнее. Деревеньки и городки встречались по дороге куда чаще, чем на родине Остужева. Здесь не бывало неурожайных лет, по крайней мере в русском понимании этого слова, поэтому население росло быстро даже после самых страшных войн. Дорога немного развеяла тоску Александра, тем более что Бонапарт лично выдавал ему с утра одну или две, а иногда и три книги об Италии. В небольшом обозе было несколько экипажей, битком набитых книгами и документами. Краткого изложения прочитанного секретарем генерал требовал уже вечером. Думать о прекрасной Бочетти оказалось просто некогда, только ночью она приходила к Саше в удивительных снах.

Драгуны двигались со всей возможной быстротой, но Бонапарт был недоволен — слишком медленно! Его стремительность и неутомимость потрясали всех. Солдаты и офицеры гордились своим начальником и старались во всем на него походить. Александр знал, что генералу помогает лев, но и сам

Наполеон заслуживал всяческого уважения. Что же касается его неутомимости и готовности работать круглые сутки, то тут у Остужева имелись некоторые подозрения. Все же какой-то предмет у Бонапарта имелся и до получения им льва.

Однажды, примерно на середине пути в Ниццу, где собирали уже несколько десятков тысяч солдат для похода на Италию, их нагнал молодой человек на белом жеребце. Очень юный брюнет с карими глазами, обрамленными длинными ресницами, издали помахал Остужеву. Тот сразу понял, с кем имеет дело, выскоцил из коляски, в которой ехал, и, петляя между конями, пробрался за оцепление. Всадник спешился.

— Как вас охраняют! — сказал Гаевский вместо приветствия. — Просто не подойти.

— Наполеон знает, чем рискует, и всегда следит за постами. — Александр рассматривал Антона, привыкая к его настоящей внешности. Или это была всего лишь еще одна роль? — Вот ты какой, значит.

— Да я сам не знаю, какой я! — рассмеялся Антон. — Любым могу быть, запишусь в полк — опять не узнаешь.

— Не боишься? Можно ведь и в заварушку попасть.

— А я бывал! — гордо заявил Гаевский. — Два года назад воевал с пруссаками. Барабанщиком служил, так что опыт у меня есть. Теперь к делу: Дюпон передает тебе привет и просит быть осторожным, самому ничего не предпринимать. Даже если сможешь похитить льва — не делай этого без приказа. Я по возможности буду стараться быть поближе, но не всегда это получится.

— Может быть, тебе не записываться в полк? Ты ведь можешь просто путешествовать вместе с армией, — предложил Остужев. — В случае чего, я уверен, смогу оказать тебе помощь.

— Тогда я буду у всех на виду, — вздохнул Гаевский. — А шпионов тут хватает, и по военной части, и от Колиньи кто-то

обязательно крутится рядом. Присматривайся к людям, лучше заранее знать, кто твой враг. Сам Колиньи в Париже, Баррас назначил его заведовать всеми поставками для южной армии. Вот скотина! Это все, если у тебя новостей нет.

— Нет, — признал Остужев. — Генерал постоянно занят своими делами, я только по вечерам докладываю ему об Италии.

— Тогда прощай! — Гаевский вскочил на коня. — Залезай, а то тебе долго бежать придется, чтобы догнать колонну!

Когда они поравнялись с ушедшими вперед конвоем, Остужев сжал на прощание плечо Антона и спрыгнул на землю. Кольцо охранения пропустило его, но драгуны поглядывали на секретаря генерала с подозрением. Не ускользнула эта встреча и от внимания Бонапарта. Он поманил Остужева рукой. Александр подбежал к неспешно едущей карете и вскочил на подножку.

— С кем ты разговаривал?

— Парижский знакомый. Молодой повеса, сын какого-то банкира. Движется в Марсель по каким-то финансовым делам, — соврал заранее подготовившийся Остужев.

— Понятно. — Наполеон нахмурился. — Будь любезен, в другой раз сперва спроси у меня разрешения, а потом уже покидай конвой. Это прежде всего в целях твоей собственной безопасности. Люди не всегда те, кем кажутся.

Остужев вернулся в свою коляску и опять взялся за географию полуострова, на который вскоре должна была обрушиться французская армия. Рядом лежала книга о королевстве Сардинии, союзнице орудовавших в Италии австрийцев, ее тоже надо было изучить до вечера.

Для ужина и ночевки они расположились на постоялом дворе неподалеку от местечка Виши. Рядом протекала река Алье, и драгуны поротно водили лошадей на купание. В ожидании,

пока приготовят пищу, Бонапарт стоял у окна и наблюдал за разбивающими бивуаки солдатами. Остужев подошел к окну снаружи, сопровождаемый косыми взглядами часовых. Они готовы были броситься защищать своего генерала, словно святыню.

— Я готов представить вам краткий доклад о Сардинии и горах Генуи, — устало сказал Остужев.

— После ужина. Ты молодец, Александр, я в тебе не ошибся. — Он продолжал наблюдать за солдатами. — Конница, Остужев. Как она сильна, как маневренна во время сражения! И как уязвима на марше. Мы идем по своей стране, ни в чем не испытываем нужды, а уже потеряли много лошадей. Они ломают ноги, они болеют, они натирают мозоли... Здесь это не страшно, но во время длинных переходов по вражеской территории конница становится очень уязвима.

— Люди тоже и болеют, и мозоли натирают! — с улыбкой заметил Остужев.

— Да, но люди куда выносливее лошадей, поверь мне! — усмехнулся и Наполеон. — Люди могут неделями брести по грязи и тащить на себе орудия, потому что лошади уже пали. Я вот думал сейчас о твоем тезке, по прозвищу Великий или Македонский. Его сила была именно в пехоте, конница выполняла вспомогательную роль. Именно пехота гоняла армию Дария от Египта до Индии. В его время я поступил бы точно так же, не полагаясь на таких уязвимых созданий, как лошади. Но времена изменились, теперь действовать на поле боя надо стремительно — артиллерия заставляет спешить. И хотя только атака пехотных каре решит дело окончательно, без конницы воевать невозможно. Иди в дом, вот-вот позовут за стол.

— У меня есть к вам просьба, генерал. — Александр колебался с самого начала поездки и теперь вот решился. Прилюдно

он никогда не обращался к Бонапарту на «ты». — Мне не слишком удобно ее высказывать, тем более что она касается женщины... У вас большие связи, много власти. Вы могли бы помочь мне отыскать ее?

— И кого же вы ищете?

— Графиню Джину Бочетти. Возможно, это не настоящее ее имя, и, она вообще-то не графиня. — Александр смущенно откашлялся. — Да вы ведь видели ее в доме мадам Богарне.

— У нее на лице написано, что никакая она не графиня! — громко рассмеялся Бонапарт, что случалось нечасто. — Но женщина весьма эффектная. Надеюсь, ты в нее влюблен, а не решил арестовать за что-то?

— Нет-нет! Она ничего мне не сделала, и... Она не такая. Просто она исчезла, а мне очень нужно ее найти.

— Осторожнее с женщинами, Остужев! — Наполеон шутливо погрозил пальцем. — И не влюбляйся в таких, как Бочетти. Своими тонкими, нежными пальчиками они способны порвать в клочья любую жизнь. Их надо держать на расстоянии. Что ж, я пошлю пару писем кое-кому.

Остужев послушно направился к дверям, у которых стояли еще двое подозрительно оглядывающих его драгун с примкнутыми к ружьям штыками, и вошел. Здесь было немного душно, с кухни пахло жарящимся мясом. Он решил сначала заглянуть в свою комнату, которую делил с одним из адъютантов Наполеона, — стоило умыться. Войдя, Остужев краем глаза заметил какое-то быстрое движение справа и уже привычно «включился». В этот раз добавилось еще одно странное ощущение — или он не замечал его прежде? — время будто бы потекло медленнее.

Их было двое, оба в черных полумасках. Адъютант Бонапарта, несчастный Маре, лежал на полу в луже собственной крови, тихо заколотый кинжалами. Так же они намеревались

поступить и с Остужевым, сохранив в тайне свое присутствие для драгун. Однако врожденная способность не подвела: Александр резко присел, не позволив одному из убийц напасть сзади и зажать рот, и ногой, в странном движении, больше похожем на русский танец, каблуком резко ударили в колено того, кто подступал к нему с кинжалом.

Затем его руки сами уверенно метнулись вверх, ухватили убийцу за одежду и перебросили через себя. Тот взмахнул оружием, но Остужев перехватил его руку, вывернул и, почти не прилагая усилий, заколол негодяя его же кинжалом. Второй, согнувшись от боли в хрустнувшем колене, успел прийти в себя и атаковал, но на одной ноге не мог двигаться быстро. Остужев отступил на шаг, размышляя, убить его или лучше захватить живым, как раздался едва слышный скрип двери. Он успел повернуться как раз вовремя, что увидеть третьего нападавшего, проскользнувшего в дверь из коридора. Тот, оценив обстановку, предпочел не рисковать и наставил на Остужева пистолет, выразительно прижав палец к губам.

«Они в доме! Но как, если прежде, чем сюда вошел генерал, постоянный двор был тщательно обыскан? Драгуны вилами проверяли даже сено в конюшне, я сам видел! — успел благодаря медленному течению времени подумать Остужев, одновременно прыжком оказавшись за спиной у разбойника с кинжалом и прикрывшись его телом от направленного пистолета. — Они могут быть уже внизу!»

— Генерал в опасности! — закричал он что было силы. — Тревога! Спасайте генерала, солдаты, враг в доме!

Его сразу услышали через открытое окно часовые и ворвались внутрь. Пару секунд спустя загремели выстрелы. Убийца с пистолетом все еще медлил. Остужев заметил, что у противника разноцветные глаза, и тоже решил выждать, крепко держа пытающегося вырваться врага. Стрелок еще чуть помедлил,

потом принял решение и размозжил пулей голову собственному товарищу. Забрызганный кровью, обескураженный Александр замешкался, и негодяй выбежал в дверь.

Отбросив обмякшее тело, Остужев схватил пистолет Маре и помчался вниз. Когда он, до неузнаваемости забрызганный кровью и с пистолетом в руке, появился на лестнице, два драгуна немедленно выстрелили в него. К счастью, Александр успел отпрыгнуть за угол.

— Это я, секретарь генерала! Не стреляйте!

Он догадался выбросить пистолет под ноги поднимавшимся драгунам, и это спасло ему жизнь. Солдаты наконец узнали его и пропустили вниз. Там, посреди вмиг разгромленного обеденного зала, ощетинился десятками штыков огромный еж. С бешено горящими глазами драгуны прикрывали своими телами военачальника. В дом вбегали все новые и новые солдаты.

— Генерал ранен! — разобрал Остужев во всеобщем шуме и гаме. — Доктора, где доктор?

Доктор тут же появился, бледный, на ходу расстегивающий саквояж. Штыки раздвинулись, чтобы его пропустить, и Александр рванулся следом, схватив врача за сюртук. Ему удалось протиснуться к лежавшему на полу Наполеону. Генерал был чрезвычайно раздражен и пытался встать, но заботливые руки прижимали его к полу.

Доктор, пребывая в легкой панике, принял расстегивать мундир Бонапарта, увещевая его успокоиться и не двигаться. Остужев заглянул через его плечо и увидел, что у генерала разорван погон, будто бы пулей, и немного крови впиталось в ткань. Рана не показалась Александру опасной.

— Остужев! — Наполеон узнал его и снова сделал попытку вырваться. — Остужев, останови этих кретинов! Доктор, пойдите к черту, это приказ, иначе я велю вас расстрелять!

Но доктор успел все же расстегнуть несколько пуговиц. Из-под рубахи блеснуло что-то знакомое, серебристое.

— Да прекратите же, вы разве не слышите приказ?! — Остужев навалился на доктора, будто пытаясь его оттащить, неловко качнулся, случайно оперся о грудь Наполеона и отвел ворот рубахи. Серебристая фигурка пчелы оказалась прямо перед его глазами. — Простите, генерал, солдаты давят отовсюду! Разойдитесь же! Генералу нужен воздух!

Драгуны тут же подались в стороны. Остужев помог сконфуженному, рассерженному генералу подняться. Наполеон быстро застегнул мундир и спросил:

— Ты серьезно ранен?

— Это не моя кровь.

— А я вот потерял несколько капель из-за сущей царапины! Где офицеры, черт возьми?! Кто доложит мне о случившемся? Я должен немедленно услышать доклад от командира батальона, или я разжалую его в солдаты!

— Он мертв, мой генерал! — К Бонапарту подошел и отсалютовал Мерсье, седоусый капитан. — Они как-то пробрались на второй этаж и успели убить семерых.

— Маре тоже мертв, — тихо добавил Остужев.

— Ну, хорошо, что ты жив, — заметил Бонапарт. Он уже пришел в себя, хотя и был сильно раздражен. — И ты поднял тревогу. Что ж, ты вне подозрения, это прекрасно. Но я хочу, чтобы мы нашли тех, кто впустил негодяев в дом, сегодня же! Оцепить местность, допросить всех! Мерсье, командование переходит к вам. А теперь я пойду в свою комнату. Доктор, вас позвовут. Остужев, следуй за мной.

С ними направились несколько адъютантов с пистолетами наготове. Однако после того как комната была проверена, а окно закрыто, Бонапарт выставил всех, кроме Александра, и потребовал кратко рассказать, что с ним случилось. Остужев

выполнил приказ, стараясь как можно скромнее подать свои бойцовские навыки. Наполеон выслушал спокойно, но выглядел по-прежнему весьма настороженным.

— Что ж, может быть, ты второй раз спас мне жизнь. Бедный Маре! Он был неплохим адъютантом, толковым. Но как удачно вышло, что ты не успел умыться! А то пришлось бы сейчас заняться этим второй раз. Но на минуту задержись. Ты разглядывал безделушку у меня на шее, — сказал он, отвернувшись от Остужева и расстегивая мундир.

Александр вздохнул. А он-то только что в мыслях похвалил себя за ловкость!

— Я заметил ее случайно. Любопытная штучка. Позволишь взглянуть поближе?

Наполеон, голый по пояс, с пустяковой раной на плече, повернулся к Остужеву. Лев и пчела висели на его груди рядом, на прочных кожаных ремешках.

— Это мои талисманы, — спокойно сказал Бонапарт. — Надеюсь, ты никому не расскажешь о моей маленькой странности. Руками трогать не надо, это плохая примета. Можешь считать, что это корсиканское суеверие. Скажи, ты никогда прежде не видел подобных фигурок?

— Нет, — покачал головой Александр. Он понимал, что Бонапарт внимательно изучает его реакцию и жизнь секретаря в буквальном смысле висит на волоске. — Это серебро?

— Серебро, — кивнул Наполеон. — Крикни доктора и скажи Мерсье, что через пять минут я жду его с первым докладом о случившемся. Сделай это прежде, чем умоешься и переоденешься.

Нападавших было то ли семь, то ли восемь человек. А может быть, и больше — точное число оказалось трудно установить, потому что всех их скрывали черные полумаски, и вполне возможно, что кто-то после провала смешался с толпой. Шестеро были убиты, одного, серьезно раненого, удалось захватить.

Пленный настойчиво повторял, что будет говорить только с генералом. Мерсье не хотел тревожить Бонапарта, но и развязать раненому язык с помощью жестких методов боялся — тот мог просто скончаться и унести тайну с собой.

— Они сперва прошли по второму этажу! — рассказывал один офицер другому, и Остужев остановился рядом, чтобы послушать. — Врывались в комнаты и тихо убивали всех, кто там был. Наверное, думали, что генерал где-то там. Но он находился в обеденном зале. Когда они увидели его в окружении офицеров, то попытались прорваться к нему, и им это почти удалось! Стреляли во все стороны, человек десять ранено! А Ламбер — герой, собственной грудью прикрыл генерала. Жаль будет, если он не выживет.

В зал вносили новую мебель, драгуны наскоро посыпали окровавленный пол песком. Как выяснилось, Наполеон приказал повторно накрыть столы, чтобы ужин состоялся, пусть и позже, чем по намеченному им расписанию. Остужев пошел умываться. Мертвых тел в комнате уже не было, вот только убираться здесь драгуны не спешили. Все равно завтра конвой двинется дальше. Остужев, вздохнув, решил постараться не замечать, в какой обстановке ему придется заночевать. Он налил в таз воды из кувшина и принял умываться, одновременно размышляя: что произошло?

В то, что это были люди Дюиона, он не верил. Выходило, что Колиньи решил рискнуть. Хотя это нападение оказалось еще более рискованным, чем то, в котором участвовал Остужев. Одно дело — сражаться с наемниками, пусть и профессиональными, и другое — выступить против батальона регулярной армии, всегда вооруженного и готового хоть к черту в зубы отправиться за своего генерала.

«Паника? — думал Остужев. — Ведь план у них был совершенно безумный! Нет, не паника, не похоже на Колиньи. Эти

люди пытались убить Бонапарта и просто-таки шли на смерть. Предположим, это можно объяснить воздействием некоего предмета, который был у того, с пистолетом. Надо поискать среди трупов! Вдруг он здесь и предмет все еще при нем!»

Быстро закончив умывание и переодевшись, Остужев кинулся искать тела. Они лежали на траве, возле задней стены дома. Обыскать их оказалось нетрудно — тут было много солдат, пришедших полюбопытствовать. Он сказал им, что хочет помочь расследованию, и быстро проверил не только их шеи, но и запястья, и карманы.

— Что в карманах было, все у капитана Мерсье, — сказали ему. — Так что просто пройдите к нему.

В задумчивости Остужев вернулся в дом. Просить Мерсье или не стоит вызывать у Наполеона еще большие подозрения? Мимо него пронесли пленного. Он кривился от боли, но Остужев сумел заглянуть ему в глаза — они были голубыми, оба. Александр много дал бы за то, чтобы узнать, что скажет пленный Бонапарту. Но рассчитывать на откровенность друга-генерала не приходилось. И не придется никогда, как он давно понял.

На следующий день они двинулись дальше. Бонапарт приказал никому ни о чем не сообщать: ни журналистам, которых и раньше велел гнать штыками куда подальше, ни полиции. Все произошедшее было объявлено государственным секретом. Жизнь Александра вернулась в обычное русло и уже не покидала его до самого прибытия в Ниццу. Здесь, вскоре после того, как генералу принесли почту, его и ждал приятный сюрприз.

— Нашлась твоя Бочетти, — сообщил ему Бонапарт. — Да еще как удачно нашлась! Прямо здесь, в Ницце. Арестована как подозрительное лицо. Я отдал такое распоряжение еще в Париже: задерживать подозрительных до начала нашего наступления, чтобы хоть дня нападения противник не знал. Не делай такое лицо: вот записка для начальника тюрьмы, можешь

пойти и забрать ее. Но учти: уехать она никуда не может, это мой тебе личный приказ. Поэтому если заберешь — должен постоянно следить за ней.

Не очень понимая, как ему этот приказ выполнить, Остужев поспешил к зданию тюрьмы. Местное начальство генерала Бонапарта встретило без особого почтения, но он в первый же день развел такую кипучую деятельность, что отношение к нему резко поменялось. Шло уже несколько официальных расследований по поводу разгильдяйства и воровства, летели бумаги в Париж, и через пару дней Наполеона уже откровенно боялись. По этой причине начальник тюрьмы принял Остужева немедленно и угождал его кофе, пока стражники ходили за Бочетти.

Джина выглядела удручающе — она провела в тюрьме несколько дней. У Остужева сердце защемило, когда он увидел потухшие глаза, помятое платье и спутанные волосы. Он покровисто подошел и тихонько обнял за плечи.

— Все хорошо, Джина! Мы немедленно уходим отсюда.

— О, Александр! Я так вам благодарна! Все этот ваш ужасный Бонапарт, по его приказу хватали всех, особенно итальянцев.

По пути к гостинице, где Бонапарт устроил свою штаб-квартиру, Бочетти рассказала историю своих последних злоключений. Она покинула Париж, намереваясь на оставшиеся немногие деньги вернуться в Италию и, быть может, как-то примириться с семьей. Однако в Ницце ее арестовали через час после приезда, она даже не успела нигде поселиться.

— Тюрьма полна безвинных женщин, матерей! — жаловалась она. — Будто все итальянки в Ницце только и занимались, что шпионили за бандой оборванцев, которую французы называют армией. Александр, прошу вас, прежде всего дайте мне помыться!

— Я отведу вас в свою комнату и оставлю — делайте все, что вам необходимо, — пообещал Александр.

В ее словах была доля правды: армия находилась в чудовищном состоянии. Баррас почти ничем не помогал снабжению, а то, что все-таки приходило, тут же разворовывалось. Жалование солдатам и офицерам уже изрядное время не выплачивали. Многие части давно не получали провианта и непонятно чем питались. Солдаты воровали, попрошайничали и, конечно, продавали то немногое, что у них было: порох, пули, штыки и даже порой ружья, хотя Бонапарт еще из Парижа обещал такие случаи строго расследовать и расстреливать виновных. Накануне прибытия генерала один из батальонов просто отказался переместиться на новые квартиры, потому что ни у одного солдата не нашлось сапог.

Начинать войну в таком состоянии было самоубийственно — и для армии, и для карьеры ее командующего. Остужев совершенно не понимал спокойствия Наполеона. Однако он и в самом деле готовил сорокатысячную голодную ораву к походу, решительно исправляя то, что еще поддавалось исправлению. Генералы, многие из которых были старше не достигшего еще и тридцатилетия Наполеона, отчаянно сопротивлялись его руководству и саботировали приказы. Один из них, весьма толковый военный Ожеро, упрямством довел Наполеона до бешенства.

— Генерал, вы ростом выше меня как раз на одну голову, но если вы будете грубить мне, то я немедленно устранию это отличие! — кричал он на высокого Ожера, бешеными глазами глядя снизу вверх. — Если я вам не по нраву, подайте в отставку и убирайтесь жаловаться в Париж!

И тем не менее многое постепенно исправлялось. Офицеров заставили вылезти из кабаков и вернуться в казармы, заняться наконец своими подчиненными. Интенданты на время перестали воровать и солдат начали кормить регулярно,

хотя и не слишком обильно — украли все-таки уже порядочно. В Ниццу поползли обозы с боеприпасами и амуницией. И все же этого было недостаточно, а срок наступления, утвержденный Бонапартом, приближался.

Остужев отправился к командующему и застал его за обедом. Бонапарт, пребывая в хорошем настроении — только что привезли еще два десятка пушек, — пригласил его к столу и усадил рядом. Александр принялся вяло ковырять вилкой в тарелке, потому что есть совсем не хотел.

— Ты привел свою красавицу? — спросил Наполеон, наклоняясь к самому уху Остужева.

— Привел, но... Никакая она не моя, — поправил его Александр, немного покраснев. — Я лишь хочу помочь ей.

— Не твоя? — удивился Бонапарт и схватил его за руку. — Я был уверен, что ты решил завести любовницу на время похода в Италию! Прекрасная мысль, заодно поупражнялся бы в итальянском.

— Оставь меня! — Остужев вырвался. — Я пришел просить тебя отпустить ее. Ну хотя бы в Париж, я бы посыпал ей часть жалованья.

Некоторое время Бонапарт смотрел на секретаря недоверчиво, потом рассмеялся и смеялся долго, отмахиваясь от задававших недоуменные вопросы офицеров. Наконец он утер вспотевший лоб салфеткой.

— Ты с ума сошел, Александр! — опять зашептал он. — Я ценю твоё благородство, ты вообще здесь, потому что я верю в твою честность. Но Бочетти — в Париж, да еще и денег ей посыпать? Это смешно!

— Наполеон, она не такая, как ты думаешь! — начал злиться Остужев. — Ты ничего о ней не знаешь. Она покинула Париж, потому что ей стыдно было стать чьей-то любовницей. Особенно после того, как ее обманул Колиньи.

— Колиньи ее обманул? — Бонапарт фыркнул. — Да нет, милый друг, это ты ничего о ней не знаешь. Как бы не наоборот! Колиньи рассказал мне немало интересного и смешного. Он прибыл в Ниццу вчера, ты знал?

Остужев едва не выронил вилку. Человек, который принял льва и посоветовал обеим сторонам держаться от него по дальше, спокойно беседует с Колиньи? Это было просто невозможно.

— Что он здесь делает? Я слышал, Баррас его назначил ответственным за снабжение армии. Именно он нас разорил, и ему удобно было этим заниматься из Парижа!

— Как раз наоборот, — посерезнел Наполеон. — Это Баррас сделал все, чтобы поход провалился. Но Колиньи, совсем недавно заняв свой пост, исправил, что мог. И продолжает исправлять, только личное его присутствие в Париже уже не нужно. Он весьма пригодится мне в Италии, чертов жулик. Моя армия не может надеяться на серьезную помощь из Франции, Баррас боится меня и вредит на каждом шагу. Значит, нашу армию будут кормить итальянцы. И Колиньи позаботится, чтобы кормили они нас как следует. В этом он мастер, кроме того, у него много деловых партнеров на полуострове. Сам я буду несколько занят военными действиями, как ты понимаешь.

«Они заключили союз! — внутренне похолодел Александр. — Значит, Наполеон встал на службу Западному клану арков! Дюпон проиграл. И как мне это ему передать, если Гаевский затерялся где-то в армии?»

— Наполеон, позволь спросить тебя. — Александр решил идти напролом. — Что тебе рассказал тот пленный, который говорил с тобой под Виши? И куда он потом делся?

— Тебе интересно? — Бонапарт усмехнулся и отпил вина. — Он сказал, что их послал Колиньи. Силой заставил напасть. Над ними был один старший, который все же сбежал, и он...

Обладал гипнотической силой, скажем так. И еще рассказал кое-что интересное. Я могу погубить Колиньи в любой момент, и он это знает.

«Что все это значит, черт возьми?! Колиньи мог послать своих людей, чтобы убить Бонапарта, это не удивительно. Но или Наполеон действительно узнал что-то очень важное, или Колиньи провел его. Прикинулся напуганным, стал помогать... И теперь генерал вплотную подпустит к себе того, кого должен опасаться больше всех на свете! — Остужеву до боли захотелось увидеть Дюпона и поговорить с ним. — Или все же они заключили союз?»

— Так вот, возвращаясь к этой Бочетти. — Наполеон закончил трапезу и утер губы салфеткой. — Я ее помню, она красива. А мне, видишь ли, несколько скучно без Жозефины. Кстати, она передавала тебе привет в последнем письме. На что ты готов поспорить, что она согласится стать моей любовницей сразу, как только я ей это предложу?

— Я не стану спорить. — Остужев поднялся. — И вообще все это кажется мне гадким. И твоя игра с Колиньи тоже.

— А мне — забавным, — по-прежнему негромко, но зло сказал генерал. — Гадко тебе? Зачем же ты, такой нежный, приехал на войну? Знаешь, сколько таких вот итальянок изнасилуют мои солдаты? Это война. Я буду следить за дисциплиной, я буду призывать к порядочности, говорить о высокой чести быть солдатом свободной Франции, солдатом революции. Только это мало что изменит. А другие итальянки, пообразованнее, быстро пристроятся к моим офицерам. Все, решено, Бочетти побудет пока со мной. По крайней мере, о ней я кое-что знаю.

Остужев сжал кулаки, но что он мог сделать? Разве что убить Бонапарта, стоявшего совсем рядом. Потом солдаты, которых всегда много вокруг, убьют его. Что случится тогда

с Бочетти, что подумают его друзья? Бледный от ярости, он лишь смотрел, как уходит Наполеон. У порога тот оглянулся и, прищурив глаза, взгляделся в лицо Остужева, но ничего не сказал.

Александр кинулся к Джине. Нужно увезти ее отсюда немедленно, дать денег и отправить в Марсель, в Дижен, в Булонь — куда угодно, лишь бы подальше, и не в Париж, где ее легко найдут. Бочетти, которая уже успела привести себя в порядок, открыла дверь и испуганно отшатнулась.

— Что с тобой, Александр? Ты бледен, как покойник!

— Ты немедленно уезжаешь! — Он кинулся бестолково собираять ее вещи. — Прямо сейчас.

Джина развела руками, и тут же в комнату поступали снова. Никто не успел ответить, дверь распахнулась. Лейтенант, который предводительствовал несколькими гренадерами, вошел и поклонился итальянке.

— Вы — графиня Бочетти? — спросил он. — Если так, то я должен немедленно доставить вас к генералу Бонапарту согласно его личному приказу.

— Вы не посмеете! — шагнул к офицеру Остужев, но Джина встала у него на пути.

— Я сейчас же выйду, — сказала она лейтенанту. — Но мне нужно полминуты, чтобы поправить прическу. Я не могу идти к такому человеку растрепой!

— Не задерживайтесь, — сказал лейтенант, строго посмотрел на Остужева и вышел.

— Александр, и я, и ты полностью во власти Бонапарта, — печально сказала она. — Не скрою, я испытываю к тебе некоторые чувства... Но я должна идти, иначе мы оба погибнем. Надеюсь, все обойдется.

Прежде чем Остужев успел ответить, она выбежала за дверь. Он последовал за ней и наткнулся на штыки гренадеров.

— Вас приказано держать под домашним арестом, — сурово сказал солдат. — С вами поговорят позже, так приказано передать.

Кровь бросилась Остужеву в лицо. Он кинулся на солдат, но те, каждый выше его на голову, легко затолкали Александра в комнату и закрыли дверь. Дар не пришел к нему — ведь угрозы для жизни не было.

— Проклятье! — Он сел на пол и прижался спиной к двери. — Я все, все делаю не так!

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ПОБЕДЫ, ДЕНЬГИ, ЖЕНЩИНЫ

Бочетти, к удивлению убитого горем Александра, вернулась примерно через полчаса. Она была печальна, но настроена решительно. Отстранив кинувшегося ее обнять Остужева, она прошлась по комнате, потом встала перед ним.

— Не знаю, как начать, Александр... Ты очень хороший, честный человек. Ты мой единственный друг и защитник. Больше у меня никого нет, и я не хотела бы потерять тебя. Не ссорься с Бонапартом. Он не прощает обид.

— Что он тебе сказал? — Остужеву захотелось присесть. — Он предложил тебе стать его любовницей?

— Он вынудил меня, — уточнила Бочетти. — Или я буду с ним, или я вернусь в тюрьму, и никто уже меня оттуда не вытащит. Ему очень легко обвинить меня в шпионаже. У Колиньи есть некоторые документы. Долго объяснять, но он заставил меня подписать их! Александр, все это ненадолго. Я знаю таких мужчин, как Бонапарт. Я быстро наскучу ему, и тогда... Тебе решать, что тогда.

Остужев все-таки сел на кровать и взлохматил волосы.

— Джина, но все это низко, подло. Я должен убить его... — Он говорил и чувствовал, что совершенно опустошен и даже

не понимает, за что, собственно, он должен убить Наполеона. За то, что поверил словам Джини? Он любил ее, но не был дураком и понимал, что она могла лгать. — Я хочу с ним встретиться.

— Даже не думай напасть на командующего, Александр! — Она схватила его за руки. — Гренадеры порвут тебя в клочья раньше, чем ты успеешь до него дотянуться!

Остужев понимал, что она права. Вся сила бойца проявлялась в нем, лишь когда его жизни угрожала опасность. Он не мог даже защитить Джину. Дюпон говорил когда-то, что дар можно развить и применять по своей воле, но Александр не знал, как это сделать.

— Я просто хочу поговорить с ним.

— Это правда? — Джина присела и заглянула ему в лицо. — Прошу тебя, не ссорься с ним. Он тебя уничтожит. А сейчас иди, Бонапарт приказал мне позвать тебя.

Она поцеловала его в лоб и отошла. Не глядя на нее, пристыженный, Остужев направился к генералу. Его впустили в комнату, где тот вместе с подчиненными склонился над картой. Увидев Александра, Наполеон нахмурился, объявил перерыв и отвел гостя в сторону.

— Вот что я вам скажу, Остужев, — начал он, подчеркнув переход на «вы». — Вы злоупотребляете моим доверием и забываете, с кем говорите. Я ценю вас как секретаря, я благодарен вам за оказанные услуги, но и только. Прошу вас помнить об этом впредь.

— Скажите лишь одно: вы угрожали Джине? — спросил Остужев ровным, спокойным голосом.

— Я? — Бонапарт присвистнул. — Ловкая bestия. Может, влюбилась в вас? Нет, Остужев, мне нет нужды угрожать женщинам. Ведь, в сущности, они любят то же, что и мужчины: власть и деньги. И не делайте такое оскорбленное лицо. Вы

сами мне сказали, что не собираетесь делать ее своей. Что тогда случилось?

«Но я люблю ее!» — хотелось крикнуть Остужеву. Но он понимал, что всего лишь будет выглядеть смешно. Наполеон и так все видел. Одн раз Александр позволил себе выразить недовольство, и тот поставил его на место самым жестоким образом.

— Возможно, мы с вами еще поговорим как-нибудь по душам, — сказал Наполеон и даже положил руку Александру на плечо. — Возможно. Если вы убедите меня в своей преданности и оставите уже наконец свою детскую наивность. Не верьте Бочетти.

Он отошел, давая понять, что разговор окончен. Еще более униженный, Остужев вернулся в комнату, не зная, как и о чём говорить с Джиной, и обнаружил, что ни ее, ни ее веющей там больше нет. Тогда он вышел на улицу, чтобы немногого отдохнуться. Вокруг слышался многотысячный топот, это проходили мимо штаба передовые части, уже отправлявшиеся в сторону Италии. Войска должны были вторгнуться за Альпы несколькими колоннами.

Мимо проходил белобрысый босой мальчишка в форме артиллериста, тащивший куда-то ведро воды. Он негромко напевал что-то, и Остужев не сразу сообразил, что поет оборванец по-русски.

— Если-и-и е-е-есть что сказа-а-ать, ве-е-е-чером зде-е-есь бу-у-удь! — тянул Гаевский, совершенно перевоплотившийся. — Женщины-ы-ы тебя-а-а погубя-а-ат...

Отойдя на несколько шагов, он оглянулся и даже, кажется, подмигнул. Получалось, что расторопный Гаевский уже кое-что знает про последние события. Александр отвернулся от него, чтобы не привлекать внимания, сделал несколько шагов и наткнулся на Колиньи. «Коммерсант», которым он, вполне возможно, и в самом деле был, широко улыбнулся.

— Мсье Остужев! Я слышал от генерала, что вы здесь. Очень рад видеть!

— Я тоже счастлив, — не слишком весело ответил Александр. — А вот я слышал от генерала, что вы будете заниматься снабжением нашей армии в Италии?

— Я верю в военный гений Бонапарта, — с доверительной интонацией сказал Колиньи. — Сам не знаю почему, но верю, что эта армия пойдет за ним и принесет своему полководцу победу. Италию я знаю, это богатая страна. Войныываются очень прибыльными. Я говорю о победоносных, конечно же! Кстати, у вас тут с графиней Бочетти интрижка случилась? Правильно! Нечего время терять, пока молодой.

Этот укол Александр проглотил уже легко, даже с улыбкой. Всему есть предел, и чувству униженности — тоже. Колиньи оставался в Париже, виделся с Баррасом. Рассказал ли ему Баррас, что Остужев — человек Штольца и может быть связан с Дюпоном? Опасность не пугала, теперь она скорее притягивала. Саша сел на ступени рядом с выбежавшими покурить трубочку адъютантами. Раньше они симпатизировали ему, теперь поглядывали осторожно. Всем стало ясно, что Александр в опале.

Но он не замечал косых взглядов, он думал о Джине. Друг она или враг, когда лгала, а когда говорила правду? В самом ли деле ее запугал Бонапарт? Ему пришло в голову, что если он — беспредметник, способный к бою, а Гаевский — к перевоплощению, то почему бы Джине не уметь влюблять в себя мужчин? Вот только Наполеон при первой встрече легко ее проигнорировал, не складывалась такая версия. Остужев вздохнул и взял себя в руки. Следовало заняться работой, а потом встретиться с Антоном.

Теперь Наполеон держал его от себя подальше, демонстрируя немилость. Доклады, которые готовил Александр, надлежало

делать в письменном виде и оставлять адъютанту. Он работал до вечера, а с первыми сумерками спустился вниз. Почти сразу мимо прошел Гаевский, и Александр на расстоянии последовал за ним. Точку для встречи паренек нашел уютную — прямо за солдатским отхожим местом.

— У тебя что, обоняния нет? — в ужасе спросил Александр.

— Потерпи, — усмехнулся Антон. — На крыльце болтали, что Бонапарт забрал у тебя любовницу, а ты еще и возражать пытался. Александр, ты старше меня, но это же сумасшествие!

— Не твое дело, — мрачно буркнул Остужев. — Слушай, какие еще новости.

Кивая белобрысой головой, Гаевский выслушал сообщение и смачно сплюнул.

— Да, все это невесело. Но как ты мог влюбиться в Бочетти?! Ты разве забыл, что это она принесла Колиньи новость, после которой он кинулся в погоню за стариком Штольцем и убил его? Она сказала, что была его любовницей и он ее бросил! А ты и поверил! Она была его подручной и что-то наверняка знала, а такую Колиньи бросит разве что мертвой.

— Но она попала в тюрьму, — попробовал возразить Остужев. — Это не могло быть подстроено.

— Ты думаешь? — Антон усмехнулся. — Я, было дело, угадил в такое место именно потому, что это было подстроено. Ну, да ладно. И все-таки мне кажется, что Бочетти приставлена к Наполеону от Колиньи. Прости, но я думаю так. А шантажировал он ее или нет, это не важно — важно, что вы в ссоре и ты на подозрении. Я несколько раз прикидывал, как можно было бы добраться до этого маленького генерала и просто забрать у него предметы. Совершенно невозможно! А теперь у меня стойкое ощущение, что и Колиньи его охраняет. Люди, которые напали на вас возле Виши, возможно, все должны были умереть, чтобы напугать его.

— И почему, по-твоему, Бонапарт стал договариваться с Колиньи, когда узнал об этом? От страха? Нет, он не такой, напугать Наполеона непросто. — Остужев не выдержал, достал из кармана платок и прижал к лицу. — Глаза режет, Антон!

— Это должно тебя отрезвить, согласно моим расчетам! Пленный и правда мог рассказать ему кое-что. — Гаевский немного подумал. — Послушай, а как ты считаешь, Бонапарт — игрок? Есть такие люди. Дюпон как-то раз говорил о них, я потом присматривался к людям — правда. Игрок бесстрашен, и хотя играет ради приза, все равно главное — игра. Помнишь, ты рассказывал, каким подавленным был Бонапарт в отставке? Это потому что его вывели из игры. Если я прав, то он играет с Колиньи. Союз они, может быть, и заключили, но для Бонапарта он ничего не значит. И про Бочетти он много знает, однако увел ее у тебя не только для того, чтобы тебе насолить, но и чтобы с Колиньи поиграть. Дать ему почувствовать контроль над собой! А на самом деле — использовать.

— И как же он может его использовать?

— Да хоть как! Ты понимаешь, зачем армия отправилась в Италию? Не для того, чтобы Республику защищать. Бонапарт идет грабить, потому что, несмотря на свою славу и положение, беден, как церковная мышь. — Гаевский, казалось, вообще не чувствовал запаха. — Чем-то он мне нравится, этот Бонапарт. У него большая семья, если не забыл, а с Корсики ему пришлось бежать, бросив имущество. В Италии он хорошо наживется, вот тут и пригодится Колиньи. Он ведь и правда крупный коммерсант, один из богатейших людей Франции. Просто никогда не выставляет напоказ свое богатство. У него связи, у него сеть агентов. Понятно, кому он всем этим обязан, но какая разница? Если Бонапарт победит австрийцев, то будет сказочно богат.

— Прости, Антон, но я больше не могу! — взмолился Остужев. — Отпусти меня. Я уже отрезвел. Последний мой вопрос: что насчет Дюпона? Где он?

— Не знаю, — развел руками Гаевский. — Но уверен, что где-то рядом, потому что вчера я мельком видел Мари. Наша крошка трется где-то в обозе, но поговорить мы пока не смогли. Ладно, мне тоже пора — я ведь в нашей батарее как юнга на корабле, только и успеваю на посылках бегать, да пушки наряживать непонятно зачем.

Они расстались. Остужев засунул пропахшую вонью одежду в мешок и завязал покрепче. До тех пор, пока она не будет постирана, он и помыслить не мог ее надеть. Сам с наслаждением помылся и действительно почувствовал себя отрезвевшим.

— Я все еще мало что понимаю. В мужчинах. В женщинах. В политике. В войне. В игре, в которую ввязался. Даже в себе я пока мало что понимаю. Поэтому главное — быть осторожным, ничего самостоятельно не предпринимать, и ждать Дюпона, — сказал он сам себе. — Только он сможет разобраться в том, что произошло.

Утром протрубыли поход. Штаб вместе с частью армии тоже выступал. Война началась, и хотя для австрийцев и пьемонтцев, с которыми предстояло сразиться, это не явилось сюрпризом, в Италии стало тревожно. Доходили вести, что союзники собрали большую армию. По словам адъютантов, у Бонапарта имелся гениальный план, который должен был помочь разбить врагов по частям. Противники не знали, по каким дорогам пойдут колонны, какова их численность, и разместили войска так, чтобы перекрыть все направления. Бонапарт же собирался неожиданно собрать части своей армии в кулак и бить раздробленного противника наповал.

— Солдаты, вы не одеты, вы плохо накормлены... — Наполеон не любил говорить речи, но несколько слов перед

выступлением надо было произнести. — Я хочу повести вас в самые плодородные страны в свете. Там вы получите все то, чего не смогла дать вам Франция. Вы пойдете и возьмете все, что вам нужно!

Солдаты ответили дружным ревом: «Слава генералу Бонапарту!»

Так и началась Итальянская кампания. Наполеон повел свой штаб самым опасным, хотя и самым коротким маршрутом. Они двинулись через Приморскую гряду, по знаменитому Карнizu. Далеко внизу синело Средиземное море, а здесь, на пугающей высоте, порой по узким и весьма опасным местам, иногда пешком пробирались генералы, предводительствуемые лично командующим армией. Приходилось на руках переносить кареты и повозки через каменные завалы. Точно такой же камнепад мог начаться в любой момент и похоронить все планы Наполеона, но он лишь улыбался, когда его просили быть осторожнее. В довершение ко всему внизу появились корабли британского флота. Они в любой момент могли начать обстрел колонны, и хотя на такой высоте достать французов было бы не просто, риск оставался вполне реальным.

«И все-таки он игрок, Антон прав, — думал Остужев, перенося пачки карт и документов, чтобы разгрузить одну из штабных повозок. Лошади не справлялись с грузом на подъёме. — Не тот игрок, который играет с судьбой в орлянку, а тот, который предпочитает шахматы. Давай, Саша, набирайся опыта, а то юнец Гаевский лучше тебя все понимает!»

Они шли четыре дня и девятого апреля 1796 года спустились на земли Италии, подобно тому как это сделал когда-то Ганнибал, пришедший завоевать Великий Рим. Разведка донесла, что враг стоит тремя группами на пути в Пьемонт и Геную. Наполеон, который всегда заранее продумывал все варианты поведения противника и имел готовые ответы, не медлил

ни минуты. Войска Бонапарта собирались вместе и атаковали центральную группу. Александр впервые видел настоящее сражение, находясь неподалеку от штабной палатки. Его подмывало кинуться искать Гаевского, но вестовые сообщали, что артиллерия австрийцев бьет неудачно. Французы атаковали с неистовством. Голодные и раздетые солдаты набросились на сытых противников, словно стая волков. Все было решено в несколько часов, австрийцы потерпели сокрушительное поражение. А потом началось мародерство — солдаты Бонапарта снимали с трупов добротные сапоги, обчищали карманы. Командующий не мешал. Только обоз армии противника немедленно был взят под контроль специально выделенными частями, руководил которыми лично Колиньи.

— Отдых будет кратким! — донеслись до стоявшего в паре десятков шагов Александра слова Наполеона. — И проследите, чтобы солдаты не праздновали победу, а хорошенько выспались. Все только начинается!

Бочетти, как и другие женщины, отправившиеся с армией, находилась в обозе, который пока не подоспел. Александр и рад был этому, и не мог не заметить: он скучает. Время от времени мысли сбивались, и он начинал про себя сочинять совершенные небылицы, оправдывавшие все ее поступки. А иногда ему просто хотелось ей верить. Тогда он умывался ледяной водой из горных речушек, и разум вступал в свои права. Она лишь хотела получить Остужева, чтобы подобраться ближе к Наполеону. Но все сложилось куда удачнее для нее, и теперь опальный секретарь ей не нужен.

Спустя два дня, при mestечке Миллезимо, состоялось второе сражение. На этот раз Бонапарт налетел на пьемонтцев, которые не успели соединиться с остатками австрийской группировки. Австрийцы спешили на помощь, но опоздали. Разгром был страшным — пушки Наполеона убивали итальянцев сразу

сотнями, как казалось наблюдавшему Остужеву. Пять батальонов с тринадцатью орудиями целиком сдались в плен, остальные рассеялись, не пытаясь сопротивляться. И снова грабеж! Солдаты ликовали и прославляли своего героя. Досталось и Миллезимо, хотя мирных жителей Бонапарт по возможности защитил.

После этой битвы Александр смог отыскать батарею Гаевского, а точнее, ее позиции. Сама батарея уже ушла, но у одной пушки лафет был разбит попаданием ядра, и Антона оставили сторожем.

— Они думают, кто-то придет и украдет пушку! — потешался Гаевский над своими товарищами-артиллеристами.

— Зря смеешься! — Александр присел рядом с ним на еще теплое орудие. От удара оно скатилась в небольшой овраг, и их никто не видел. — Если Бонапарт узнает, что пушку оставили без присмотра, расстреляет командира батареи. Ты не смог увидеться с Мари?

— Смог. В день, когда вышли в поход. Потом обоз отстал, а туда, где людей разрывает на части, и Дюпон ее не пустит, и сама она не пойдет. — Антон погладил пушку. — Она ведь неженка, наша Мари. Я все ей передал, но ответ придет нескоро. Где сам Дюпон, я не знаю. Где-то недалеко.

— Тебе нравится война? — спросил Остужев, глядя на труп лошади, тоже упавший в овраг. — Десятки тысяч людей сходятся вместе и убивают друг друга. Это отвратительно.

— Зато весело! — возразил Антон. — Правда, весело только в сражении, а как мы намаялись с этими пушками в горах...

— Что же веселого? — Более взрослому Александру хотелось объяснить Антону, что тот не прав. — Посмотри, сколько трупов! И что хуже всего, мы на стороне агрессора. Это мы пришли на земли Пьемонта. И пришли, чтобы грабить, ты сам говорил.

— Все равно весело! — заспорил Гаевский. — Как пушка жахнет, уши закладывает! А уж если жахнет их пушка и ядро близко ляжет... Меня землей закидало так, что еле откопался. Пока руки-ноги не ощупал, не верил, что цел. А что люди убивают друг друга... Дюпон говорит, что люди иначе не могут. Даже если бы не было предметов, людей вела бы жадность. Разве не так?

— Так, только ничего хорошего в этом нет, вот о чем тебе стоит помнить. Ты давно убежал из дома?

— Давно. — Все еще пьяный от боя Антон поморщился. — Я им пишу иногда. У меня там брат и сестра остались, будет кого родителям воспитывать. А мне здесь лучше. Не хочу возвращаться. Россия под царем, а я не люблю царей, королей и прочих императоров. Вот во Франции хорошо: свобода! Просто им нужно порядок навести, но все равно так лучше, чем когда люди всего боятся. Я верю в будущее Франции, хочу остаться тут навсегда. И арков мы однажды отсюда выгоним обратно в Британию. А потом и там их достанем, веришь? Я верю!

Он все еще оставался мальчишкой, несмотря на множество стран и переделок, в которых побывал. Остужев положил руку ему на плечо и рассмеялся, Антон тоже захохотал. Сам Александр в его годы мечтал бы о такой жизни — тайны, приключения, настоящие опасности. И почти никакого присмотра, потому что Дюпона едва хватало на то, чтобы следить хотя бы за Мари, которая все равно здесь, потому что игра, что ведется против арков, слишком важна.

— Ты никогда не видел этих демонов?

— Арков, или прозрачных? — Антон вздохнул. — Нет. Да и какой смысл к нам приходить? Они давно поняли, что люди Дюпона не продаются и обмануть их тоже не получится. Хотя как знать? Иногда мне хотелось бы, чтобы они пришли ко мне,

во сне или наяву. Ты знал, что они могут приходить во снах? И утром будешь помнить весь разговор, вот так. — Антон наслаждался осведомленностью. — А еще есть какие-то порталы, в древности построенные. С их помощью можно из одной части света в другую попадать. Но про это мне почти ничего не известно... Мари знает, но не говорит.

— А она знает от Дюпона? — Александру совсем не понравилось, что даже у людей внутри их тайной организации есть секреты друг от друга. — Почему же он тебе не рассказал?

— Обещал потом. Ну а Мари он поведал все, он же ее совсем девочкой еще знал, родителей ее, дядю. Дядя работал с ним, а потом погиб. Вся семья Мари погибла, она ему как дочь.

— Ну вот, а ты радуешься, как все весело. Война с арками, война с итальянцами, с пруссаками, революция, террор! — Остужев в шутку дал ему подзатыльник, сдвинув кивер на глаза. — Тебе надо взрослеть!

— Тебе тоже! Вспомни свою Бочетти. Ты же едва цел остался, а мои забавы тебе, значит, не нравятся?

Антон, снова хохоча, надел кивер ровно. И в ту же секунду его сбила пуля. Остужев, схватив мальчишку за плечо, бросил его на землю, за пушку. Сам быстро перекатился в сторону, заставил в кустах — теперь его дар «включился», как ему и полагалось. Вот шевельнулась высокая трава... Враг там! Резкими, сбивающими с толку любого стрелка прыжками он двинулся в том направлении. Несколько пьемонтцев, подданных короля Сардинии, судя по всему, во время бегства заблудились в горах. Им ничего не оставалось, как вернуться назад, на поле боя, чуть в стороне от которого они и обнаружили двух французов. То, что один из них одет в штатское, а второй почти ребенок, не помешало солдатам попытаться их подстрелить. Вот только ружье у пятерых воинов после бегства осталось лишь одно. Сейчас его лихорадочно заряжали.

Александр почувствовал, что не хочет никого убивать. Он просто пошел на них во весь рост, твердо зная: они не успеют зарядить оружие. Так и вышло — двое вдруг стали рвать ружье друг у друга, считая, видимо, что товарищ действует слишком медленно. На земле валялся артиллерийский банник для чистки стволов от нагара после выстрела. Остужев ногой подбросил его вверх, поймал и принялся просто избивать напавших. Ружье отлетело в сторону, за ним последовали две сабли. Спустя полминуты изрядно поколоченные враги ударились в бегство. Остужев бросил банник, обернулся и увидел Гаевского с пистолетом в руке.

— Я бы выстрелил! — Оружие плясало в дрожащей руке. — Но ты так быстро двигался... Я боялся попасть в тебя!

— Ну и правильно, что не выстрелил, — похвалил его Остужев. — Не всегда надо использовать пистолет в руке. Видишь, и так обошлись. Хотя если бы я знал, кто в тебя стрелял... Стоило и прикончить негодяя.

— Да любой мог! Это же война! — Гаевский снова улыбался. — Смешно получилось! А парням в батарее я расскажу такую историю, что долго будут вспоминать!

— Им бы вот этим банником тоже по головам настучать! — строго сказал Александр. — Чтобы не оставляли тебя одного.

— Все, мои едут! — Гаевский уловил чутким ухом приближение лошадей, везших новый лафет взамен разбитого. — Рад был тебя видеть, Саша. Держись там!

Остужев пошел прочь, туда, где привязал коня, искренне надеясь, что какие-нибудь пьемонтцы не похитили несчастное животное. Потом он вернулся в штаб, где его отсутствия, кажется, никто и не заметил. В связи с активными военными действиями Бонапарт совсем перестал давать Александру задания, и в чем цель его путешествия с армией, стало совсем уже непонятным. Судя по всему, генералу было

просто некогда о нем вспомнить и отослать на все четыре стороны.

Грабеж Италии, которого так все ждали, начался. С Сардинией был заключен унизительный мир, за который ей предстояло расплачиваться еще долго. Оставшиеся в одиночестве австрийцы огрызались, но вынуждены были отступать, дожидаясь подкреплений из Вены. Герцог Пармский держал нейтралитет, но ему это не помогло. Бонапарт обвинил его в пособничестве врагам, и, как герцог ни отказывался от этого, ему пришлось расплатиться. Сила диктовала, остальным оставалось подчиняться. Два миллиона франков золотом и тысяча семьсот лошадей — это было то, что Наполеон взял с Пармы для начала. Пока предстояло еще повоевать с австрийцами.

Армия ликовала. Из Ниццы ехали добровольцы, и офицеры, и солдаты — слухи о разделе толстого пирога, крошек с которого хватает даже рядовым, быстро дошли до Франции. Из Парижа слали приветственные письма со стихами в честь триумфатора. Но все только начиналось. Армия двигалась вперед со стремительностью, которая бы восхитила и Александра Македонского. У местечка Лоди десятитысячный отряд гонимых австрийцев дал отчаянный бой у моста. Двадцать пушек не позволяли не только перейти через реку, но даже попасть на мост. Это нарушило планы Бонапарта, и он снова показал свой характер упрямого игрока: во главе grenадеров сам бросился под пули с саблей в руке. Воодушевленные его храбростью, его львиным сердцем, а на деле — львом на его шее, солдаты обогнали невысокого генерала и выбили австрийцев с моста.

Австрийцам оставалось только отступать, а Наполеон не позволял им остановиться, чтобы перегруппировать силы, дождаться подкреплений и дать сражение, — тактика, которой он потом пользовался множество раз. Пятнадцатого мая армия вошла в Милан, один из богатейших городов раздробленного

на маленькие страны полуострова. Ломбардия пала к ногам Бонапарта, о чем он гордо доложил Директории. Колиньи получил полную свободу действий, и во Францию начали отправляться картины, статуи, даже мебель — Колиньи исполнял свое обещание. С этого момента о нищем генерале Бонапарте и его бедствующей семье можно было забыть навсегда. Не отставали и другие военачальники, такие как высокий Ожеро или сразу приглянувшийся Бонапарту Мюрат. Что же до обычных нужд армии в военное время, то тут и говорить было не о чем: входя в селения, французы реквизировали все, что им приглянулось.

Здесь, в Милане, Остужев вновь увидел Бочетти. Джина в компании других женщин, доставлявших удовольствие генералам и офицерам верхушки армии, прогуливалась по улицам под охраной роты солдат. Любовницы военных блестали золотом, щеголяли в дорогих нарядах. Их мужчины нажились на войне так хорошо, что хватило и отправить подарки женам, и набить карманы, и умаслить временных подруг. Дамы то смеялись, то восхищались вдруг каким-нибудь архитектурным памятником. Окружающих их злых, униженных и ограбленных миланцев они просто не замечали, надежно защищенные острыми штыками гренадеров. Все это выглядело настолько отвратительно, что Остужев решил немедленно уйти. Но, уже поворачивая за угол, бросил на Джину последний взгляд и встретился с ней глазами. Она уже не смеялась, она стояла растерянная и печальная, глядя ему вслед. Он все же зашел за угол, но там прислонился к стене и минут пять приходил в себя. Александр не мог освободить свое сердце от чувства, что крепче кандалов.

Вечером солдат принес ему тайное письмо от нее. Остужев вскрыл конверт и долго сидел, читая и перечитывая строчки, написанные красивым почерком. Джина даже надушила

бумагу, и Александру хотелось поцеловать каждую буковку, но главным являлось содержание. Он получил признание в любви, исполненное горечи. По сути, это было прощальное письмо. Она писала, что сама себя презирает, что понимает презрение Александра и то, почему между ними не может быть ничего общего. И в то же время Джина признавалась в любви. Она несчастная, запуганная и запутавшаяся женщина, дороги назад для нее нет. Итальянка просила Александра вовсе не думать о ней, потому что хорошо он о ней не сможет думать никогда. Она просила прощения и прощания. О, чего только не было в этом письме на нескольких страницах. Были там и расплывшиеся буквы, будто впитавшие в себя ее слезы. В конце она прощалась с ним навсегда, добавляя, что все равно долго не вынесет такой жизни.

Годы спустя, получи Остужев такое письмо, он хотел бы до упада. Точно так же, как смеялся бы сейчас над этим опусом мсье Дюпон, вот только Дюпона рядом не было. Не было и Карла Ивановича Штольца, который смеяться бы, конечно, не стал в силу мягкости характера, но смог бы многое объяснить. Александр остался один на этой войне, и единственным, к кому он мог обратиться за советом, был мальчишка Гаевский, которого самого следовало многому научить.

Александр не мог ждать ни секунды. Он бегом бросился искаль принесшего письмо солдата и нашел его очень быстро — тот не стал далеко уходить. Он встретил Остужева достаточно мерзкой улыбкой, но Александр ее не заметил.

— Я должен встретиться с графиней Бочетти! — горячо зашептал он на ухо солдату. — Обязательно должен с ней встретиться, понимаешь?

— Да понимаю! Понимаю я! — Тот притворно вырывался. — Только знаете, что мне будет, мсье, лишь за то, что я вас слушаю? Сам генерал Бонапарт приказал мне охранять графиню,

лично! Скоро моя смена, через час. У Бонапарта совещание, завтра, наверное, снова в поход против австрийцев. И вы думаете, что я могу предать своего любимого генерала?

— Я не это имел в виду! — взмолился Остужев. — Дай мне поговорить с ней, просто поговорить! Можешь смотреть через открытую дверь.

Гренадер присвистнул и сдвинул кивер на ухо.

— Нет, я такими вещами не занимаюсь! За кого вы меня держите, мсье? Вот если вы мне пообещаете... — он показал раскрытую ладонь, — пообещаете, вашим честным благородным словом, что просто поговорите и никто больше этого не узнает, тогда я, может, и мог бы не заметить вас.

— Я приду. Через час у тебя смена? Я приду через час! — Остужев бросился к себе, но подумал, что они еще не договорились, и вернулся. — Я принесу денег.

— Ну, воля ваша, — кивнул солдат с мрачным выражением лица. — Я еще, конечно, подумаю. Но вы приходите и приносите.

Остужев принес ему почти все деньги, что у него оставались. Он, возможно, был единственным человеком при штабе, который не нажился, а наоборот, сильно обеднел на этой войне. Принимать участие в грабежах Остужев не мог, получать «подарки» от запуганных местных жителей тоже. Он за все платил из собственного кармана, и итальянцы, имея всего одного покупателя, драли с него в тридорога.

Гренадер, который уже получил мзду от Бочетти за то, что пропустит Остужева для разговора, если тот придет, немного помялся и деньги от него принял, тут же спрятав их поглубже в сапог.

Робко постучав, Остужев вошел в покой любовницы Бонапарта. Его поразила роскошь обстановки — неужели Наполеон все это подарил ей? То, что Бочетти сама придирчиво выбирала

каждый предмет, даже не пришло ему в голову. Джина выглянула из спальни, сделала испуганное лицо, прижала палец к губам и лишь десять минут спустя вышла к Остужеву, в строгом платье, аккуратно причесанная.

— Зачем вы пришли, сумасброд! — взмолилась она, упав на кушетку. — Я же написала вам, что прошу простить меня и оставить моей судьбе!

— Джина, решайтесь! — Остужев пришел не для подобных разговоров. — Вам нужно бежать, и я готов бежать с вами. Это не так просто, у меня есть друзья, которых я не могу бросить. Но главное — решиться. Дальше мы что-нибудь придумаем вместе. Невозможно оставить вас в таком состоянии, в таком окружении. Не могу проститься с вами вот так. Я люблю вас, Джина!

— Александр, давайте будем на «ты»? — Она, несколько удивленная, села ровнее. — Послушай, я тоже тебя люблю. Но между нами — Наполеон Бонапарт. И ни тебе, ни мне его не обойти. Давай поговорим как друзья. Пожалуйста, не мучь меня. Сядь рядом.

Он присел, и Джина вдруг схватила и поцеловала его руку.

— Это глупо, но я счастлива, что ты пришел! Только ты говоришь ерунду. От Бонапарта не сбежать.

— Ты замечала, что он носит на шее серебристые фигурки? — вырвалось у Александра против его воли. — Ты видела их? А может быть, слышала что-то и от Колиньи?

Бочетти отпустила его руку и замолчала, уставившись в пол и наморщив лоб. Он пытался звать ее, осторожно тряся за плечо, но минуты три женщина совершенно не обращала на него внимания. Он совсем растерялся и просто сидел, глядя на нее. Потом, что-то решив для себя, Джина очнулась.

— Саша, ты предлагаешь мне перейти на вашу сторону, правда? — спросила она. — Скажи, что это так. И что ты

простишь мне все. Пусть не сразу. Я готова поверить тебе и пойти за тобой. Но если ты этого не хочешь, лучше откажи сейчас. Не убивай меня ложью.

Разум Остужева помутился. Теперь уже он застыл, только смотрел не в пол, а в ее прекрасные глаза, жаждущие немедленного ответа. Но не было ни дыхания, ни мысли, а лишь ощущение, что наконец-то между ними все будет ясно, чисто и хорошо.

— Да или нет?

— Да, — хрипло шепнул он. — Тысячу раз да! Джина, мы поговорим обо всем потом, и если ты будешь со мной откровенна, то я прощу тебе все, если и ты простишь меня! Мы будем говорить обо всем.

— Мы будем говорить обо всем. — Она улыбнулась и поцеловала его в щеку. — Да, Саша. Только сначала надо лишить это чудовище предметов и не допустить, чтобы ими завладел Колиньи. Он еще хуже! Саша, ты поможешь мне? Я слабая женщина, я не справлюсь с ним одна. А надо еще обмануть шпионов Колиньи.

— У меня есть друзья! — воодушевленно прошептал Остужев, мечтая еще хоть об одном поцелуе. — Они помогут. Я потом расскажу тебе о них.

— Тогда свяжемся завтра, через этого типа, — Джина кивнула на дверь. — А сейчас уходи, не стоит больше рисковать. И послушай... Не спеши говорить друзьям о нашем плане, хорошо? Я их не знаю, я боюсь. Господи, я уже всего боюсь!

Он получил еще один поцелуй, в губы. Потом, часто обворачиваясь, дошел до двери, открыл ее и увидел быстро идущего навстречу Бонапарта. Гренадера, что стоял у дверей, нигде не было видно. Зато здесь находились с десяток других.

— Что это значит, Остужев?! — закричал, бешено раздувая ноздри, Наполеон. — Что все это, черт возьми, значит?!

И тогда раздался истошный женский визг из комнаты. Александр оглянулся и увидел Джину в разорванном платье. Из тонкой ноздри стекала алая капля крови. Она протянула руки к двери.

— Наполеон! Не дай ему остаться безнаказанным! Я не предала тебя, Наполеон!

Крепкие руки гренадеров схватили Остужева, и у него второй раз за вечер помутилось сознание.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

СПАСЕНИЕ И ЛЮБОВЬ

Остужева, в очередной раз так ничего и не понявшего, арестовали по обвинению в насилии над дамой. Последнее, что он слышал, это глухой голос Бонапарта за закрывшейся дверью в покой Бочетти, он что-то резко выговаривал ей. Потом кто-то из особо ретивых гренадеров не выдержал и ударил Сашу кулаком в висок. В себя он пришел уже в камере.

Миланские тюрьмы были переполнены. Французы моментально задерживали всех подозрительных, а отпускать не спешили. В камере яблоку было негде упасть, и поэтому Александр не лежал, а стоял. Он удивился — потерявшим сознание все же полагается лежать. Оказалось, что его бережно поддерживает плечистый парень лет шестнадцати с простым, даже простецким лицом.

— Очнулся? — Парень явно обрадовался. — Хорошо, а то я звал-звал доктора, а они то ли не хотят его пригласить, то ли не имеют, то ли не понимают... Да их самих не поймешь, французов этих, верно?

Для гудящей головы Александра каждое слово этого громкоголосого заступника звучало как новый гренадерский удар. Он кое-как закрепился в вертикальном положении, осторожно потер

виски. Вокруг тоже говорили, и говорили громко, по-итальянски. Это было невыносимо, но Остужев сразу понял, где находится. Если так, деваться некуда.

— Ты по-русски говоришь, что ли? — спросил он товарища по несчастью.

— А по-каковски еще? Некогда было языки учить. Как батя из дома прогнал, так и мотаюсь из одной страны в другую. Прям как голь перекатная.

— Один убежал, другого выгнали — что у меня за соотечественники?.. — все еще плохо соображая, пожаловался Остужев и повнимательнее рассмотрел собеседника. — Ты кто?

— Байсаков, Иван Иваныч, — добродушно представился парень. — А ты?

— А я Остужев, Александр Сергеевич. — Он наконец осмотрелся как следует, еще раз все припомнил и застонал уже не от боли, а от душевных мук. — Байсаков... Либо она меня спасет, либо пусть лучше я умру здесь.

— У тебя тут девка есть? — Байсаков явно был рад возможности поговорить. — Хорошо тебе. Мне тоже здешние девки понравились, правда, я их видел-то, лишь пока по городу тащили.

— За что ты здесь? — спросил Остужев скорее из вежливости. — И как вообще тебя в Италию занесло?

— Это целая история! — пробасил Иван Иванович. — Сперва меня папаша из дома выгнал. За то, что я ему перечил. Много раз выгонял, а тут я подумал: возьму да уйду. И далеко ушел, до самых Кавказских гор. Море хотел посмотреть. Посмотрел, а тут турки меня и поймали. Ну, не сразу, конечно, сперва-то я их бил, а потом еще прибежали и скрутили-таки. Побили, а потом другим туркам продали, вроде как раба христианского. Прямо в город Истамбул, точно говорю!

— Байсаков, — прервал его Остужев, — а тут пить дают?

— На прогулку выведут — пей, там фонтан есть. Скоро уже прогулка. А вот кормят только с утра. — Байсаков этим фактом явно был удручен даже больше, чем своим пребыванием в тюрьме. — И кормят, знаешь ли, паршиво. Меня мамлюки в Египте лучше кормили. А французы эти жмоты хуже мамлюков. Знал бы, стал сам мамлюком, как просили.

— Помолчи, пожалуйста, — попросил Остужев. — Мне надо кое о чем подумать.

Парень послушно замолчал, а вот итальянцы продолжали галдеть, как на рынке. Но с ними договориться было невозможно, и Остужев попробовал просто отрешиться от них, забыть, что почти выучил итальянский. Джина могла так поступить для того, чтобы спасти свою репутацию, оставаться с Наполеоном и потом выручить из тюрьмы Александра. Или — потому что всего лишь затевала какую-то игру и он ей совсем не был дорог. Она что-то знала о предметах, значит, и правда была подружкой Колиньи, а не просто любовницей.

Раздался новый, отвратительный шум: заскрежетал замок, который открывал охранник. Десяток французских пехотинцев выгнали арестантов в тюремный двор, пыльный и жаркий. Итальянское солнце пекло Остужева по больной, ничем не прикрытой голове. Он поисками глазами фонтан. Таковой имелся, но вокруг него уже столпилось человек тридцать. Никто не хотел ждать, тут же начались драки.

— Вот, так они всегда! — пожаловался Байсаков. — Если бы просто все в очереди стояли, ведь быстрее бы напились, и все успели! А так — половина вернется, не попив, и потом опять драка.

— Как жарко... — Остужев прикрыл больную голову руками.

— Жарко? Нет, Александр Сергеевич! Вот в Египте было жарко. Даже мамлюки с коней падали, а я ничего. О, да ты шатаешься. Надо тебе водички, идем быстрей.

Распихивая итальянцев не по годам широкими плечами, Байсаков потащил Александра к фонтану, если так можно было назвать довольно грязное сооружение с неизвестно откуда бегущейся водой. Это никому не понравилось, и со всех сторон на Ивана обрушился град тумаков. Однако он, лишь прикрывая лицо, никому не отвечал.

— Тут с ними подерешься — хуже будет, я уже пробовал! — сообщил он на ухо Остужеву. — Ну, давай, пей.

Саша потянулся к фонтану, но тут же получил затрещину — коренастый итальянец с огромными зубами, весь в рванье, закричал ему что-то про уважение к старшим. Остужев развел руками, попытался извиниться, с трудом подбирая итальянские слова, и получил еще один удар, на этот раз кулаком в нос. Способность к драке отчего-то никак не просыпалась, то ли из-за удара по голове, то ли из-за отсутствия угрозы жизни.

— Ну, хватит! — Байсаков выпустил его и начал бить налево и направо. — Пей, Александр Сергеич, пока французы не нападали!

Вода! Остужев пил долго, стараясь исподлобья все же наблюдать за происходящим. Впрочем, следить было особенно не за чем: Байсаков обладал какой-то медвежьей силой и разбрасывал всевозможных оборванцев и разбойников, собранных французами в тюрьме, удивительно легко. Мало кто решался подойти к нему второй раз, и совсем никто не хотел третьей попытки. Однако вскоре раздался выстрел, потом еще один. Итальянцы легли на землю, присел рядом с Остужевым и Байсаков.

— С французами осторожнее! — снова сказал он. — Звери!

К ним уже бежали гренадеры, до того кутившие трубку у стены. Немного освежившийся Остужев понял причину их проворности — во дворе на шум драки появился их начальник,

маленький усатый капитан. Он тоже быстро шагал к ним на коротких кривых ногах, придерживая рукой кавалерийскую саблю.

— Дай, я с ними поговорю, — шепнул Остужев Байсакову и начал по-французски: — Мсье! Произошло недоразумение, мсье! На нас напали!

Гренадеры, услышав правильный французский выговор, чуть убавили прыти и подошли к ним уже шагом.

— Опять этот медведь! — недовольно проворчал старый усатый солдат. — От него одни неприятности.

— Когда дрались итальянцы, вы не вмешивались, — заметил ему Остужев. — Вы вообще не следили за порядком, мсье. Я должен вам это сказать, как офицер армии Республики.

— Никакой ты не офицер! — до них дошагал наконец и капитан. — Ты насильник. Нашел себе приятеля, да? Этот каналья уже покалечил тут несколько человек, и я не собираюсь этого терпеть! Мы цивилизованная нация, и даже в итальянцах есть капля культуры, а этого азиата следует расстрелять.

— Позвольте, капитан, я никого не насиливал, до вас дошли ошибочные известия. — Остужеву совсем не понравилась такая репутация. — Произошло недоразумение, но об этом лучше знает генерал Бонапарт.

— О да. — На капитана сказанное не произвело никакого впечатления. — Генерал Бонапарт мне вас и прислал. Приказано не жалеть, но и не расстреливать. Зачем вы мне такой нужны, а? Ни то, ни се. Вот что я придумал! Ведите их обоих в карабулку и дайте для начала по паре десятков шомполов.

— Ну вот, опять! — взревел Байсаков, услышав знакомое слово. — Я же говорил, зверье эти французы!

— А остальных обезьян загоните в клетку, хватит гулять, — распорядился капитан и странно посмотрел на Остужева. — Я жду распоряжений на твой счет. И знаешь, что я думаю о том,

почему их нет так долго? Потому что нашему любимому генералу некогда изобрести для тебя наказание полюбопытнее. Я бы отрезал тебе кое-что и заставил сожрать, но я человек простой, без фантазии. Думаю, будет что-то интересное. Но пока шомпола не помешают. В караулку!

Покалывая узников штыками, обоих погнали к серому приземистому зданию в углу тюремного двора, завели внутрь, в узкое длинное помещение с лавками вдоль стен. Обоих обнаружили до пояса и ремнями привязали к скамьям. Два солдата достали шомполы и подготовились начать экзекуцию, остальные столпились напротив.

— Я что, слова выговариваю как-то неправильно? — лениво спросил капитан. — Я сказал: загнать остальных обезьян за решетку! Или я сперва вас, обезьян, должен туда загнать? Задумайтесь, почему, пока другие завоевывают Италию, вы торчите здесь, в тюрьме.

Раздосадованные солдаты лениво потянулись к выходу.

— Капитан, а почему вы здесь торчите, пока другие завоевывают Италию? — спросил привязанный к скамье Остужев, подозревая, что терять ему уже нечего. — Я знал нескольких капитанов, которые уже успели стать полковниками со времени начала кампании. Я уж не говорю о посылках, которые они отправляли домой, и о прекрасных ломбардийках!

— Я здесь, потому что мне можно доверить это заведение, — мрачно объяснил капитан. — Хотя ты прав, обошлись со мной несправедливо. Поэтому ты получишь не двадцать, а тридцать шомполов.

— Он сказал — тридцать? — Байсаков вовсе не был так глуп и нелюбопытен, как могло показаться на первый взгляд. — А я говорил тебе, Александр Сергеевич, от французов все зло. Зверье!

— Помолчи, пока и тебе не прибавили.

Остужев почти хотел этой боли. Слишком болело сердце, да и голова тоже. Но ничего так и не произошло.

— Добрый день, мсье!

Он вывернулся и увидел рядом с капитаном двух милых девушек, которые держали четыре пистолета. В одной он без труда узнал Мари, во второй не узнал, но угадал Гаевского. Солдаты, стоявшие над узниками с шомполами, с тоской посмотрели на ружья, но Антон быстро шагнул между ними и оружием. Капитан, увидев совсем юных девушек с пистолетами, впал в оцепенение.

— Предупреждаю сразу: терять нам уже нечего, — заговорил Гаевский басом, и это произвело впечатление даже на бывалых солдат, которые разом вздрогнули. — Поэтому в случае сопротивления стрелять будем сразу. Вас трое, у нас четыре пистолета, еще и пулю сэкономим.

Мари, впрочем, один пистолет положила, чтобы вытащить из-за пояса нож и освободить Остужева. Александр сел, накинул рубашку и встретился глазами с печальным взглядом Байсакова.

— Да не оставим тебя, Иван Иваныч, — вздохнул он. — Дай мне пистолет, Мари, и освободи этого скитальца.

— Тоже из наших краев? — по-русски удивился Гаевский. — Из нас пора полк формировать.

— А ты чего девкой оделся? — спросил Байсаков, которого только еще начала освобождать Мари. — Не стыдно, а? Хуже скомороха. Смотреть противно.

— Мари, а может, мы его оставим? — тут же предложил Антон. — Пусть не смотрит.

Девушка ничего не ответила. Когда Байсаков освободился, он первым делом взял ружье, не забыв отобрать и шомпол у солдата. Остужев к тому времени уже оделся и разоружил все так же пребывавшего в оцепенении капитана.

— Нет, мой друг, — сказал он ему. — Вам даже и такое за-ведение доверить нельзя. Теперь надо связать их и быстро уходить.

Гаевский усмехнулся Мари.

— Вот я тебе говорил: как только освободим, начнет коман-довать. Он же старше, ты понимаешь? Он умнее.

Мари снова промолчала, только качнула головой в сторону двери. Не той, что вела в тюремный двор, а другой, выйдя че-рез которую можно было оказаться на свободе.

— А связать этих? — Гаевский кивнул на солдат и капита-на. — Зачем нам выстрелы в спину?

— Можно не связывать! — важно сказал ему Иван. — Мож-но вот так!

Он прошел мимо трех французов, на ходу отвешивая им удары в челюсть. Все трое попадали без сознания.

— Папаша научил, — пояснил Байсаков. — Это на себе про-чувствовать надо, тогда понятно, как бить, чтобы не зашибить совсем.

Гаевский посмотрел на Остужева с выражением муки на лице. Александр только развел руками: не бросать же его те-перь? Они прошли через дверь, ведущую к свободе, и оказа-лись в небольшой будке. Здесь, связанные и с заткнутыми рта-ми, лежали два часовых.

— Скучно им было, захотелось с девочками поболтать, — пояснил Гаевский. — Дисциплина у французов что-то падает. Пора Бонапарту об этом подумать. Его-то они слушают, а вот офицеров рангом поменьше бояться разучились. Вина много пьют, за девушками волочатся...

— Помолчи! — приказал Остужев, выглядывая на улицу. — Есть карета или еще что-нибудь?

— Есть карета, есть. Иди налево. — Гаевский вытолкнул его наружу. — Пистолет только сунь под сюртук.

Карета и правда стояла шагах в ста. Когда Остужев дошел до нее и увидел, кто держит лошадей, то споткнулся и едва не упал. Это была Джина Бочетти, как никогда прекрасная в уланской форме. Она опустила глаза и не сделала ни шагу на встречу.

— Что это значит? — Остужев тоже не подошел к ней и дождался Гаевского. — Откуда она вас знает?

— Я к ней пришел, — объяснил Антон. — Услышал, что случилось, и пришел к ней. Правда, сначала ее выгнал Бонарт, и еще, кстати, он пытался арестовать Колиньи. Но это ни к чему рассказывать здесь, только что вырвавшись из тюрьмы. Может быть, поедем?

Мари, молчаливая и даже какая-то чопорная, уже садилась в карету. Гаевский залез на козлы, и Остужеву ничего не оставалось, как последовать за Мари. Забрался наконец и Байсаков, сперва галантно открыв дверцу перед Джиной. Гаевский щелкнул кнутом, и лошади понесли их куда-то за город.

— Кто будет мне объяснять, что произошло? — мрачно спросил Остужев. — Я надеялся на Антона, но он лишил меня такого счастья. Кто тогда?

— Я могу только сказать, что моему отцу пришлось на некоторое время отлучиться, — ответила Мари, и Александр понял, что имени Дюпона она произносить при Джине не хочет. — Я пришла сообщить об этом Антону, и он познакомил меня с графиней Бочетти.

— Хорошо, Саша, я тебе все расскажу, — заговорила Бочетти, по-прежнему не глядя Александру в глаза. — Прежде всего: я поступила так только затем, чтобы мы оба не оказались в тюрьме! Наполеон может вести себя очень достойно, надо отдать ему должное, но на самом деле никаких принципов у него нет. Оскорблений он не прощает никому, ни мужчинам, ни женщинам, а оскорбление может увидеть в любом пустяке,

он же корсиканец. Я испугалась. Я надеялась сохранить его расположение, позже во всем признаться и вызволить тебя. Все получилось иначе, он вскипел, сказал, что не хочет меня знать, и прогнал. А потом оказалось, что он приказал арестовать Колиньи, но мне неизвестно почему. Все случилось так неожиданно... Я не знала, что делать. И тогда меня нашел Антон. Сначала я решила, что он пришел меня застрелить. Но Антон лишь спросил, могу ли я помочь вытащить тебя из беды. Через знакомых офицеров я выяснила, куда тебя отвезли, и еще кое-что насчет тюрьмы, начала разрабатывать план, но Антон решил попробовать сперва действовать быстро, наудачу. Он оказался прав. Теперь мы едем в какое-то место, известное молодым людям.

Бочетти покосилась в сторону Мари, но девушка все так же смотрела в окно.

— Спасибо тебе, Джина, — решился произнести Остужев. — И тебе, конечно же, огромное спасибо, Мари! Антону скажу потом. А это мой приятель поневоле, Иван Байсаков. Он тоже из России и угодил в миланскую тюрьму каким-то странным образом.

Мари повернулась наконец и внимательно рассмотрела Байсакова. Тот, услышав свою фамилию, широко улыбнулся. Мари поджала губы.

Антон свернул на небольшую дорожку, проехал через рощу и остановился у неприметного, со всех сторон закрытого деревьями домика. Здесь, как выяснилось, последние дни жила Мари. По ее словам, ее привез сюда отец, а потом вынужден был исчезнуть на некоторое время. Бочетти, тихая и задумчивая, обошла весь дом и принялась бродить по окрестностям.

— Я правильно понимаю, что ты ей не веришь? — спросил Остужев.

— Правильно, — кивнула девушка. — И Антон знает, что я ей не верю.

— Но она вправду нам помогла! — весело напомнил Гаевский. — Действительно выяснила, где ты, и даже примерный план тюрьмы у нас был. Мы вошли как бы с черного хода. Дальше повезло, но...

— Но это могла быть ловушка, — меланхолично заметила Мария.

— Мы бы вырвались, — засмеялся Гаевский. — Ну, или как минимум ты. Зато знали бы точно, кто такая Бочетти. А теперь вопрос остался открытым.

— Можно мне что-нибудь съесть? — спросил соскучившийся Байсаков. — Хоть что-нибудь.

— Сначала расскажи, кто ты, — потребовал Гаевский. — Я для Марии переведу, а Джине пока знать необязательно.

Байсаков повторил начало своей истории, уже слышанное Остужевым: через Азовское и Черное моря увезли его турки в Истамбул. Там его продали мамлюкам в Египет, где почти год Иван пребывал в рабстве. Мамлюки любили его за невиданную физическую силу и постоянно предлагали принять ислам и записаться в их войско. По словам Байсакова, мамлюки держат в руках весь Египет и давно поработили египтян. Вроде бы они подчиняются турецкому султану, только он сам их боится и никаких приказов не отдает. Творят мамлюки в Египте что хотят, и одно время Байсаков всерьез думал об их предложении.

— Только тоска взяла, — закончил он. — Вспомнил снежок белый, лес, зайчиков-белочек... Заскучал по Сибири. Ну, и двинул на север. Там море. Попросился по-христиански к итальянцам на корабль, выручайте, мол, от мамлюков бегу. Они и приняли. А уж потом я от Неаполя все на север шел и вот сюда добрался. Языка-то не знаю, запутал, поди, малость. Далеко Россия-матушка?

— Далеко, — кивнул Гаевский. — Но это ничего. Доберись до Польши, а там уж тебе рукой покажут.

— Вынюхивает! — фыркнула Мари, глядя в окно на гуляющую Джину. — Я чувствую, как она вынюхивает Клода.

— Или ты сумасшедшая, или самая умная из нас, — как всегда, беспечно предположил Гаевский. — Ну, в любом случае я тебя люблю, сестричка. Без тебя мне было скучно. Александр все-таки немного нудный. Война ему не нравится!

Мари, посмотрев на несчастного Байсакова, без слов поняла его и принялась готовить ужин. Гаевский, слова которого проигнорировали, попробовал надуться, но, поскучав немного, изменил решение и пошел помогать.

— Я тоже могу готовить, — сказал Иван. — Сыр порезать или еще что-нибудь такое.

— Сиди, отдыхай, — распорядился Остужев. — А я пойду прогуляюсь.

Джина ждала его уже давно. Она действительно была очень хороша в роли улана. Но Остужев запретил себе любоваться. Он должен был понять эту женщину, потому что теперь от этого зависела не только его жизнь, но жизнь его юных друзей. Он медленно подошел, остановился рядом, оперся о ствол дерева.

— Ты меня любишь? — просто спросила она.

— Да, — признался Александр. — Но не знаю, могу ли я тебе верить.

— Я понимаю. Ты умен, Саша, ты честен и благороден — все эти качества я хотела бы видеть в себе, но их нет... — Джина теребила пуговицу, и Остужев уже не мог думать, смущается она или изображает смущение. Он любил ее и хотел упиваться этим чувством. — Но, может быть, я еще не все в жизни потеряла? Саша, я могу только просить. Вытащи меня из той грязи, в которой я оказалась. Я уже сама себе не верю. Я боюсь.

— Кого? Наполеона или Колиньи?

— Обоих! — В ее глазах появились слезы. — И тебя тоже. Я боюсь узнать, что ты думаешь обо мне на самом деле. Ты

сказал, что любишь, но не знаешь, верить ли мне. Но я тоже не знаю, могу ли тебе верить! У тебя есть друзья и убеждения. У меня нет ничего и никого. Ты знаешь, чего я сейчас хочу?

Остужев покачал головой и подумал, что он хочет только одного — оказаться с ней вдвоем далеко-далеко, все равно где, лишь бы все эти страшные и отвратительные события остались на другом краю земли.

— Я хочу, чтобы ты увел меня в спальню, Саша, — сказала Бочетти. — И если ты сейчас скажешь мне «уходи», я уйду. А можешь ничего не говорить. Я сама все пойму.

Он даже улыбнулся. Джина вела себя так, будто у него был выбор. Она в самом деле не понимала, как он ее любит, и это делало ее почему-то еще более привлекательной. Александр взял ее за руку и повел. Они прошли мимо готовящихся ужин друзей, и никто не сказал им ни слова.

— Как ты думаешь, она ему там ничего не сделает? — спросила Мари, когда пара поднялась по лестнице.

— Смотри что ты имеешь в виду! — рассмеялся Гаевский и покосился на печально хлопающего глазами, ничего не понимавшего Байсакова. — Но довольно странно было бы помогать спасти его, чтобы потом убить.

— А ты уверен, что она сама знает, чего хочет? — Мари хлопнула рукой о стол и посмотрела на Ивана. Тот кивнул. — Ты все время пытаешься все просчитать, Антон. Молодец. Только женщину просчитать невозможно.

А наверху творилось волшебство. Александр был слишком влюблен, чтобы подумать, где научилась Джина всему тому, чем он наслаждался. И это к лучшему, ведь именно сейчас к нему неожиданно пришла лучшая ночь в его жизни. Возможно, она была лучшей и в жизни Джинны. И ничто не говорило о том, что она добивается каких-то целей, ни одна тень не прокользнула на ее лице.

Мари оставила остатки ужина на столе, и под утро Александр и Джина были приятно удивлены. Они молча сидели друг напротив друга и уплетали за обе щеки сыр, помидоры, зелень... Все подряд. Курицы оставалось совсем немного, и тарелка долго ездила с края на край стола — каждый хотел угостить другого. Наконец Джина подошла к Александру и заставила съесть птицу, тонкими пальцами запихивая кусочки ему в рот. Если бы его спросили, чем он готов заплатить за это блаженство, он бы, не задумываясь, ответил: всем.

Потом они снова ушли наверх. Проснулась Мари, неслышной тенью метнулась за ними и немного постояла у двери. Ей не нравилась Бочетти, девушка чувствовала что-то недобroе, но сформулировать какую-то мысль, чтобы донести ее до Александра, не могла. Мари спустилась и обнаружила голодного Байсакова, рыщущего по кухне. Общаться они не могли, но Мари снова все поняла без слов. Она показала ему, где хранятся запасы пищи, и Иван долго по-русски ее благодарил. Мари занялась приборкой, делая вид, что не обращает на Ивана внимания, но легкая улыбка все же появилась на ее губах в это утро.

Наконец, позавтракать пришел и Антон, который на первую половину ночи сам себя назначил часовым. Ничего подозрительного он не увидел и не услышал, что его сильно успокоило — в глубине души он тоже боялся, что привел в этот затерянный в лесу домик змею.

— Клод как-то даст тебе знать, когда появится? — тихо спросил он у Мари.

— Нет, ему пришлось плотно залечь на дно. Колинны выследил меня в обозе. Боюсь, Баррас рассказал ему все. Когда появился Дюпон, они обложили его. Клоду пришлось уйти, но об этом домике он знает. Я оставила тут ему несколько знаков, чтобы не торопился входить, если что-то случится. Но когда его ждать... — Мари загрустила. — И ждать ли?

— Брось с утра нюни распускать! — Антон повернулся к Байсакову. — Ваня, расскажи еще про мамлюков.

— Что рассказывать? — пожал могучими плечами жующий Байсаков. — Конница у них очень страшная, а пехоты нет. Но конница когда летит, саблями машет, улюлюкает — очень жутко. Спроси лучше Мари: хотела бы она увидеть Россию?

Антон смерил его долгим, тяжелым взглядом, но Иван, кажется, даже не понял, что Гаевский имел в виду. На лестнице послышались шаги, и появились Джина и Александр, держащиеся за руки.

— Я хочу кое-что сообщить, — сказал Остужев. — Решать будем вместе.

— А я не желаю решать, должны ли вы теперь пожениться! — хмуро ответил Антон, все еще поглядывая на Ивана. — Лучше даже вообще нам ничего не сообщай.

— Нет, я не о том. — Александр обнял Джину. — Я о Колиньи. Джина знает его тайное убежище, как раз на тот случай, если Бонапарт объявит на него охоту и все обернется против него. Колиньи сейчас никому не может доверять. Джина должна прийти туда в течение трех дней, сейчас второй.

— И почему же он доверяет нашей графине, как по-твоему? — Мари отставила прочь чашку кофе. — Никому не доверяет, а ей доверяет.

— Потому что я работаю на него уже почти десять лет. Потому что я неплохо умею хранить тайны... Раньше умела, — поправилась Бочетти и улыбнулась счастливому Александру. — И потому что кто-то должен был приносить ему еду и новости. Если бы я не была уверена, что за мной не следят, я бы не пришла, и он в этом уверен — так уже было не раз. Вы воюете командой, а на нашей стороне никто никому не друг. Арки обманывают всех, так же ведут себя и люди. Арки думают, что мы им служим, на деле же мы следовали своим интересам и старались использовать арков.

— И в чем же были твои интересы? — спросил Гаевский, хрустя яблоком. — Мне вот кажется, ты просто игрок по характеру.

Александр строго посмотрел на него, и Антон ухмыльнулся.

— Деньги, — ответила Бочетти. — Но мои деньги у Колиньи. Он говорил с арками, потом объяснял мне, что делать, и обещал, что однажды я получу все сполна и даже больше. Он выгодно вкладывал мои средства, я знаю это точно. Теперь-то я понимаю, что он и не собирался отдавать их мне, и отпускать меня тоже не собирался. Но я готова проститься с этими деньгами. Я хочу сменить сторону. Я хочу быть с вами и заслужить ваше доверие, как заслужила доверие Александра.

У Мари появилось такое выражение лица, будто она только что прожевала целый лимон. Заметивший это Байсаков с укоризной посмотрел на Бочетти.

— Так что дальше? — спросил Антон. — Ну, убежище. Ну, может быть, он там. Но у нас нет приказа от руководства. То есть приказ имеется: ничего не делать без приказа.

— А теперь самое интересное! — Остужев хлопнул ладонью по столу. — Почему Бонапарт ищет Колиньи, почему хотел арестовать? Колиньи готовил ловушку, собирался напасть на генерала и отобрать предметы силой. Есть вероятность, что это ему удалось.

Гаевский, престав жевать, повернулся к Мари. Девушка покачала головой.

— Сначала надо проверить. Посмотреть Бонапарту в глаза. А он уже покинул Милан. Пока будем за ним гоняться, срок пройдет, и искать Колиньи в этом секретном месте не окажется никакого смысла.

— Именно поэтому надо решить: пойдем ли мы туда, и если да — то кто пойдет? — посеръезнев, объяснил Александр. — Нас четверо. Как только он нападет, я смогу ему достойно ответить.

Мари, допустим, идти ни к чему. Джина и Антон прикроют меня сзади. Если там нет Колиньи, то не о чем и говорить. А если есть и с предметами... Это будет большая удача.

— И где это место? — поинтересовался Гаевский.

— Не так уж далеко отсюда. В горах, к северу, — пояснила Бочетти. — Но мы можем пойти и вдвоем с Александром. Я даже думаю, что это правильнее всего.

За домом раздалось недовольное ржание. Антон посмотрел на Ивана.

— Господин Байсаков! Кров и хлеб хорошо бы отработать. Ты там что-то говорил про конницу? Вот нам лошадок накормить и напоить надо.

Байсаков посмотрел на Александра. Он кивнул, и Иван Иваныч покорно отправился выполнять те обязанности, которые был способен исполнить.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

СЧАСТЬЕ, ГОРЕ, СЧАСТЬЕ

Карета катилась по изменчивой горной дороге, легко вниз и с понуканием лошадок вверх. Кнутом взмахивала Джина, Александр просто сидел рядом и одной рукой держал вожжи, а другой обнимал любимую. Может быть, не ночью был пик его счастья, а вот в этот момент? Даже цель, с которой совершалась эта поездка, не могла омрачить такого дня. Итальянка молча прижималась к нему, а Остужев рассказывал о России, о Карле Ивановиче, о своих чувствах к ней... Им оставалось ехать еще около часа.

— Я действительно хочу, чтобы все получилось, как мы задумали, — вдруг сказала Джина.

— Я тоже! — беспечно воскликнул Александр. — Мы все этого хотим, и все у нас получится! Не может в такой чудесный день что-то не получиться!

В карете дремали два юноши и девушка. Одному из них, Байсакову, в силу незнания французского и делать-то больше было нечего, как дремать. Когда он заявил, что непременно желает ехать со своими новыми товарищами, его предупредили, что, возможно, будет заварушка. На заварушку Иван немедленно согласился, сказав, что после мамлюков он уже никого не боится. Другой юноша скорее делал вид, что дремлет. Антон

хотел болтать с Мари о пустяках, подшучивать над ней, смеяться. Но девушка была настолько недовольна их поездкой, что после нескольких безуспешных попыток разговорить спутницу он зло изрек: «Уж лучше бы осталась и не портила всем настроение. Все равно заняться нечем, а жизнь идет!» Мари или обиделась, или сделала вид, что обиделась, Гаевский никогда не знал, что с ней творится на самом деле.

— Вон тот лес! — Джина ткнула вперед кнутом, когда они оказались на пригорке. — Туда не доехать, но в том-то и дело. Когда Колиньи действительно считает, что нужно спрятаться, то, как зверь, уходит от людей. Однажды я попробовала пойти с ним, но это оказалось для меня просто невозможным. Он даже костер запрещал разжигать.

— Ты любила его? — будто проснулся Александр. — Когда-нибудь?

Джина почувствовала, как его рука на ее плечах напряглась, и горько покачала головой. Да, она любила Колиньи. Может быть, прежде, а может быть, и сейчас. Любила и ненавидела. Но разве можно сказать откровенно мужчине о другом мужчине? У нее был слишком богатый и слишком печальный опыт на этот счет. С мужчинами нельзя быть откровенной. С женщинами — тем более. Так говорил Колиньи. Так думала она.

— Нет, не любила. Я его использовала — сначала мне так казалось. А потом вышло, что он использует меня.

— А когда он рассказал тебе про предметы и арков?

— Колиньи? Рассказывать такое мне? — Она ласково боднула Александра головой. — Да ни за что на свете! Я кое-что подслушала, кое-что поняла сама, а потом поговорила с ним напрямик. Забавно было! Я просто слышала, как он думает: убить ее или нет?

— Зачем же ты так поступила? — искренне расстроился Александр.

— Не знаю. Я не всегда понимаю, почему поступаю так, а не иначе, — рассмеялась Бочетти.

Спустя полчаса они покинули карету и, оставив с лошадьми Байсакова, пошли в лес. Джина предупредила всех, что Колинни хорошо умеет прятаться. Нужно было найти его землянку. Они рассыпались цепью и шагали с пистолетами наготове, стараясь ступать неслышно. Так продолжалось довольно долго, но землянку пока никто не отыскал. Наконец решено было сделать привал и перекусить. Все расселились на корнях большого старого дуба, а Александр отошел чуть в сторону, заглянуть за показавшийся ему подозрительным холмик.

— Не стреляй! — Колинни возник словно из-под земли и приставил к его груди два пистолета. Точно так же, с двумя пистолетами в руках, шел Остужев, и теперь их стволы уперлись в грудь врага. — Умрем, так вместе. Но сначала поговорим?

— Зачем тебе это? — спросил Александр, глядя в его разноцветные глаза.

— Хотел поговорить о Джине. Ты влюбился всерьез, да? — Колинни говорил, улыбаясь, и шрам на его щеке извивался, как змея. — Остужев, ты был бы интересным противником, будь постарше лет на десять хотя бы. К тому времени ты бы уже знал, что Джине нельзя доверять.

— Так это ловушка? А что будет с ними? — Александр скосил глаза на друзей. Все в порядке, они делили продукты и разливали в стаканы вино. — Они же совсем дети!

— Уже не совсем, — возразил Колинни. — Играя во взрослые игры, дети быстро взрослеют. Тела у них еще детские, а вот соображают, боюсь, получше тебя. Ты же физически взрослый, а разумом ребенок, Остужев. Что заставило тебя поверить Джине?

— Это ловушка или нет, черт возьми?! Я вот-вот спущу курки!

— И умрешь тут, в этом чудесном лесу. Есть здесь сосна, высокая такая, красивая. Я забираюсь на нее, когда скучно или когда кого-нибудь жду. С нее очень далеко видно. Я заметил вашу карету давно и вас на козлах узнал. Но время было, поэтому я сидел на сосне и все думал: уйти мне, или принять бой, или, может быть, пристрелить Джину, а потом уже уйти — чтобы тебе было веселее жить, ты понимаешь? — Он снова осклабился. — И вот сидел я, сидел и увидел эскадрон гусар. Французских, как ты догадываешься. Что они тут делают? Кто мог им рассказать, где меня искать? Или я сам, или Джина.

— Я тебе не верю! — Остужев снова взглянул на ничего не подозревающих друзей. — Зачем ей было нужно говорить Бонапарту?

— Да потому что она влюбилась в этого коротышку-корсиканца при первом же знакомстве! — Колинни перестал улыбаться. — Да, я просил ее сблизиться с ним по возможности. Он уже тогда казался мне нужным человеком. Но она влюбилась, сразу, я это видел. Я знаю Джину... А потом она узнала, что ты его друг. И захотела сблизиться с тобой. Сбежала от меня в Ниццу. А потом ей выпал случай... Только она знала, что Бонапарт относится к ней не лучше, чем к какой-нибудь портовой шлюхе. Он любит мадам Богарне. А у Жозефины есть кое-что, и Джина об этом знает.

— Она написала мне письмо! — тяжело дыша от невыносимой ревности, произнес Александр. — Письмо о том, что...

— Я приказал ей его написать. Приказал сблизиться с тобой, а иначе расскажу кое-что о Джине Бонапарту. Я ведь уже понял, кто прострелил мне ногу в саду за домом Жозефины. Я хотел отомстить, мне нужно было как-то оттянуть тебя от Бонапарта. Хватило бы письма, найденного при обыске, и Джину он бы сразу отпустил... — Колинни окончательно помрачнел. — Откуда ты знаешь, может быть, я ее тоже люблю?

— Зачем ты говоришь это все мне?

— Да так, на прощанье. Вдруг больше не увидимся? — Колиньи надавил пистолетами на грудь Александра и развернул его так, чтобы их обоих было хорошо видно. — Эй, Джина! — крикнул он. — Послушай меня, несчастная сумасбродная кошка: Бонапарт не любит тебя и никогда не будет любить! Так кого из нас ты пытаешься предать?

Она выронила бокал, быстро схватила пистолет и вдруг направила его на голову Гаевского, который едва не подавился куском от неожиданности.

— А может быть, Колиньи, я хочу, чтобы и ты умер, и он, и я тоже? — Голос Бочетти выбрировал от какого-то запредельного нервного напряжения. — Да, я люблю Наполеона, этого великого человека! И хочу, чтобы умерли все его враги! Александр, еще секунда, и...

Гаевский прыгнул, уходя из-под выстрела, но Джина отреагировала мгновенно, и мальчишка рухнул в траву с простреленной спиной. Второй пистолет итальянки тут же оказался направлен на Мари. Спустить курок она не успела, пуля вошла ей прямо в сердце. Остужев видел перед собой дымящийся ствол и не мог поверить — это он выстрелил. Если бы Колиньи в этот момент решился, то убил бы Александра и ушел безнаказанным. Но француз сделал иной выбор.

— Антон! — Мари бросилась на колени, зажала рану. — Его надо перевязать, помоги мне! Быстрее, Саша!

Он пошатнулся, как пьяный, повернул голову и обнаружил, что Колиньи перед ним уже нет. Что это за проклятая игра? Что это за удивительный, непредсказуемый мерзавец? Колиньи удовлетворился тем, что Остужев сам выстрелил в собственное сердце, и решил не добивать.

— Саша!

На ватных ногах он добрался до Мари, помог ей хоть немного унять кровотечение Гаевского. Остужев все время поглядывал

на труп Джини, чтобы убедиться: он действительно застрелил эту несчастную женщину, сошедшую с ума от любви к Наполеону? Если бы хоть как-то можно было все вернуть, он предпочел бы умереть сам.

— Что случилось, что? — прибежал Байсаков, вооруженный кнутом. — Кто его так?

— Отнеси Антона в карету, — тихо приказал Александр. — Мари, иди с ним. Я сейчас буду.

Теперь он понимал, что Колиньи не соврал про гусар. Они могли появиться в любую секунду, и единственный способ спасти Антона и Мари — немедленно уезжать. Джину лучше оставить здесь. Он наклонился над ней и поцеловал в губы. Александр понимал, что теперь ему до конца жизни суждено вспоминать ее слова, разгадывать загадки, и все — без малейшей надежды на правильный ответ. Он никогда не узнает, любила ли она его хоть немного. Надеялась ли Джина заслужить любовь Бонапарта или мечтала умереть?

Времени не было, его не было совсем, ни секундочки, и он заставил себя подняться.

Остужев догнал Байсакова возле самой кареты, помог уложить в нее Гаевского и забрался на козлы. Когда они уже катились по дороге, набирая ход, далеко позади показались из-за поворота первые гусары. Остужев, как умел, заработал кнутом — не время жалеть лошадок. К счастью, гусары их, по всей видимости, не заметили, помешало слепящее солнце. Эскадрон оцепил лес, как и было приказано, и занялся его прочесыванием.

Они скакали до заката, совершенно загнав лошадей. Лишь дважды Остужев притормаживал, чтобы услышать от Мари, как дела у Гаевского. Мальчишка пришел в себя и даже мог говорить, вот только все время кашлял кровью. Пуля прошла навылет и почти вскользь, но, видимо, коснулась легкого. Они

решили рискнуть и уехать подальше, чтобы там уже спокойно поискать для Антона доктора.

Наконец, уже под утро, они сидели с Байсаковым в солнном придорожном кабачке и пили вино. Мари в это время находилась в комнате рядом — охраняла покой спящего Гаевского. Остужев уже несколько часов не говорил ни слова, молчал и Иван — силач уже понял, что сейчас расспросы бесполезны.

В кабачок вошла женщина в мужском охотниччьем костюме. Она быстро оглядела помещение, потом присела за пустующий столик напротив Остужева и заказала ужин. Он и не заметил ее, погруженный даже не в мысли, а в какое-то оцепенение, если бы Байсаков не тронул его за руку.

— Слушай, Саша, странная женщина. Одна, ночью, а под плащом оружие, я точно вижу.

— Что нам за дело?

Остужев поднял голову, и его словно ударило: разноцветные глаза! Рыжеватая, с блуждающей улыбкой на чуть плутоватом лице, женщина спокойно выдержала его взгляд.

«Предмет! Я, черт возьми, получу его. Раз уж это так важно, я получу его и брошу к ногам Дюопона вместе со всей своей жизнью... — Мысли в голове путались, как у пьяного. — Проклятые предметы, губящие жизни! Если бы не кролик Жозефины, может быть, Наполеон полюбил бы несчастную Джину?»

— Помоги-ка мне, — тихо сказал он Байсакову и поднялся. — Добрый вечер, мадам или, может быть, мадемуазель? Не хотите ли выпить с нами вина? Меня зовут Александр.

Он и в самом деле походил на пьяного. Не успел он приблизиться к столу поздней гостьи, как ему в живот уперся невидимый для других пистолет.

— Ты интересуешься серебристыми фигурками животных? — Она показала зубы, то ли улыбаясь, то ли скаля их. — Дай мне

правильный ответ, иначе твои кишки украсят перила лестницы за твоей спиной, клянусь всеми морскими чертами.

Остужеву стало смешно. Пугать его смертью после всего, что произошло!?

— Саша, что происходит? Саша! — встревоженная Мари спустилась в зал. — Я хотела... Клод, наконец-то!

Дюпон шагал к ним через зал. Он прошел мимо столов к Мари, погладил ее по голове и спокойно произнес:

— Помнишь, я рассказывал тебе о капитане Кристин? Так вот — с тех пор моя девочка, кажется, немного подросла. Как ты нашла меня, безумная ты женщина?

Вместо ответа Кристин сунула руку за воротник и через секунду показала фигурку пса.

— Мне кажется или ты мне не рад? — спросила она то ли с усмешкой, то ли с обидой.

— Тебе кажется. — Дюпон шагнул к ней, и Кристин буквально прыгнула навстречу, повиснув у него на шее, как ребенок.

Наверное, первый раз Александр увидел Дюпона... не растерянным, нет. Но — обычным человеком, открытым миру и людям, без той внутренней брони, которую он, похоже, уже много лет носил не снимая. Силы оставили Остужева, и он опустился на стул. В то же время ему стало немного легче. Значит, в этом покрытом тайной мире случается и что-то радостное? Он подмигнул Мари и снова налил себе вина. С девочкой все еще могло быть хорошо. И с Антоном, и с Иваном Ивановичем Байсаковым. Но уже не с Александром Остужевым.

— Не сдавайся, Александр! — крикнул ему Дюпон, будто прочел его мысли. — Никогда не сдавайся! Ты себе представить не можешь, из каких адовых подземелий можно снова вынырнуть к солнцу!

Кристин повернула к нему счастливое, заплаканное лицо и кивнула. Мари шагнула к ней и осторожно взяла за руку. Начинался рассвет.

ЭПИЛОГ

1797 год, Франция, Париж

Наполеон вернулся триумфатором. Ему стоя аплодировала вся Директория, а также Совет пятисот. Но кроме парижского люда ему аплодировала вся Франция, и это было самым важным. Бонапарт не только прославил страну стремительными победами, но и укрепил Республику невиданными трофеями, поступившими из Италии. Казна полнилась за счет выплат, которыми он обложил формально еще независимые королевства. Австрия устрашена. Да что там Австрия! Даже в Англии и в России скрипят зубами и пугают именем Наполеона детей.

Но во время торжеств сам Бонапарт выглядел спокойным, несколько отрешенным и даже хмурым. Все подарки и поздравления он принимал так, словно это было само собой разумеющейся ерундой, лишь отвлекающей его от действительно важных дел. Шумный день закончился банкетом в доме Богарне. Когда глубоко за полночь гости разошлись, он поманил пальцем Барраса.

— Где Жозефина носит это? — спросил он, взяв за руку сидевшую рядом любовницу. — Вы оба знаете, о чем я говорю.

— Но я не... — Даже Баррас терялся при общении с Бонапартом. Невысокий генерал изменился, он будто бы и в самом деле стал велик. — Прикреплено под платьем, на груди.

— Достань прямо сейчас, Жозефина. — Наполеон строго посмотрел ей в разноцветные глаза. — Я не буду сердиться. Просто ты никогда больше этого не наденешь.

Краснея, Богарне достала фигурку кролика и протянула ее Наполеону. Он небрежно взял ее и покрутил в пальцах, любуясь отраженным светом свечей.

— Какие все-таки забавные эти зверушки, не правда ли? Да, вот еще что, Жозефина. Я знаю, ты боялась некоего Колиньи? Больше не бойся, а если где-то увидишь — тут же сообщай мне. Или мсье Баррасу, если меня не будет рядом. Я ему оставлю подробные инструкции. Ну а вы, Баррас, нужны мне завтра с утра. Мы обсудим одну чрезвычайно секретную операцию.

— Может быть, вынести вопрос на заседание Дирекции? — промямлил Баррас.

— Вопроса нет, мой друг. Есть мое решение, и утром я вас с ним ознакомлю. Больше я вас не задерживаю. И ты иди, моя дорогая, я еще немного почитаю. Времени не хватает!

Когда все ушли, Бонапарт удобно расположился в кресле и раскрыл книгу, обложка которой была украшена изображением Сфинкса. Поход в Египет требовал тщательной подготовки. Будущий император Франции целиком погрузился в чтение. Он не вспоминал ни сумасшедшую итальянку Джину Бочетти, ни еще более сумасшедшего русского Александра Остужева. Великие люди должны думать о великих свершениях.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...

ИГОРЬ ПРОНИН

Родился и живет в Москве, образование экономическое. Больше десяти лет работал в «банковской сфере», пока не заскучал, и с тех пор писатель. Издал (чаще под псевдонимами) более двадцати романов, не считая повестей и рассказов в сборниках. Предпочитает сочинять фантастику, в ней и стал лауреатом нескольких премий. Печатался в таких сериях, как «Ведун», «Сталкер» (А. Степанов). Новеллизировал сценарий кинофильма «Черная молния», работал над телепроектами. Автор серии «Пираты» проекта «Этногенез».

Собирается так и продолжать.

АВТОР О «НАПОЛЕОНЕ»

Не секрет, что на «наполеоновскую» тему за последние двести с лишним лет написано несчетное количество книг — от серьезных исследований до бульварных романов. Не страшно было браться за такой «раскрученный» сюжет?

Книга писалась для проекта «Этногенез», в котором этот сюжет пока не раскручен. «И совершенно зря», — подумал я. Некоторые исследования я с удовольствием прочел, например работы Стендоля и Тарле. И обнаружил, конечно же, что Наполеон у всех разный. Поэтому не надо удивляться, что и мой вышел особенным — даже в исторических исследованиях, даже будучи историческим персонажем, он многолик. Что уж тут говорить о литературе художественной.

Мой Наполеон, в отличие от других, подвергается серьезному испытанию: получает предмет, и даже не один. Такая ноша не каждому по силам, тем более что и без предметов он никогда не был ангелом.

Существует легенда, что пчела считалась своего рода «священным» символом первой французской династии Меровингов, чьи короли обладали рядом магических знаний. И Наполеон, разумеется, знал об этом. Может быть, у Наполеона та самая пчела?

Пчелы Меровингов, нашитые на плащ, найденный в королевской гробнице, были золотыми. Поэтому «предметами» они ни в коем случае не могли быть. Зато пчела из серебристого сплава, дающая работоспособность, позволяющая впитывать в себя огромное количество информации и верно обрабатывать ее, могла стать образцом для ювелиров древних королей. Пчела помогает усваивать знания, умножать их, и тогда они действительно могут стать «магическими».

До сих пор примером работоспособности является Юлий Цезарь, который, по словам современников, мог делать несколько дел одновременно. О Меровингах нам известно меньше, но для руководителя высшего уровня (короля, например) такое качество крайне полезно.

Какие из действующих героев являются реальными историческими персонажами, а какие — вымышленными? И насколько вымышленные вымыщлены, а исторические историчны?

Жозефина Богарне, конечно же, реальный исторический персонаж. У меня в книге она показана глупой марионеткой, которой вертят, как хотят, окружающие ее мужчины. Конечно же, реальная Жозефина не была такой. Но в целом я недалеко уходил от реальной истории: и муж у нее погиб во время якобинского террора, и Баррас «передал» ее в качестве любовницы Наполеону. Надо сказать, что мне самому уже стало жаль Жозефину, и надо бы в будущем рассмотреть ее личность внимательнее. Пожалуй, я даже несправедливо поступил с ней в книге.

Поль Баррас — еще один реальный и весьма яркий исторический персонаж того времени. Вот тут уже современники писали о нем такое, что я не стал переносить в наш проект. Все

признавали, что он умен и не трус, но на этом положительные характеристики Барраса заканчивались. Число его пороков просто пугает.

В романе мелькают еще несколько фамилий исторических персонажей: Карно, Ожеро, Мюрат... Все это интереснейшие личности, и я надеюсь написать о них подробнее. Особенно о командующем кавалерий Бонапарта Мюрате, почему-то люблю этого персонажа.

Русская троица в романе (Остужев, Гаевский, Байсаков) слишком уж смахивает на бессмертных персонажей Дюма. Зачем вам понадобилась аналогия с «Тремя мушкетерами»?

Да нет, сходство весьма относительное. На самом деле истории у них другие, а иначе и быть не могло — у Дюма молодой граф взял да и вздернул на ближайшем дереве собственную юную жену всего лишь за то, что она оказалась клейменой каторжанкой. Мне с детства не нравилась эта история, в силу мягкости характера: «А поговорить?», «А сам куда раньше смотрел?», «Зачем же, не приводя в сознание, вешать-то?»

Одним словом, вы поняли: полной аналогии не будет, как не будет и пародии. Просто эта троица — трио беспредметников. И в качестве команды должны дополнять друг друга. Кстати сказать, Мари тоже не надо сбрасывать со счетов.

А еще мне в конце романа что-то жалко стало Остужева... Может, чудеса случаются и все не так страшно? Может, не станет он мрачным женоненавистником, как Атос?

В романе появляются герои из серии «Пираты». Вы так их полюбили, что никак не можете расстаться, или существует иное объяснение?

Я не хотел расстаться с ними плохо. Ни Кристин, ни Клод такого не заслужили. Правда, Клод кое-что заслужил, но свои грехи «отработал». Кроме того, мне и самому было интересно: куда он попал, чем занимается, как распорядится имеющимся знанием. Кристин пришлось ждать долго — ну, вышло так, что это она его искала, а не наоборот. Что ж, в нашей жизни таких примеров уйма.

Расставаться с ними действительно жалко, и не только с ними. Но постепенно придется все же отпустить их пожить самостоятельно, где-то за границами текста. Должна же у людей быть личная жизнь.

Каким временем вы планируете окончить последнюю книгу серии? Дождемся ли мы наполеоновского похода на Москву?

Без описания кампании 1812 года я не могу видеть серию полной. Но до нее у Наполеона еще много свершений: Египетский поход, вторичное завоевание Италии, которую у Франции в своем фантастическом походе отвоевал Суворов. Поживи он подольше, может, и закатилась бы звезда Наполеона. Вообще в жизни Бонапарта было много моментов, когда все висело на волоске. Но подозрительно прочный оказался у него этот «волосок»!

И, конечно же, на катастрофе в России история Бонапарта тоже не заканчивается. Были еще и «сто дней Наполеона», и Ватерлоо.

Неужели Наполеона привлек к Жозефине только кролик?

Нет, безусловно нет. Может быть, он ускорил процесс, но Бонапарт не зря отобрал у нее предмет. У него было много связей,

но к Жозефине Наполеон питал особенные чувства и хотел быть в них уверен. Так же будет и в нашем проекте. Это интересная история. Жозефина оценила его чувства и ответила на них как могла: верностью и теплотой.

А насколько вообще силен фактор личности человека при взаимодействии с предметами?

При взаимодействии даже с карандашом крайне важен человеческий фактор, это общеизвестно. Один «голубя мира» нарисует, другой ничего умнее не придумает, как сломать. Когда речь идет о предметах «Этногенеза», все становится куда серьезнее. Лично я уверен, что, окажись лев не у Александра Македонского, а хотя бы даже у персидского царя Дария, не было бы такого ошеломительного эффекта. Александр сам по себе был «львом», и предмет достался тому, кто был его достоин. Так же и с Бонапартом. Пчела в этом смысле еще нагляднее — да, предмет может сделать тебя обладателем огромного количества информации, поможет переварить ее и сделать логически безупречные выводы. Но достанься она необразованному дровосеку, он бы просто стал лучшим дровосеком в округе. Это не говоря уже о том множестве людей, которые просто не стали бы носить пчелу — лень. Разве только чтобы телевизор уметь смотреть круглые сутки, не уставая... Жалкая судьба для предмета.

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог.....	3
Глава первая	
Люди и тайны.....	20
Глава вторая	
Два разговора	35
Глава третья	
Артиллерист.....	49
Глава четвертая	
Мятеж и банкет	64
Глава пятая	
На двух службах	83
Глава шестая	
Лев и леопард	100
Глава седьмая	
Две попытки.....	116
Глава восьмая	
Третья сторона	132
Глава девятая	
Кролик в лапах у льва.....	149
Глава десятая	
Джина и Жозефина	165

Глава одиннадцатая Непрочная дружба	181
Глава двенадцатая Победы, деньги, женщины	199
Глава тринадцатая Спасение и любовь	219
Глава четырнадцатая Счастье, горе, счастье	236
Эпилог.....	244

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **буква**

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр.1, т. (495) 323-19-05
- м. «Алексеевская», пр-т Мира, д. 114, стр. 2 (Му-Мы), т. (495) 687-57-56
- м. «Алтуфьево», ТРЦ «РИО», Дмитровское ш., вл. 163, 3 этаж, т. (495) 988-51-28
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, стр. 1, т. (499) 267-72-15
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, д. 22, ТЦ «Александр», 0 этаж, т. (499) 206-92-65
- м. «ВДНХ», ТЦ «Золотой Вавилон - Ростокино», пр-т Мира, д. 211, т. (495) 665-13-64
- м. «ВДНХ», г. Мытищи, ул. Коммунистическая, д. 1, ТРК «XL-2», 3 этаж, т. (495) 641-22-89
- м. «Домодедовская», Ореховый б-р, вл. 14, стр. 3, ТЦ «Домодедовский», 3 этаж, т. (495) 983-03-54
- м. «Каховская», Чонгарский б-р, д. 18а, т. (499) 619-90-89
- м. «Коломенская», ул. Судостроительная, д. 1, стр. 1, т. (499) 616-20-48
- м. «Коньково», ул. Профсоюзная, д. 109, к. 2, т. (495) 429-72-55
- м. «Крылатское», Рублевское ш., д. 62, ТРК «Евро Парк», 2 этаж, т. (495) 258-36-14
- м. «Марксистская/Таганская», Большой Факельный пер., д. 3, стр. 2, т. (495) 911-21-07
- м. «Новые Черемушки», ТЦ «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, 4 этаж, пав. 4а-09, т. (495) 739-63-52
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, т. (499) 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, к. 2, т. (499) 306-18-98
- м. «Петровско-Разумовская», ТРК «XL», Дмитровское ш., д. 89, 2 этаж, т. (495) 783-97-08
- м. «Пражская», ул. Красного Маяка, д. 26, ТЦ «Пражский Пассаж», 2 этаж, т. (495) 721-82-34
- м. «Преображенская площадь», ул. Большая Черкизовская, д. 2, к. 1, т. (499) 161-43-11
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д.76, к.1, 3 этаж, т. (495) 781-40-76
- м. «Теплый Стан», Новоясеневский пр-т, вл.1, ТРЦ «Принц Плаза», 4 этаж, т. (495) 987-14-73
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15/1, т. (499) 977-74-44
- м. «Третьяковская», ул. Большая Ордынка, вл.23, пав. 17, т. (495) 959-40-00
- м. «Тульская», ул. Большая Тульская, д.13, ТЦ «Ереван Плаза», 3 этаж, т. (495) 542-55-38
- м. «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к.1, т. (495) 322-28-22
- м. «Шукинская», ТЦ «Шука», ул. Шукинская, вл. 42, 3 этаж, т. (495) 229-97-40
- м. «Юго-Западная», Солнцевский пр-т, д. 21, ТЦ «Столица», 3 этаж, т. (495) 787-04-25
- м. «Ясенево», ул. Паустовского, д.5, к.1, т.(495) 423-27-00
- М.О., г. Железнодорожный, ул. Советская, д.9, ТЦ «Эдельвейс», 1 этаж, т. (498) 664-46-35
- М.О., г. Зеленоград, ТЦ «Зеленоград», Крюковская пл., д. 1, стр. 1, 3 этаж, т. (499) 940-02-90
- М.О., г. Клин, ул. Карла Маркса, д. 4, ТЦ «Дарья», 2 этаж, т. (496) (24) 6-55-57
- М.О., г. Коломна, Советская пл., д. 3, ТД «Дом торговли», 1 этаж, т. (496) (61) 50-3-22
- М.О., г. Люберцы, Октябрьский пр-т, д. 151/9, т. (495) 554-61-10
- М.О., г. Сергиев Посад, ул. Вознесенская, д. 32а, ТРЦ «Счастливая семья», 2 этаж
- М.О., г. Лобня, Краснополянский пр-д, д. 2, ТРЦ «Поворот»

Регионы:

- г. Архангельск, ул. Садовая, д. 18, т. (8182) 64-00-95
- г. Астрахань, ул. Чернышевского, д. 5а, т. (8512) 44-04-08
- г. Белгород, Народный б-р, д. 82, ТЦ «Пассаж», 1 этаж, т.(4722) 32-53-26
- г. Владимир, ул. Дворянская, д. 10, т. (4922) 42-06-59
- г. Волгоград, ул. Мира, д. 11, т. (8442) 33-13-19
- г. Воронеж, пр-т Революции, д. 58, ТЦ «Утюжок», т. (4732) 51-28-94
- г. Иваново,ул. 8 Марта, д. 32, ТРЦ «Серебряный город», 3 этаж, т. (4932) 93-11-11 доб. 20-03
- г. Ижевск, ул. Автозаводская, д. За, ТРЦ «Столица», 2 этаж, т. (3412) 90-38-31
- г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 46, ТРЦ «ГРИНВИЧ»,3 этаж, т. (343) 253-64-10
- г. Калининград, ул. Карла Маркса, д.18, т. (4012) 66-24-64
- г. Краснодар, ул. Головатого, д. 313, ТЦ «Галерея», 2 этаж, т. (861) 278-80-62
- г. Красноярск, пр-т Мира, д. 91, ТЦ «Атлас», 1, 2 этаж, т. (391) 211-39-37
- г. Курск, ул. Ленина, д. 31, ТРЦ «Пушкинский», 4 этаж, т. (4712) 73-45-30
- г. Курск, ул. Ленина, д.11, т. (4712) 70-18-42
- г. Липецк, угол Коммунальная пл., д. 3 и ул. Первомайская, д. 57, т. (4742) 22-27-16
- г. Орел, ул. Ленина, д. 37, т. (4862) 76-47-20
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 31, т. (3532) 31-48-06
- г. Пенза, ул. Московская, д. 83, ТЦ «Пассаж», 2 этаж, т. (8412) 20-80-35
- г. Пермь, ул. Революции, д. 13, 3 этаж, ТЦ «Семья», т. (342) 238-69-72
- г. Ростов-на-Дону, г. Аксай, Новочеркасское ш., д. 33, ТЦ «Мега», 1 этаж, т. (863) 265-83-34
- г. Рязань, Первомайский пр-т, д. 70, к. 1, ТЦ «Виктория Плаза», 4 этаж, т. (4912) 95-72-11
- г. С.-Петербург, ул. 1-я Красноармейская, д. 15, ТК «Измайловский», 1 этаж, т. (812) 325-09-30
- г. Ставрополь, пр-т Карла Маркса, д. 98, т. (8652) 26-16-87
- г. Тверь, ул. Советская, д. 7, т. (4822) 34-37-48
- г. Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-68
- г. Тула, ул. Первомайская, д. 12, т. (4872) 31-09-22
- г. Тула, пр-т Ленина, д. 18, т. (4872) 36-29-22
- г. Тюмень, ул. М. Горького, д. 44, ТРЦ «Гудвин», 2 этаж, т. (3452) 79-05-13
- г. Уфа, пр-т Октября, д. 34, ТРК «Семья», 2 этаж, т. (347) 293-62-88
- г. Чебоксары, ул. Калинина, д.105а, ТЦ «Мега Молл», 0 этаж, т. (8352) 28-12-59
- г. Челябинск, пр-т Ленина, д. 68, т. (351) 263-22-55
- г. Череповец, Советский пр-т, д. 88, т. (8202) 20-21-22
- г. Ярославль, ул. Первомайская, д. 29/18, т. (4852) 30-47-51
- г. Ярославль, ул. Свободы, д. 12, т. (4852) 72-86-61

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой»
или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковью:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, 232-17-06
факс 615-51-10
E-mail: zakaz@ast.ru

www.etnogenez.ru

Литературно-художественное произведение

Игорь Пронин

Наполеон
Книга первая
Путь к славе

Автор идеи Константин Рыков
Главный редактор Кирилл Бенедиктов
Редактор Вадим Несторов
Литературный редактор и корректор Наталья Витько
Выпускающий редактор Дмитрий Гусев
Арт-директор Алексей Гонтов
Арт-концепт Алексей Маслов
Аудиоверсия: Андрей Градобоев, Роман Галушкин
Хранители идеи: Елена Кондратьева, Александр Шмелев,
Сергей Пименов
Правовое сопровождение Алексей Наказной-Хоменко

ООО Издательско-торговый дом «Этногенез»
Россия, 107031, г. Москва, Звонарский пер., д. 4, стр. 1,
тел./факс: +7 (495) 668-37-40 (41)
www.etnogenez.ru

Подписано в печать 09.11.11 г. Формат 164x215
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура CharterC 12,5 pt
Условных печатных листов — 16

Заказывайте книги почтой в любом уголке России:
123022, Москва, а/я 71 «Книги-почтой»
или на сайте www.shop.avanta.ru
Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковью:
тел./факс: +7 (495) 259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в интернете на сайте www.ozon.ru

Издательская группа АСТ
www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: +7 (495) 615-01-01, факс: +7 (495) 615-51-10
zakaz@ast.ru

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980 Россия, г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 14
тел: (8422) 41-11-07
факс: (8422) 41-11-32